

VIII
С. 504

Проверено 1961 г.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

АДАМ СМИТ

ИССЛЕДОВАНИЕ О БОГАТСТВЕ НАРОДОВ

30861 соч. №

БОГ

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ ПРОФЕССОРА П. И. ЛЯЩЕНКО

Handwritten mark or signature in the bottom right corner.

СПбГУ

Сер. 5000.

Ческая, 14.

АДАМ СМИТ.

(1723—1790 г.).

10207
Адам Смит может почти бесспорно считаться основателем политической экономии, ее главнейшим творцом, заложившим фундамент всего здания экономической науки. Среди „буржуазных“ представителей политической экономии никто не пользовался таким исключительным, таким продолжительным влиянием в экономической науке, как А. Смит. Все предшествовавшие ему экономисты, даже такие, как физиократы, являются только искателями научных путей и подходов к проблемам политической экономии. Все последующие писатели, даже такие тонкие и гениальные, как Рикардо, являются лишь развивателями идей А. Смита, дополняющими и уточняющими поставленные им проблемы. А. Смиуту принадлежит научная заслуга—впервые точно и научно формулировать и свести в законченную научную систему основы политической экономии, т. е. основы экономии капиталистического общества.

Конечно, не случайностью и не какою-либо исключительную гениальностью объясняется такое „открытие“ А. Смитом научных основ экономии капиталистического общества. По всему своему характеру научного мышления, А. Смит не представляется человеком какой-либо исключительной силы предвидения и проникновения в какие-либо новые формы социального бытия. Наоборот, он был лишь скромным наблюдателем экономической жизни своей эпохи, но наблюдателем, понявшим всю сущность, всю сложность и всю закономерность новой социальной жизни. Изучая, анализируя, иногда просто бесхитростно описывая новые явления современной ему жизни, А. Смит незаметно подходил к синтезу этих явлений, к созданию теории капиталистической экономии. И как сам капитализм тогда еще подкупал своей простотой и несложностью, так и теория А. Смита выливалась большей частью в простые, несложные, а поэтому и всем понятные, легко усвояемые формулы и аксиомы. И вместе с тем за этой простотой скрывается глубокое научно-теоретическое понимание и обобщение самой сущ-

ности наблюдавшихся им явлений, почему эти его наблюдения и обобщения и могли стать фундаментом для будущей постройки здания всей науки политической экономии, первой научной школой в развитии этой науки.

Чтобы понять причины и возможности появления такой экономической научной системы, мы должны обратить внимание, с одной стороны, на условия тогдашней экономической жизни Англии, откуда А. Смит черпал материал для своих наблюдений и обобщений; с другой—на направление и состояние тогдашней науки о явлениях экономической и общественной жизни, что объясняло и определяло метод его разрешения этих вопросов.

Англия того времени являлась страной, которая стояла впереди всех других по своему экономическому развитию и вступала в новую эпоху, эпоху капитализма. Остатки прежнего феодального строя и натурального земледельческого хозяйства быстро и окончательно сходили на нет. Но и узкие рамки сословного городского строя, городского цехового хозяйства также постепенно распадались под напором новых экономических условий. Англия вступала на широкий путь нарождающегося капитализма и быстрыми шагами шла к совершенно невиданным формам промышленной жизни. Пророком этого нарождающегося капитализма и является А. Смит.

В чем же заключались перемены хозяйственной жизни Англии, вызвавшие это новое учение, совершенно отличное от господствовавших до него систем меркантилизма, с одной стороны, и физиократизма, с другой?

Англия до конца XVIII в. быстро шла по пути укрепления своего всемирно-торгового могущества. Являясь в этом отношении передовой страной и стоя много впереди своих соперников, Англия переживала в это время эпоху расцвета и экономического первенства торгового капитала. Идеологическим отражением и научным выразителем интересов этого торгового капитала и являлся меркантилизм, как известное научное обоснование для предпосылок практической экономической политики в интересах торгового капитализма.

Но вслед за торговым капиталом к концу XVIII века в условиях промышленной жизни Англии начинают складываться и выявляться новые явления, ведущие к образованию новых форм промышленного капитала.

Эти элементы новых промышленных форм к концу XVIII в. начинают окончательно закреплять свои позиции на месте старых, постепенно разрушавшихся форм ремесленного хозяйства. Уже торговый капитал в значительной степени распатал фундамент и подточил основы мелкого ремесленного производства. В XVII в. в английском ремесле начинает замечаться стремление к расширению

своего производства и своих оборотов за пределы узко-ограниченной сферы прежней своей деятельности.

Вместо прежних 2—3 подмастерьев и учеников, ремесленники стремятся расширить свое производство и держать по 10—12 человек. Техника ремесла тоже изменяется. В более обширной мастерской можно ввести уже разделение труда между рабочими, и весь процесс производства, так же как и самый продукт, теряют характер того исключительного „создания мастера“, как было раньше.

Размеры производства и масса выработанных продуктов увеличиваются, и обрабатывающая промышленность, давая все более крупные избытки, начинает все более проявлять стремление к крупным рынкам сбыта, к экспорту своих продуктов за границу.

Все это изменяет и цели, ради которых велось хозяйство. Если раньше ремесленное хозяйство имело целью обеспечить ремесленнику лишь соответствующее условиям быта существование, то теперь начинает возникать дух наживы, стремление к получению прибыли.

Одновременно с этим постепенно происходят и крупные социальные изменения, как необходимые предпосылки для возникновения крупной промышленности: начинает образовываться новый класс свободных наемных рабочих, класс пролетариата. Еще XV—XVI в.в. ремесленный строй не знал наемных рабочих, свободных от орудий производства пролетариев, так как социальные основы ремесла покоились на известном социальном равенстве участников производства. Мастер-ремесленник являлся лишь руководителем и творцом производства, но его подмастерья и ученики не являлись теми наемными рабочими, которых он эксплуатировал в целях получения прибыли на свой капитал. Это были лишь другие возрастные группы, так как переход из подмастерья в мастера-ремесленника был формально свободен, а экономически, по условиям тогдашней техники, доступен. Цеховая организация первоначально не ставила никаких преград для увеличения количества мастеров, и всякий ученик и подмастерье, после известного числа лет выучки и стажа, мог стать мастером. Поэтому первоначально, с расширением городской жизни и увеличением промышленной деятельности, число ремесленников начинает быстро увеличиваться. Ремесло, как известная общественная формация, в это время еще вполне соответствует размаху и степени развития производительных сил, оно еще отвечает интересам большинства населения и стоит во главе прогрессивного развития экономической жизни.

Но уже в XVI в., с развитием промышленной жизни среди мастеров начинает замечаться все более обостряющаяся конкуренция, которая особенно усиливается с тех пор, как ремеслу представи-

лась возможность работать на более широкий рынок. Вместе с тем для цехового ремесла, т.-е. для экономически руководящего класса, возникает необходимость некоторых ограничений свободы расширения производства и перехода из подмастерьев и учеников в мастера. Таким образом, ремесло из форм прогрессивного развития производительных сил становится препятствием их росту, в интересах лишь некоторых групп населения. Оно перестает отождествлять в себе интересы большинства населения, и в нем начинает все более сильно наблюдаться противоположность экономических и социальных интересов. Среди подмастерьев, как класса, интересы которого теперь уже не совпадают с интересами групп, стоящих во главе производства, мастеров, возникает стремление к защите своих интересов путем создания различных организаций: организуются так наз. „братства подмастерьев“, как прообраз будущих рабочих союзов. Первоначально эти братства находили себе даже некоторую защиту у мастеров, но впоследствии они начинают становиться все в более резкую оппозицию к цеховой организации мастеров, требуя себе определенных прав, повышения заработной платы и т. п. и прибегая для достижения этого даже к таким средствам борьбы, как стачки.

Таким образом, в прежней единой цеховой организации начинают возникать все более резко проявляющаяся противоположность интересов, интересов работодателей и рабочих. Условия старого экономического уклада требовали старых форм ограничения производства и его регламентирования; новая жизнь создавала совершенно иные общественные отношения. В Англии еще в 1562 г. был издан закон об ученичестве, регламентировавший число учеников, которое мог держать каждый мастер, минимум заработной платы, который он должен был платить рабочим и т. п. Закон этот существовал несколько веков, пока постепенно окончательно отмер, став в совершенное противоречие с новыми условиями экономической жизни. Эти новые требования экономической жизни все более ясно обнаруживались с отмиранием и распадом цехового ремесла и с созданием на его месте новых форм обрабатывающей промышленности, в виде мануфактур, пользовавшихся уже трудом гораздо большего числа рабочих, чем ремесло, и при том рабочих вольнонаемных, профессиональных, рабочих, лишенных средств производства. Отношения, складывавшиеся между работодателем и рабочими в мануфактуре, конечно, совершенно не соответствовали тем правилам регламентации этих отношений, которые предписывались законом об ученичестве. Поэтому новый класс „мануфактуристов“, т.-е. крупных (по тому времени) капиталистов начинает вести продолжительную и упорную борьбу против закона об ученичестве. Еще в 1756 году, т.-е. через 200 лет после издания закона,

английский парламент, выразивший по своему социальному составу интересы не капиталистов, а землевладельцев, вновь подтверждает закон об ученичестве. Но новая сила — нарождающийся промышленный капитал — уже дает себя чувствовать: английский парламент забрасывается целым рядом петиций и протестов против этого стеснения „свободы промышленности“. Новая прогрессивная социальная сила побеждает старые отживающие интересы — парламент отменяет этот закон, санкционируя новые пути „свободы“ для возникающей крупной фабрично-заводской промышленности.

Технические условия производства также способствовали намечавшемуся колоссальному перевороту в экономическом строе. Средине и особенно последняя четверть XVIII века представляется временем технических изобретений громадной важности. Вначале мануфактуры побеждали ремесло только размерами и концентрацией своего производства, позволявшими ввести разделение труда. Самая техника производства оставалась той же, что и ремесло, т. е. преимущественно носила ручной характер. Изобретения второй половины XVIII в. превращают этот ручной процесс труда все более и более в машинный, как в отношении движущей силы, так и самого орудия работы. В 1769 году англичанином Уаттом изобретается паровая машина. В 1733 году англичанин Кэй изобретает так наз. „челнок-самолет“ в ткацком производстве. В 1765 г. Гаргривс и в 1785 г. Аркрайт изобретают и усовершенствуют прядильную машину. В том же 1785 г. вводится новый механический ткацкий станок, работающий сотней челноков под руководством одного рабочего, вместо прежней работы каждым рабочим лишь над одним челноком. В металлургической промышленности произведен был целый ряд изменений и открытий по обработке руд и выплавке металлов. В химической промышленности — открыты новые составы, облегчающие производство и т. п. Наконец, пар начинает применяться не только в области производства, но и передвижения, и уже в 1807 году Фултон пробует свой первый пароход.

К этой эпохе промышленной революции, эпохе первых шагов победоносного шествия капитализма и относится жизнь и научная деятельность А. Смита. Он жил собственно на границе старой отживающей эпохи и зарождения новых прогрессивных форм, когда требования новой жизни заявляли себя уже достаточно ясно и властно, но тем не менее далеко не всеми сознавались. С другой стороны, прогрессивные и положительные влияния нарождающегося капитализма настолько перевешивали отрицательные стороны старого строя, а свои отрицательные стороны сам капитализм еще не настолько ясно проявил, что А. Смиту выпало на долю быть не только провозвестником и истолкователем этих новых форм, но и их защитником против старых отживающих тенденций.

Вот почему его труд „Исследование о природе и причинах богатства народов“, изданный в 1776 году и явился откровением для одних, настольной книгой для других, надолго сделавшись неисчерпаемым источником для дальнейшего изучения и разработки экономической теории и практики.

Как же подходил к разрешению этой новой проблемы общественной науки А. Смит? Нужно помнить, что политическая экономия, как наука, в эпоху А. Смита еще не вполне обособилась и не выделилась в самостоятельную науку из общего цикла общественно-философских наук. И если А. Смит, как современник эпохи нарождающегося капитализма, взял от него материал для создания науки о народном хозяйстве, то, как представитель тогдашней науки общественной философии, он сумел научно обосновать и выделить особое, новое содержание, предмет, метод и границу этой новой науки. Этим вполне закреплялось и общественное, и чисто научное значение А. Смита.

Сын нотариуса г. Эдинбурга, А. Смит (род. в 1723 г.), получив тщательное воспитание и хорошее подготовительное образование в родном своем городе, поступает в 1736 г. в Глазговский, а с 1740 г. в Оксфордский университет, где проходит университетский курс философии. По окончании университета, он в 1748—51 г.г. читает в качестве преподавателя в Эдинбургском университете лекции по риторике, эстетике и истории литературы, а с 1751 года занимает кафедру логики в Глазговском университете, читая в течение 1751—64 г.г. лекции по нравственной философии и получив в 1762 г. от Глазговского университета ученую степень доктора прав.

Как видно из этих кратких биографических данных, А. Смит еще не был тем, что мы называем теперь экономистом. Результатом его лекционных работ за это время была книга „Теория нравственных чувств“, курс лекций в Глазговском университете. А. Смит в это время, повидимому, еще мало останавливается на том круге вопросов, которые по тогдашней терминологии входили в область „политики“ и которые впоследствии были об'единены им в теоретическую науку о народном хозяйстве.

Впервые обращению А. Смита к этим вопросам, повидимому, способствовало предпринятое им в 1764 году в качестве воспитателя герцога Бэклея путешествие во Францию. Здесь, проведя в Париже 9 месяцев, он знакомится с виднейшими представителями французской литературы и науки и в частности с кружком „Экономистов“, как они себя называли—Кене, Тюрго, Мирабо и др. Эти представители французского физиократизма, как первой научной экономической школы, оказали, повидимому, сильное влияние на дальнейшую работу мысли А. Смита. Возвратившись в 1766 году

в Англию, он уже не возвращается к преподаванию нравственной философии, а, поселившись в родном своем городе Киркальди почти безвыездно, в течение 7 лет работает над основным своим трудом уже экономического содержания. В 1775 г. он приступает к печатанию и в 1776 году издает многотомное свое сочинение „Исследование о природе и причинах богатства народов“. Этот труд А. Смита был его последним трудом, так как, хотя он прожил после его издания 16 лет (умер 17 июля 1790 г. в г. Эдинбурге) и в эти годы работал над двумя большими научными сочинениями по истории литературы и общему учению о праве, однако, не издал их.

Таким образом, литературная слава А. Смита покоится на двух его трудах „Теории нравственных чувств“ и „Исследовании о природе и причинах богатства народов“. Но если первое сочинение имело известное значение для современной науки, то для нас оно представляет интерес лишь с той точки зрения, что в нем отражались и выработывались те взгляды и методы А. Смита—экономиста, которые впоследствии нашли себе законченное выражение в „Богатстве народов“.

В содержание науки нравственной философии в эпоху А. Смита входили как главные составные части: естественное богословие, этика, естественное право и политика. А. Смит останавливается первоначально на второй части, этике. Задачей этики в формулировке А. Смита является—дать ответ на два вопроса: во-первых, „что такое добродетель или какого рода поведение обуславливает собою превосходный характер, достойный всякой похвалы“; во-вторых „каким образом душа отдает предпочтение тому или другому поведению и одно называется достойным, а другое—порочным“¹. Подробно рассматривая этот вопрос и критикуя направления и воззрения тогдашней философии, А. Смит приходит к заключению, что наше суждение о поведении третьего лица и признание его „соответственным“ бывает тогда, когда мы считаем, что мы сами при аналогичных условиях поступали-бы так же. „Так как непосредственное наблюдение не в силах познакомить нас с тем, что чувствуют другие люди, то мы и не можем составить себе понятия об их ощущениях иначе, как представив себя в их положении“². Это чувство А. Смит называет симпатией и считает его основой „соответственного“ поведения, т.е. добродетели. Движимый этой „симпатией“, т.е. в сущности собственными переживаниями, человек становится в отношении других „добродетельным“. Но это не все—ведь и в этих третьих лицах наше „добродетельное“ поведение

¹ «Теория нравственных чувств», рус. пер. Библикова, 1868 г., стр. 347.

² Там же, стр. 16.

должно вызвать в силу тех же условий известную реакцию—чувство „благодарности“, так же как противоположное поведение—чувство „мщения“¹. И то, и другое отношение вытекает из непосредственного нашего чувства, лежащего в основе нашей природы. Таким образом, наше „нравственное чувство“, наша „добродетель“ не есть какое-то особое чувство, заложенное в нас природой, а лишь естественное природное свойство нашего организма, вытекающее из способности ставить себя в положение другого лица. Природа поступает здесь необычайно мудро и бережливо, достигая планомерности, целесообразности и порядка в условиях существования человеческого общества. В самой человеческой природе заложены таким образом основные предпосылки для правильного функционирования „прекрасно устроенного механизма“ общественных отношений.

Таковы нравственно-философские обоснования А. Смитом существования общества, развитые им в его „Теории нравственных чувств“. Такая „этика“ должна была привести его к двум другим дальнейшим вопросам. Во-первых, этим определяется „естественное право“ всякого человека в обществе, т.-е. совокупность норм, которые в силу самой природы определяют его положение в обществе. Во-вторых, этим определяется „политика“, т.-е. совокупность правил, определяющих поведение человека в обществе в силу соображений целесообразности.

В дальнейшей научной разработке этих вопросов А. Смит уклонился от первоначального своего плана—разработать сначала „естественное право“ и все более стал интересоваться областью „политики“, т.-е. вопросами о целесообразном направлении и регулировании деятельности человека для достижения богатства и благосостояния. Однако, в многообразии затрагиваемых „политикой“ вопросов А. Смит начинает все более интересоваться лишь одной частью вопросов—вопросами чисто хозяйственного порядка. И при этом, начав их исследовать с точки зрения „политики“, т.-е. целесообразности, он незаметно для себя все более подходит к изысканию объективных моментов, определяющих хозяйственную деятельность, т.-е. от „экономической политики“ приходит к созданию теории политической экономии.

Так из этого философа-экономиста выработался экономист чистой воды. Поэтому-то для понимания всей системы и всего мировоззрения А. Смита нельзя рассматривать его „Богатство народов“ без его „Теории нравственных чувств“. Развивая в этом последнем сочинении свою теорию полу-эгоистической „симпатии“, А. Смит через свои взгляды на „естественное право“ и „политику“—прихо-

¹ Там же, стр. 92—95 и след.

дит к законченному выводу—о хозяйственном „эгоизме“, как естественной и законной движущей силе экономической жизни.

Основная идея строительства нового общества была найдена: хозяйственный эгоизм и свобода его осуществления—они не противоречат нравственности, они „этичны“, они соответствуют естественному, неотъемлемому праву каждого; они целесообразны, так как наилучшим образом ведут к благосостоянию каждого, и дело „политики“—лишь не мешать их осуществлению.

Символ веры капиталистического общества был сформулирован, душа и идея его найдены. Оставалось только разработать эту идею, пополнить конкретным материалом и вложить ее в постройку законченного здания. А. Смит в своем „Исследовании о природе и причинах богатства народов“ и является гениальным архитектором, сооружающим блестящее здание теории экономии капиталистического общества.

По своему содержанию сочинение А. Смита делится на 5 книг.

Первая книга посвящена исследованию происхождения богатства, факторов его образования и форм распределения его между лицами, участвующими в производстве (заработной платы, прибыли на капитал, ренты).

Вторая книга рассматривает материальные условия создания богатств, главным образом вопрос о капитале, его размерах, формах и значении для производства.

Третья книга носит описательно-исторический характер, рассматривая общий ход развития хозяйства у различных народов.

Четвертая книга рассматривает историю систем политической экономии, останавливаясь главным образом на изложении и критике меркантилизма и физиократизма.

Пятая книга посвящена вопросу о „доходах государя или государства“, т.е. вопросу о финансах.

Как видно из этого содержания, основной теоретической частью сочинения А. Смита является книга первая и отчасти вторая, в которых заключаются все основные теоретические концепции А. Смита.

Исходным пунктом экономической теории А. Смита является его взгляд на экономический мир и на хозяйственную жизнь общества, как на своего рода общественную мастерскую, где трудом всего общества и с помощью разделения труда между его отдельными членами создается и выковывается экономическое благосостояние нации. Труд—основной фактор создания богатства.

Простая и ясная, как кажется теперь, идея. И тем не менее, выдвигая труд, как фактор создания богатства, А. Смит вносил новую идею в экономическую науку. Кене и физиократы учили, что богатство создается только в земледелии, и что земля, дающая „чистый

продукт", является естественным создателем богатства. В противоположность этим воззрениям А. Смит и выдвигает, как основной пункт своего учения, с которого он начинает свое изложение, что "годовой труд народа есть первоначальный запас, доставляющий ему для его годового потребления все предметы, необходимые для существования и удобства жизни, и все эти предметы или бывают непосредственным продуктом этого труда или покупаются на этот продукт у других народов" (См. ниже, введение).

Таким образом, труд является источником богатства народов, создает их благосостояние. А. Смит не оспаривает влияния ни естественных сил природы и земли, ни значения капитала, но все же, чтобы провести грань между своей системой и физиократами, он определенно указывает, что создателем богатства является только труд, без которого естественные силы сами по себе не могут создать богатства.

Тем не менее А. Смит здесь все же отдает дань физиократическому влиянию. Земледельческий труд он считает более производительным, чем труд в промышленности.

И так как всякий качественно различный труд является создателем лишь качественно различных форм богатства, то отсюда вытекает вывод: благосостояние общества создается трудом всех его членов, разделением труда между ними, сотрудничеством. В этой особенности современного устройства общества лежит источник его экономического преуспевания. "Самое большое влияние на улучшение производительной силы труда... оказывает разделение труда", так начинает А. Смит свое исследование (см. ниже, книга I, гл. I).

Разматривая конкретные формы, в которых в современном ему хозяйстве выливалось разделение труда, А. Смит и дает свое знаменитое описание булавочной мануфактуры, где все производство поставлено на разделении труда и где достигается поэтому высокая степень производительности труда примерно в 4000 раз больше, чем без разделения. Далее Смит рассматривает причины, способствующие разделению труда, указывая, что таковыми являются: (1) ловкость, развивающаяся у каждого рабочего; (2) бережение времени, которое обыкновенно тратится на переход от одной работы к другой без разделения труда; (3) изобретение машин, облегчающих труд. И А. Смит в конце главы живо изображает те благоприятные последствия для общего благосостояния всех членов нации, которые вытекают из общего и широкого применения разделения труда.

Но откуда же происходит разделение труда? Является ли оно изобретением какого-либо гениального благодетеля человеческого рода? Конечно, нет! Хозяйство, основанное на разделении труда,

есть лишь следствие „присущего человеческой природе свойства — склонности к торгу, к обмену“ (см. ниже, гл. II).

Самая же эта склонность — есть не что иное, как эгоизм, стремление каждого получить в обмене то, что ему более нужно, что для него более выгодно. Это-то эгоистическое стремление к улучшению своего благосостояния и вызвало стремление к обмену, а через него — и к необходимости разделения труда.

Отсюда же ясно, что самое разделение труда имеет и свои границы: эти границы обуславливаются недостаточной возможностью обмена, т. е. рынков, так как если рынок очень мал, то никто не сможет с выгодой заняться какой-либо одной работой по невозможности обменять излишек произведений своего труда, превышающий собственное потребление, на излишек произведений труда других людей (см. ниже, гл. III).

Итак, разделение труда и обмен, развитие техники и рынков — вот те пути, которые ведут к благосостоянию нации. В современном обществе, покоящемся на разделении труда и обмене, „только самая незначительная часть потребностей человека может быть удовлетворена произведениями его собственного труда“, наибольшая часть этих потребностей удовлетворяется произведениями чужого труда, путем мены. Но ведь нужно организовать этот обмен так, чтобы он шел беспрепятственно, т. е. чтобы каждый продавец мог легко сбыть свой продукт и каждый покупатель — купить. Отсюда возникает необходимость каждому человеку „во всякое время иметь на-готове, кроме произведения собственного ремесла, еще известное количество такого товара, на который по его соображению лишь немногие отказались-бы променять произведения своего ремесла“. (См. ниже, гл. IV).

Так, из всей массы предметов мены, т. е. товаров, выдвигается один специфический товар, в качестве денег. Постепенно ими становятся исключительно благородные металлы, на которые и начинает производиться обмен всех других товаров.

Здесь А. Смит с гениальной простотой подходит к проблеме, ставшей впоследствии основной во всей теории экономической науки. В чем же сущность новых явлений и соотношений, возникающих с того момента, как предметы начинают производиться не для собственного потребления, а как товары, с тех пор, как в акте обмена встречаются, таким образом, два товаропроизводителя? С этого момента возникает в высшей степени важное явление: предмет получает не только имевшуюся у него потребительную ценность, но и меновую ценность, т. е. „возможность покупки на него других товаров“. И А. Смит подробно останавливается на этой основной проблеме — меновой ценности.

До сих пор А. Смит выступал перед нами, главным образом, и прежде всего, как наблюдатель конкретных явлений, обобщающий их, возводя их до значения общих, теоретических положений. Обилие конкретного материала и обобщающая сила ума делали до сих пор А. Смита безукоризненным. В вопросе о меновой ценности А. Смит начинает оперировать уже с чисто абстрактными понятиями и впадает в противоречия сам с собою.

Действительно мы уже знаем основное положение А. Смита, что труд — создатель хозяйственных благ, создатель богатства. Отсюда естественный вывод, что труд — и создатель ценности предмета, основа и мерило того значения, которое мы придаем предмету. „Труд есть действительное мерило меновой ценности всякого товара“ и „то, что каждый предмет стоит в действительности тому, кто хочет приобрести его, есть труд и усилия, которые он должен употребить на его приобретение“ (Гл. V). Эта идея А. Смита о труде, как создателе ценности, стала с тех пор основой трудовой теории ценности, воспринятой последующей политической экономией, вплоть до социализма, особенно последовательно усвоившего его и наиболее ярко развивавшего. Но А. Смит в дальнейшем развитии этого своего основного положения, сам того не замечая, впадает в противоречия с самим собою.

Определяя, что естественная цена вещи — есть труд и усилия, необходимые для ее получения, А. Смит здесь же рядом дает совершенно иное развитие этой мысли. Ведь в настоящее время, при разделении труда, человек только очень немногие свои потребности удовлетворяет своим трудом, все остальные он удовлетворяет продуктами чужого труда и путем обмена на них своих произведений. Отсюда А. Смит приходит к совершенно иному понятию ценности для человека, который владеет каким-либо предметом, но не потребляет его сам, а обменивает его на чужое произведение: ценность этого предмета равняется ценности того количества овеществленного труда, которое он покупает в чужом произведении.

Таким образом, А. Смит дает рядом две трактовки ценности: 1) ценность вещи—это мой труд и усилия, которые затрачены мною на приобретение этой вещи; 2) ценность вещи—это труд и усилия других, которые я приобретаю за эту вещь. На первый взгляд кажется, что здесь нет противоречия: если труд является создателем ценности, то затрачиваю-ли я свой труд на вещь, или затрачивает кто-либо другой, а я лишь меняю на эту вещь свою с равным количеством труда—дело не меняется. Происходит обмен трудовых эквивалентов, качественно различные предметы, как овеществленный труд, обмениваются в равных трудовых измерениях.

Дело нисколько не меняется от того, что самый обмен происходит не непосредственно в виде обмена одного предмета на другой, а с помощью посредствующего товара — денег. Действительно, ведь в развитом обществе „мясник не ведет своего быка или барана к хлебнику или продавцу пива, а ведет их на рынок и там меняет их на деньги, на которые потом покупает хлеб и пиво“. И хотя оказывается, что „меновая ценность всякого товара гораздо чаще определяется количеством денег, а не количеством труда“, тем не менее деньги все же остаются лишь „нарицательной“ ценой товара, тогда как труд, как никог. а не изменяющийся в своей собственной стоимости, представляет „единственно действительное и последнее мерило, которым во все времена и во всех местах определяется ценность всех товаров“.

Такова абстрактная и абсолютная предпосылка. Но А. Смит никогда не забывал за теорией действительность, никогда не извращал перспективы действительности ради голы теории. Обмениваются-ли в действительности товары по их трудовым ценностям? Да, говорит А. Смит, „при первобытном, некультурном состоянии общества, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность“, единственным основанием обмена было равное количество труда и „всякое произведение, стоившее обыкновенно двухдневного или двухчасового труда, ценилось вдвое дороже того, на что требовался обыкновенно один день или один час труда“ (гл. VI).

Но в „развитом обществе“, в обществе с накоплением капиталов и с частной собственностью (т. е., скажем мы теперь, в капиталистическом обществе) положение меняется. И А. Смит с гениальной смелостью вскрывает эту особенность капиталистического общества: „хотя равные количества труда имеют всегда одинаковую ценность для того, кто работает, однако, они имеют то большую, то меньшую ценность для нанимателя. Последний покупает эти количества труда то за большее, то за меньшее количество товаров... в одном случае она (цена труда) кажется ему дорогою, в другом—дешевою“ (гл. V).

Итак, явился новый фактор—явился „наниматель“, покупатель труда, явился капитал. И когда в обществе имеется „скопление капиталов“, когда эти капиталы начинают употребляться, „чтобы давать работу трудолюбивым людям“, когда появляется „наниматель“, сам труд становится... товаром. Его действительная цена— „состоит из количества предметов, необходимых для существования и удобства жизни, которыми платят за него, а нарицательная—из количества денег“ (гл. V).

Столь—простая мысль, которую, однако, мог положить в основу теоретической экономии только А. Смит, т. е. только ученый той эпохи, когда действительно „труд“ стал товаром!

Но если труд, как всякий товар, обменивается по ценностям эквивалентам, то какую же выгоду получает наниматель, если он получает от рабочего такое же количество ценности в продукте его труда, какое он отдает в виде ценности предметов существования рабочего, т. е. заработной платы? И здесь А. Смит из прозорливого наблюдателя неожиданно превращается в современника нарождающегося капитализма, живо понимающего и оправдывающего его мотивы. Конечно, говорит он, „предприниматель не нашел бы никакой выгоды нанимать рабочих, если бы не рассчитывал получить от продажи сработанного ими произведения что-нибудь сверх того, что нужно для восстановления употребленного им в дело капитала“. Если он это делает, то только для того, „чтобы потом получить барыш на продаже их произведений, или на том, что люди эти своим трудом прибавили к первоначальной стоимости материалов“ (гл. VI).

Итак, предприниматель получает свой естественный доход от продажи сработанного другими продукта. Отсюда можно сделать вывод, что капиталист уплачивает рабочему всю ценность продукта его труда и, лишь продавая его выше его трудовой ценности, получает в обмене прибыль. Но это противоречит другим мыслям А. Смита—что предметы обмениваются по трудовым ценностям—и он не может выйти из этого затруднения.

Тем не менее, его основным и ясным положением все же остается, что только труд является создателем ценности.

В связи с этим у А. Смита возникает еще одна проблема. Всякий ли труд, всякие ли усилия и работа создают ценность? Нет, говорит А. Смит, есть очень много занятий, даже весьма почтенных, которые ценностей не создают. Но какой же труд производителен? И А. Смит здесь также остается непоследовательным и двойственным, колеблясь между желанием определить производительность труда вообще и пониманием производительности труда лишь в условиях капиталистического производства. Производительным у него является то лишь тот труд, который создает прибавочную ценность капиталисту, т. е. труд рабочего, получающего заработную плату меньшую, чем вся созданная им в процессе труда ценность; то тот труд, который вообще создает какую-либо ценность, воспроизводя в ней хотя бы лишь ценность средств своего существования. Среди этих двух взглядов—с одной стороны, вытекающего из его собственных воззрений, с другой—навеянного физиократами—и колеблется А. Смит.

Но так или иначе, труд является создателем ценности, и „рабочие своим трудом прибавляют к ценности первоначального материала“ новую ценность. Эта ценность делится на две части: одна составляет заработную плату рабочего, другая—прибыль капиталиста.

Нельзя не поражаться, как гениально и вплотную А. Смит подходит к разрешению той проблемы, которая с тех пор стала загадкой экономической науки: кажется, что он уже вскрыл загадку капиталистического общества, происхождение „прибавочной ценности“, как продукта создания труда, происхождение прибыли, как части этой созданной трудом прибавочной ценности...

И тем не менее, подойдя так близко к открытию тайны капиталистического общества, А. Смит тотчас же отходит от нее и оставляет ее неразрешенной для всей последующей политической экономии, вплоть до К. Маркса.

Но последуем за самим А. Смитом. Откуда же берется прибыль капиталиста? Из приведенных цитат видно, что прибыль есть не что иное, как часть неоплаченного капиталистом труда: труд рабочего прибавляет ценность, капиталист продает продукт по полной ценности, но дает рабочему только часть, в виде заработной платы, присваивая остальную часть себе. То же самое делают и землевладельцы, ибо „с тех пор как земля в какой-либо стране сделалась предметом частной собственности, владельцы ее охотно стали покидать там, где они не сеяли, и требовать себе ренты. Он (земледелец) должен платить за позволение собирать эти произведения и ему приходится уступать землевладельцу часть того, что он собрал или произвел своим трудом“. Труд таким образом отдает неоплаченную часть землевладельцу, который также реализует ее. Но ведь выше А. Смит говорил, что труд, как всякий товар, должен обмениваться по полной своей ценности. Почему же здесь происходит иное?

А. Смит не в силах разрешить этот вопрос. Не замечая разницы между трудом, как создателем ценности, и его товарной формой — рабочей силой, которая продается за заработную плату (то различие, сделав которое Маркс разрешил и всю проблему), А. Смит приходит к заключению, что при обмене между капиталом и трудом, т. е. между овеществленным и новым трудом, установленный им закон, отменяется и эти товары перестают обмениваться по трудовым эквивалентам. Отсюда он заключает, что в условиях капиталистического общества, т. е. при приложении капитала и при частной собственности на землю, труд и рабочее время перестают быть мерилем меновой ценности товаров. Ценность товара не определяется только трудом, а определяется заработной платой, прибылью и рентой и, следовательно, определяется не пропорционально труду, а пропорционально всему затраченному капиталу. Цена товара теперь уже состоит из трех самостоятельных частей — заработной платы, прибыли на капитал и ренты.

Совершенно правильно определив таким образом вначале прибыль и ренту, как простые вычеты из продукта рабочего и из цен-

ности, прибавленной трудом к сырому материалу, А. Смит в последующих своих рассуждениях не смог выяснить причины, почему и как труд, как товар, обменивается не по общему закону, им установленному. И он сам же вновь отменяет этот закон. Этим он подорвал все значение правильно намеченной им трудовой теории ценности, основателем которой он все же может считаться.

Тем не менее, это обстоятельство не мешает А. Смицу в дальнейшем совершенно правильно и тонко развивать свои мысли. Прибавочная ценность у А. Смита является общей формой и источником ее частных проявлений—прибыли на капитал и ренты. Но и здесь он часто не дает ясного отчета в различии этих отдельных моментов и не делает из них надлежащих выводов. С одной стороны, так как прибавочная ценность создается только из неоплаченного труда, то она не зависит от той части капитала, которая вложена в виде сырья или средств производства. Наоборот, только из части капитала, затраченной на заработную плату, происходит прибавочная ценность, ибо только эта часть капитала не только сама воспроизводится, но и создает излишек ценности. Но А. Смит, смешивая и отождествляя прибавочную ценность с прибылью, приходит к заключению, что прибавочная ценность рассчитывается по отношению ко всей сумме авансированного капитала, что приводит его к неясностям и противоречиям. Вместо объяснения прибыли, как части неоплаченной прибавочной ценности, А. Смит выводит ее, как доход капиталиста, вытекающий из обладания капиталом и пропорциональный этому последнему.

В результате такого незаметного поворота в своих мыслях, А. Смит и приходит к такому выводу, который, казалось бы, опровергает все сказанное им же по вопросу об источниках создания ценности: „заработная плата, прибыль и рента—вот три первоначальных источника всякого дохода, равно как и всякой меновой ценности“ (гл. VI).

Вместо труда, как единственного создателя ценности, выдвигается учение о трех „факторах производства“—труде, капитале и земле и трех видах вознаграждения за них—заработной платой, прибылью и ренте. В дальнейшем А. Смит и останавливается на подробном рассмотрении каждого из этих „факторов“.

Естественным вознаграждением за труд рабочего, его заработной платой, в условиях существования первобытного общества, без частной собственности на землю и на орудия труда, является по А. Смицу полный продукт его труда. Но с тех пор, как совершилось обращение земли в частную собственность, землевладелец стал требовать из всего собранного продукта вычета в свою пользу в виде ренты. Точно также фермер-капиталист стал требовать вто-

рого вычета из продукта труда, как прибыль на затраченный им капитал в производстве (гл. VIII).

Таким образом, единый трудовой продукт в силу частной собственности подвергается вычетам в пользу собственников и делится на 3 части. На каких же условиях происходит этот дележ для отдельных частей? Высота заработной платы зависит от свободы договора между предпринимателем и рабочим. И предприниматели всегда берут верх над рабочими, в силу своего более выгодного положения. Тем не менее есть предел, ниже которого заработная плата не может опуститься. Этот предел определяется суммой средств существования рабочего и его семьи. Около этого уровня и колеблется фактическая заработная плата в зависимости от целого ряда условий—приятности или неприятности труда, легкости и дешевизны обучения, экономических условий в виде непрерывности работы и т. п. (гл. X, разд. I). При этом, по мнению А. Смита, высокая заработная плата является положительным моментом для народного хозяйства. „Слуги, рабочие, ремесленники всякого рода составляют значительное большинство всякого большого государственного целого. А потому, то, что улучшает положение большей части, ни в коем случае не может быть рассматриваемо как явление, неблагоприятное для целого—напротив никакого общества не может быть признано процветающим и счастливым, если большая часть его членов бедна и несчастна“ (гл. VIII).

Дальнейшим элементом хозяйства является капитал. А. Смит определяет капитал, как совокупность запасов, которые употребляются владельцем его не на личное потребление, а для получения дохода (книга II, гл. I). Другими словами А. Смит становится в понимании капитала на частно-хозяйственную точку зрения. И в зависимости от способа доставления дохода владельцу капитала, А. Смит делит последние на основной капитал, который приносит доход своему владельцу медленно и постепенно, все время оставаясь в руках владельца (машины, постройки и пр.), оборотный капитал, который приносит доход владельцу лишь переходя из рук в руки, сразу употребляясь в производстве (деньги, запасы).

Размеры дохода с капитала, как уже сказано выше, представляются противоположными размерам заработной платы, так как они представляют из себя вычет из единого продукта труда. Установление их—также дело соглашения и конкуренции. Но для этого необходима, конечно, общая предпосылка—возможность экономической свободы в приложении и перемещении капитала. При этом, даже при формальной свободе для наиболее выгодного соотношения между капиталом и трудом, прибылью и заработной платой необходимы следующие условия: 1) чтобы приложение труда и капитала было хорошо всем известно и с давних пор распространено в какой-либо

местности и не находилось в каком-либо монопольном, исключительном положении, либо по отношению к капиталисту, либо по отношению к рабочему; 2) чтобы оно находилось в своем обычном, так сказать, естественном состоянии, а не в состоянии, например, регресса, когда соотношение заработной платы и прибыли изменяется; 3) когда данное занятие является единственным или главным занятием определенных лиц.

При таких условиях получается нормальное соотношение между заработной платой и прибылью. Но фактически, в странах Западной Европы не существует таких условий свободы приложения труда и капитала. И А. Смит, переходя из области теории в область политики, подвергает резкой критике все те результаты, которые проистекают от политики вмешательства государства в эту область свободной борьбы экономических интересов (гл. X, разд. II).

Наконец, третьим элементом производства, входящим в состав ценности и определяющим высоту рыночной цены товара, является рента. А. Смит определяет ее, как самую высокую цену, которую получает землевладелец за предоставление пользования землей арендатору. Рента, по мнению А. Смита, входит составною частью в цену продукта совершенно иначе, чем прибыль и заработная плата. Тогда как последние составляют причину высокой или низкой цены продукта, рента является следствием высоких цен товара. Поэтому только земли, предназначенные для хлебопашества, дают ренту, земли же, на которых получают другие продукты, иногда дают, иногда не дают ренты, в зависимости от возможности большого или меньшего повышения их цен (гл. XI, раз. I—II).

Этим в сущности и заканчивается содержание первой книги „Исследования“ А. Смита, которую можно назвать „анатомией“ капиталистического общества. Какова же его физиология, т. е. как же живет и функционирует это общество, какие движущие силы приводят в действие эти элементы хозяйственной жизни, какие соотношения возникают в этих процессах между ними?

А. Смит не отводит в своем труде специальных глав, посвященных рассмотрению общих идей экономической жизни и ее движущих сил, как это делают физиократы. Тем не менее из рассмотрения отдельных мест его сочинения и из сопоставления отдельных его определений ясно видно, что все его воззрения проникнуты одной общей идеей об этой движущей силе народного хозяйства. Такой главной движущей силой, определяющей всю хозяйственную жизнь, является по А. Смицу „экономический интерес“, „экономический эгоизм“.

Все рассмотренные нами феномены хозяйственной жизни, в виде хотя-бы разделения труда, с которого А. Смит начинает свое исследование; в виде-ли денег, ренты, прибыли на капитал—

все они имеют в конце концов в основе своей определенную движущую силу—стремление человека к личному интересу, стремление к хозяйственному эгоизму. Что же такое представляет из себя этот личный интерес? А. Смит определяет его, как „естественное стремление каждого человека к улучшению своего положения“. Человек, проникнутый этим личным интересом, экономическим эгоизмом, располагающий всю свою хозяйственную деятельность в зависимости от этого экономического эгоизма и есть тот homo oeconomicus, „экономический человек“, который, по мнению А. Смита, является нормальным, идеальным типом человека. Этот человек, заботящийся о своих интересах, является в то же время и наиболее полезным членом общества. Пусть каждый строит свою жизнь, руководствуясь стремлением к улучшению своего личного благополучия— в результате получится благосостояние всего общества. Ведь общество есть не что иное, как известная арифметическая сумма отдельных волевых импульсов, направленных к достижению благосостояния. Но если все люди заражены этим импульсом к собственному хозяйственному благополучию, то вместе с тем и все общество достигает своей высшей цели—высшего благосостояния и богатства.

Таковы те движущие силы, которые лежат в основе хозяйственной жизни общества. И в этом отношении взгляды А. Смита являются отражением и развитием с одной стороны тех материальных условий эпохи, с другой—тех философских доктрин и учений, современником которых был А. Смит. Интересно сравнить поэтому эти взгляды А. Смита с взглядами его современников—Кене и физиократов. И тот и другой исходят из основных принципов системы „естественной свободы“. И Кене также считает, что сумма отдельных интересов членов общества составляет в совокупности общественный интерес и что если предоставить свободу развития личного интереса, то вместе с тем будет достигнуто и общественное благополучие. Тем не менее весь ход мыслей и доказательств и того и другого совершенно различны. Для Кене и физиократов— в основе общества лежит естественный порядок, естественное право. Этот естественный порядок и создает тот идеальный режим, к которому должно стремиться человечество; наоборот, не зная его—люди отдаляются от этого общественного идеала. Изобретательный ум гения должен открыть этот идеальный порядок и дать человечеству образцы идеального человеческого устройства. Просвещенный абсолютизм, как идеальная власть, познающая идеальное устройство, должны вести общество по пути к этому общественному идеалу У А. Смита не то: он исходит не из идеального режима и не из естественного права. Как эмпирик—он берет в основу своей общественной философии—общественный факт. Самым общим и постоянным фактом является стремление каждого человека к собственному

благополучию. Следовательно, в целях общественного благополучия требуется только осознать этот факт и поставить каждого человека в такие условия, когда он мог бы осуществлять это свое стремление. Государственная власть должна только освободить этот интерес и это стремление от мешающих его осуществлению препятствий. Государство должно предоставить человеку полную свободу осуществления его хозяйственного эгоизма и не вмешиваться в пути и способы его осуществления.

Ведь действительно, наблюдая все феномены экономической жизни, даже самые благотворные, мы видим, что они являются не результатом воздействия какой-либо внешней силы, распоряжения правительственной власти, а являются лишь результатом стихийного стремления к осуществлению своего интереса. Напр., возьмем разделение труда, эту, как мы видели, важнейшую причину экономического успеха современного общества. Откуда оно явилось? По предписанию или сознательному установлению какой-либо власти? Ничуть не бывало—только потому, что это разделение труда выгодно для участников хозяйственной жизни. „Разделение труда, доставляющее так много выгод, не есть результат какой-либо человеческой мудрости, сумевшей вперед предусмотреть и осознать общее благосостояние, порождаемое им. Оно есть необходимое, хотя и медленно и постепенно развивающееся свойство человеческой природы, вовсе не имеющей в виду столь важных и благодетельных последствий, а именно склонности к торгу, к обмену одного предмета на другой“ (кн. I, гл. II).

Другой момент, которому как мы видели, А. Смит отводит также крупное значение — это капитал. И в отношении к нему очевидно, что капитал появляется в хозяйственной жизни не по повелению или под воздействием государственной власти, а является результатом стремления человека к собственному благополучию. Наилучшим способом для улучшения способа производства и поднятия производительности является приложение усовершенствованных орудий и вообще вложение в производство накопленных запасов, т. е. образование капитала.

Такую же причину имеет появление денег. Разве их кто-нибудь выдумал или сознательно установил? Нет, они возникли самопроизвольно, стихийно, как результат неизбежной экономической потребности. С возникновением разделения труда и обмена люди увидели, насколько неудобен непосредственный обмен и поэтому „всякий предусмотрительный человек... естественно старался устроиться так, чтобы во всякое время иметь наготове, кроме произведений собственного ремесла, еще известное количество того или другого товара, на который по его соображениям лишь немногие отказались-

бы променять произведения собственного ремесла“ (кн. I, гл. IV). Так возникли деньги.

Таково же происхождение всех других экономических феноменов, самопроизвольно и стихийно устанавливающихся в экономической жизни.

Отсюда ясно, что все вообще элементы хозяйственной жизни и экономические отношения отдельных людей, в ней участвующих—труд и капитал, рабочие и капиталисты, землевладельцы — все это непреложные, тесно связанные друг с другом естественные элементы хозяйственной жизни и, как таковые, они являются одинаково равноценными факторами ее, имеют одинаковое право на признание и существование, имеют одинаковое право на вознаграждение, т. е. на долю в общественном доходе.

Таким образом, А. Смит и приходит к своему оптимистическому взгляду на общественное устройство, как на находящуюся в равновесии совокупность интересов отдельных лиц и отдельных групп. По своему положению в хозяйственной жизни, все лица, в ней участвующие, принадлежат или к трудящимся, или к обладателям средств производства и капитала, или к собственникам земли. Общество поэтому состоит из трех классов—рабочих, капиталистов, землевладельцев. Это деление, являющееся естественным результатом экономической жизни, нисколько не нарушает гармонии интересов, ибо все классы одинаково стремятся к собственному благополучию, осуществляя тем самым благополучие общее.

Этот оптимизм А. Смита во взглядах его на общественное устройство приводит его и к дальнейшим выводам в области практической экономической политики. Естественным выводом из указанных воззрений является требование полной экономической свободы и невмешательства. „Если совсем устранить все системы поощрения или стеснения промышленности, то останется только одна простая и легкая система экономической свободы. Всякий человек, пока он не нарушает законов справедливости, пользуется полной свободой следовать тому пути, который ему указывает его собственный интерес, и употребляет свой труд и капитал, как ему заблагорассудится, нисколько не стесняясь тем, как действует какой-нибудь другой класс людей“.

Если таковы воззрения А. Смита на пользу и необходимость полной свободы хозяйственной жизни, то, конечно, он не мог отнестись положительно и к господствовавшей до него системе экономической политики — меркантилизму, как системе крайнего вмешательства. Он не щадит своими критическими замечаниями все основные положения этой системы, доказывая, что ее мероприятия и попытки направлять хозяйственную жизнь в то или иное русло должны привести лишь к отрицательным результатам. Наоборот,

путем стихийного сложения и нахождения своих путей экономическое развитие общества пойдет наиболее успешно и правильно.

Как же пойдет хозяйственная жизнь, устроенная по принципу полной хозяйственной свободы? А. Смит различает в этом отношении три главных направления, по которым направляется человеческая деятельность и энергия и по которым текут накопленные капиталы. Прежде всего земледелие, затем индустрия и наконец торговля: там, где по условиям данного момента приложение капитала и труда будет наиболее выгодным и производительным, туда они и станут притекать, хотя бы правительство и вздумало принимать меры поощрения к направлению их в какую-либо другую отрасль.

На первом месте в этом отношении стоит земледелие. Поэтому оно является преобладающим и преимущественным направлением хозяйственной деятельности, наиболее выгодным для затраты капитала. Земледельческий труд представляется наиболее производительным, тогда как труд индустриальный менее производительный, ибо в земледелии бесплатно действует природа. Еще менее производителен труд в торговле оптовой, еще менее в транзитной. Это—как мы сказали—дань А. Смита учению физиократов!

Поэтому и в действительной жизни, при условии невмешательства, капитал и труд, предоставленные самим себе, будут направляться в отрасли хозяйства, наиболее доходные. Он, напр. не будет направляться на торговлю, если она представляется менее выгодной, чем индустрия и земледелие. Всякие меры стеснения пошлинами и таможенными заставами, всякие меры покровительства являются совершенно излишними, потому что сами капиталы будут направляться туда, где это наиболее выгодно. Роль государства поэтому сводится исключительно к невмешательству в хозяйственную жизнь, ограничиваясь минимальными задачами охранять частную предприимчивость.

Исходя из таких соображений, А. Смит и строит свою практическую экономическую политику: он требует отмены учреждений и законов, стесняющих передвижение земельной собственности, отмены майоратов, субституций, заповедных имений, утверждая, что каждое поколение имеет право на принадлежащую ему землю. Вместе с тем А. Смит является защитником эмансипационных идей, протестует против рабства, крепостного права, которые представлялись стеснительными для развития промышленности. А. Смит последовательно проводит идею свободы промышленной деятельности, требуя уничтожения монополий, всякого рода привилегий, как сословных, так и классовых. На сословных привилегиях базировалась система меркантилизма, которая в некоторых своих проявлениях дожила еще до А. Смита. Привилегии и монопольные

компании, которые в то время процветали, являются, по мнению А. Смита, выгодными лишь для немногих участников, для всех же остальных членов общества они невыгодны, тормозя свободу предпринимательской деятельности и уничтожая возможность конкуренции. А. Смит высказывается против всякого рода пошлин, покровительственных тарифов, так как они извращают направление естественной хозяйственной деятельности и дают труду непроизводительное направление. Он сравнивает деятельность государства с деятельностью частного человека. Как для всякого благо разумного отца семейства невыгодно производить в семье своим трудом такие предметы, которые дешевле можно купить из других рук, так и для правительства не представляется надобности непосредственно иметь у себя в стране производство тех или иных продуктов, если их можно приобрести в другой стране, где для производства их существуют более благоприятные условия. Безумно было бы производить какие-нибудь вина в Шотландии, когда более дешево можно получить эти вина из Франции, где налицо все естественные условия для развития этой отрасли производства. В области торговли таким образом А. Смит является апостолом свободы.

Таковы главнейшие теоретические и практические предпосылки и выводы А. Смита в его „Исследованиях“. Сказанным, конечно, далеко не исчерпывается все богатство содержания этого сочинения. Но уже из изложенного понятны причины того колоссального влияния, которое оказало это сочинение и на теоретическую разработку вопросов политической экономии, и на практическую политику в экономической жизни.

Конечно, чтобы понять роль и значение А. Смита, необходимо отвлечься от современной экономической действительности и от современной экономической науки. Теперь нам трудно уловить всю новизну и оригинальность его идей и все значение их в экономической науке и жизни. Но с конца XVIII в. и в течение значительной части XIX в. вся экономическая жизнь и наука находились всецело под влиянием идей и настроений А. Смита. Его концепция экономической теории и практики была необычайно проста, ясна, понятна современникам, особенно подходила духу и стремлениям эпохи. Экономический эгоизм, стремление к собственному благополучию, как основа процветания общества; экономическая свобода; невмешательство государства; важность личной инициативы для достижения наибольшего размаха хозяйственной деятельности—все это было так близко и понятно для нового типа предпринимателя, которого выдвинуло начало XIX века, начало капитализма. Эта концепция была не только понятна и ясна, но и увлекательна для современников, быстро проникавшихся этой

теорией А. Смита, как научной основой для их жизненных стремлений.

Поэтому-то эта концепция об экономическом эгоизме, об экономической свободе была воспринята как неоспоримое, абсолютное положение, как принцип, который всегда должен существовать и лежать в основе всякой хозяйственной деятельности. Такое упрощение и такое абсолютное истолкование было, конечно, слабой стороной учения А. Смита, которая у него самого не проявлялась сильно, благодаря его проникновенному пониманию жизни. Но у его последователей эта идея часто находила развитие до крайностей, почему даже и правильные положения вульгаризировались, извращались, доводились до таких выводов, которых сам А. Смит не хотел делать.

Но, пожалуй, еще большее влияние, чем это научное влияние и сильными, и слабыми сторонами своими, имело учение А. Смита в другом отношении. А. Смит был особенно силен тем, что он необычайно правильно понял свою эпоху, экономические силы и потребности, в ней заложенные, а вместе с тем мог необычайно правильно предсказать прогноз развития экономической действительности. История экономической жизни XIX века шла именно в том направлении, которое, как единственно прогрессивное, только и было возможно для этой быстро развивающейся эпохи и которое так научно обосновал А. Смит. Хозяйственная жизнь освобождалась от всех стеснений эпохи феодализма и меркантилизма. Отмирали формально-сословные ограничения. Падало запутанное и сложное здание государственной опеки и регулирования. Завоевывала и находила признание личная хозяйственная свобода и предприимчивость. С ростом частного предпринимательства начался и быстрый рост богатства. На виду у всех шел быстрый расцвет обрабатывающей промышленности, как результат приложения капитала, роста техники, разделения труда. Сами собой напрашивались заключения о связи этих двух явлений. Блестящий, только что отстроенный, фасад капитализма закрывал уже и тогда, конечно, имевшиеся его язвы. Да победителям над отживающим феодально-ремесленным строем и не хотелось, и некогда было об этом думать. Все было к лучшему в этом лучшем из миров, а если жизнь и требовала жертв—то это было лишь „естественно“ и неизбежно. Так тонкий анализ и изучение анатомии капиталистического общества, впервые произведенные А. Смитом, самим капиталистическим обществом и наукой были усвоены, как идеологическое обоснование и оправдание собственного существования.

Подведем теперь итоги учения А. Смита для дальнейшей политической экономии, как в его положительных, так и отрицательных моментах.

А. Смит впервые ясно, законченно и научно очертил границы и содержание науки политической экономии. В противоположность меркантилистам и вместе с физиократами он основным ее содержанием сделал изучение производственных условий. Эти производственные условия он понимал не так узко и извращенно, как физиократы, а более широко, распространяя их на всякого рода производительное применение человеческого труда для создания материальных ценностей.

Изучение этих условий ведется А. Смитом на широкой почве конкретного, эмпирического материала, но тем не менее он не остается только эмпириком. Он обобщает, систематизирует наблюдаемые им факты, возводит их в теорию, рассматривает в их типичной сущности. Он дал таким образом не только содержание и объект экономической науки; но и создал ее теорию. Эта теория у А. Смита создается путем применения научных обобщений и дедукций. Его метод—уже определенно дедуктивный—в этом и достоинство, и известный недостаток А. Смита.

Достоинство потому, что этот метод позволяет А. Смицу возвыситься над голым эмпиризмом, как это было у его предшественников—меркантилистов и у его позднейших противников—историков. Недостаток—потому, что этот дедуктивный метод приводит А. Смита к обобщениям, иногда слишком далеким от действительности, к истолкованиям действительности, слишком подогнанным к теории. Вместе с тем эти обобщения часто приобретают у него характер абсолютных, непреложных истин, вечных установлений, неизменных, естественных движущих сил и явлений.

Вся его концепция приобретает характер натурализма, т. е. признания неизменных, постоянно действующих в обществе законов, одинаковых для всех времен и народов. Его теория становится лишенной всякой историчности, т. е. не признающей относительности и переходящего характера общественных явлений. Все его исторические экскурсы ограничиваются краткими замечаниями о „первобытном“, „неразвитом“ обществе, как противоположности современному, ему „развитому“, т. е. капиталистическому. Первое представляет какое-то исключение, отклонение от нормального второго. Явления и отношения капиталистического общества возводятся в теорию и обобщаются, как законы существования всякого общества.

Истолкование самих этих явлений вместе с тем приобретает характер оптимизма. Они не только изучаются, как действующие силы, но и оцениваются, как лучшие. Правда, А. Смит не вульгаризировал так этот оптимизм, как это делают его эпигоны. Он лучшим считает общественное устройство на основах выдвигаемой им свободы только при „нормальных“ условиях, в конкретной действительности он часто отмечает обратные, отрицательные явления. Тем не менее

все его воззрения, как воззрения провозвестника молодой прогрессивной эпохи, окрашены оптимизмом.

При таком оптимизме, свобода—становится естественным лозунгом А. Смита и его школы. И в этом отношении сам А. Смит также не был таким до жестокости последовательным, как были его ученики и развиватели и какой оказалась сама экономическая жизнь после-Смитовской эпохи. А. Смит является идеологом своей эпохи, идеологом нарождающегося капитализма.

Но не только истолкователем и идеологом известной эпохи был А. Смит. Его учение имело высокую об'ективную ценность. Об'ективно верное изображение капиталистического общества позволило последующей науке вплотную подойти к углубленному и более точному изучению феноменов экономической жизни. И в этом отношении А. Смит если не сам окончательно разрешил многие вопросы, то поставил хорошие вехи на пути к их разрешению. Его учение о труде, и разделении труда, о производстве, о капитале, стали классическими. Его учение об общественных классах впервые правильно формулировало производственные подразделения общества. Его трудовая теория ценности, несмотря на ее противоречия, дала основу дальнейшему правильному развитию. Его метод, хотя и вызвавший резкую реакцию, в конце концов однако все же положил основу действительно научным методам исследования экономических явлений.

Его абстрактный метод, его об'ективно верное изображение экономической действительности, его дедуктивно выведенные законы капиталистического общества были настолько логически сильны, что последующей экономической науке оставалось только синтезировать эти абстрактные предпосылки с историцизмом, т. е. с взглядом на капиталистическое общество, как на известную исторически-переходящую эпоху. Вместе с этим для нового направления политической экономии открывалась возможность устанавливать поэтому не какие-либо абсолютные постоянные законы человеческого общества, а лишь законы его развития.

Этого синтеза не сделали главные противники А. Смита и его школы—историческая школа. Она дала только полное отрицание всех предпосылок и выводов А. Смита—не замечая, что этим она уничтожила всю науку теоретической политической экономии. Этот синтез в научном и об'ективном, но в то же время и в исторически-закономерном понимании экономики капиталистического общества, был дан другим противоположным научным направлением и в то же время наследником классической школы—научным социализмом.

Проф. П. Лященко.

Исследования о природе и причинах богатства народов.

Введение и план сочинения.

Годовой труд народа есть первоначальный запас, доставляющий ему для годового потребления все предметы, необходимые для существования и удобства жизни, и все эти предметы или бывают непосредственным продуктом этого труда, или покупаются на этот продукт у других народов.

Таким образом, в зависимости от того, в каком соотношении находится количество произведений труда, или предметов, купленных на продукт этого труда, к числу потребителей определится, хорошо или дурно снабжен народ всем необходимым для существования и удобства жизни.

Но это соотношение у каждого народа определяется двумя различными условиями. Во-первых, ловкостью, искусством и сообразительностью, с которыми, в общем, прилагается труд народа; во-вторых, отношением числа тех, которые занимаются полезным трудом, к числу тех, которые им не занимаются. Как бы ни были различны почва, климат и пространство земли у народа, обилие или недостаток служащих для его годового потребления предметов в этом случае будет зависеть от этих двух условий.

Обилие или недостаток в необходимых предметах потребления более зависят, однако, от первого из этих двух условий, нежели от второго. У народов диких, живущих охотою и рыбною ловлею, каждый человек, способный работать, более или менее занят полезным трудом и старается, насколько может, запасти все необходимое для существования и удобства жизни, как для самого себя, так и для тех лиц своего семейства или племени, которые или слишком стары, или слишком молоды, или слишком слабы, чтобы самим ходить на охоту и рыбную ловлю. И все-таки эти народы

так бесконечно бедны, что исключительно из одного недостатка часто вынуждены, или по крайней мере считают себя вынужденными, убивать своих детей, стариков и тяжело больных, или бросать их на голодную смерть и растерзание диких зверей. Наоборот, у культурных и преуспевающих народов, хотя значительное число людей совсем не работает и многие из них потребляют в десять, а часто и во сто раз больше продуктов труда, чем сколько потребляет большая часть трудящихся,—однако, общее количество произведений труда всего общества в совокупности так велико, что часто все бывают обильно снабжены ими, и рабочий даже низшего и беднейшего класса может пользоваться, если только он трезв и трудолюбив, гораздо большим количеством предметов, необходимых для его существования и для удобств жизни, чем какой бы то ни было дикарь.

Причины увеличения производительности труда и порядок, согласно которому произведения труда естественным образом распределяются между разными классами и состояниями людей, образующими общество, составляют предмет первой книги „Исследований“.

Каково бы ни было действительное состояние ловкости, искусства и сообразительности, применяемых в народном производстве, но при неизменности этого состояния обилие или недостаток годового запаса предметов потребления должны зависеть от соотношения между числом людей, занятых в течение года производительным трудом, к числу людей, им не занятых. Число производительных рабочих везде зависит, как это будет показано ниже, от количества капитала, употребляемого на то, чтобы дать им работу, и от способа его приложения. Поэтому во второй книге рассматриваются свойства капитала, способы его постепенного умножения, а также различные количества труда, приводимые им в движение, сообразно различным способам его применения.

Народы, сумевшие в достаточной степени развить ловкость, искусство и сообразительность в производстве, употребляли весьма различные способы, чтобы дать труду должное направление. Но эти способы не были одинаково благоприятны для умножения общего количества полученных продуктов. Одни народы придерживались политики особенного благоприятствования сельскому хозяйству, другие—городской промышленности. Но не было почти ни одного народа, который бы с одинаковым беспристрастием относился ко всем родам промышленности. Со времени падения римской империи, европейская политика покровительствовала больше ремеслам, мануфактурам и торговле, словом городской промышленности, нежели земледелию, сельской промышленности. Обстоятельства, которые вызвали и установили эту политику, изложены в третьей книге.

Хотя эти различные способы руководства трудом были, может статься, первоначально вызваны частными интересами и предрассудками отдельных классов населения, которые не видели или не старались предвидеть вытекающих отсюда последствий для благосостояния всего общества, однако, они породили совершенно различные теории политической экономии. Одни из них преувеличивали значение городской промышленности, а другие—деревенской. Эти теории оказали большое влияние не только на воззрения ученых, но и на политику государей и правительств. Я старался в четвертой книге изложить как можно полнее и яснее эти различные теории, а также главные последствия, к которым они приводили в разные века и у разных народов.

Таким образом, задача этих первых четырех книг заключается в изложении того, в чем состоит доход массы народа, или какова природа тех запасов, которые в разные времена и у разных народов составляли их годовое потребление.

В пятой и последней книге говорится о доходе государя или государства. Я в этой книге старался объяснить: 1) в чем состоят необходимые расходы государя или государства; какие из них должны быть покрываемы общим обложением всего общества, и какие—обложением только известной части общества или отдельных членов его; 2) в чем состоят различные способы привлечения целого общества к покрытию расходов, лежащих на всем народе в совокупности, и в чем состоят главные выгоды и неудобства каждого из этих способов; 3) наконец, какие основания и причины заставили почти все современные правительства отдавать в долгосрочный залог часть этих доходов, или входить в долги, и какое влияние имели эти долги на действительное богатство общества, на годовой доход с его земель и труда.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

О разделении труда.

Самое большое влияние на улучшение производительной силы труда и возрастание искусства, ловкости и сообразительности, с которыми он всюду управляется или прилагается, оказывает разделение труда.

Легче всего понять значение разделения труда для общего положения промышленности народа, если рассмотреть его последствия в каком-нибудь отдельном производстве. Обыкновенно полагают, что разделение труда доведено до крайней степени на некоторых мануфактурах, где выделяются предметы самой малой ценности (trifling manufactures). В действительности оно, может быть, и не идет там дальше, чем на других более крупных мануфактурах; но в этих мелких производствах, служащих для удовлетворения мелких потребностей незначительного количества людей, общее число рабочих естественно бывает невелико, и притом те из них, которые заняты в отдельных отраслях одного и того-же производства, часто собраны в одной общей мастерской и находятся, все вместе, перед глазами наблюдателя. Напротив, на больших фабриках, предназначенных для удовлетворения главных потребностей народной массы, каждая отдельная часть работы занимает так много рабочих, что невозможно бывает собрать их всех вместе в одной мастерской. Таким образом, здесь мы можем видеть вместе только рабочих, занятых в какой-нибудь одной отрасли производства. Поэтому в подобных мануфактурах, хотя работа в действительности и разделена на гораздо большее число частей, чем в мелких, разделение это гораздо менее заметно, а потому оно и меньше обращало на себя внимания.

Возьмем для примера очень незначительное производство, на котором, однако, разделение труда часто очень заметно, а именно— производство булавок.

Рабочий, который не приловчился к этой работе, сделавшейся, вследствие разделения труда, особым ремеслом, и не привык обращаться с употребляющимися в нем инструментами, изобретенными, вероятно, благодаря тому же разделению труда, — такой рабочий, как бы он ни был искусен, не успеет сработать в течение целого дня даже одной булавки и уж, конечно, не сделает их двадцать. Но при современной организации этого производства, оно не только составляет отдельное ремесло во всей своей совокупности, но еще подразделяется на много отраслей, большая часть которых, в свою очередь, является отдельным специальным занятием. Один рабочий тянет проволоку, другой выравнивает ее, третий обрезает, четвертый заостряет, пятый обтачивает верхушку для насадки головки. Выделка головки сама по себе распадается на две или три отдельные операции; особая операция — насадить ее, другая — отполировать булавку; совсем особое, самостоятельное занятие — даже упаковка булавок в бумажки. Таким образом, главный труд сработать булавку распадается приблизительно на 18 различных операций, которые в некоторых заведениях исполняются, каждая, отдельными руками, тогда как на других один и тот же рабочий исполняет иногда по две или по три операции. Я видел одну такую маленькую мануфактуру, где работало только 10 рабочих, и потому некоторые из них исполняли, одну за другой, по две и по три операции. Хотя эта мануфактура была очень бедна и потому недостаточно снабжена необходимыми приспособлениями, однако и эти 10 рабочих, при полном напряжении сил, успевали сработать около 12 фунтов булавок в день. А так как в каждом фунте свыше 4.000 булавок средней величины, то, стало быть, эти 10 рабочих успевали сработать вместе более 48.000 булавок в день, на долю каждого приходилось $\frac{1}{10}$ часть 48.000 булавок, т.-е. можно считать, что каждый рабочий сделал в день 4.800 булавок. Но если бы эти рабочие работали в-одиночку и независимо один от другого, и если бы они не приспособились каждый к своей отдельной специальности, то, наверное, ни один из них не сработал бы и 20 булавок, а, может быть, и одной булавки во весь день, т.-е. $\frac{1}{240}$, а может быть и $\frac{1}{4800}$ части того, что они в состоянии сработать теперь, благодаря искусному разделению и сочетанию различных операций.

Во всяком другом производстве, на всякой другой мануфактуре последствия разделения труда подобны тем, какие мы видели в мелком производстве булавок, хотя вообще в большей части других производств труд рабочего не может быть до такой степени разбит на отдельные и такие простые операции. Тем не менее в каждом производстве наибольшее разделение труда, какое только возможно, вызывает в соответствующей мере усиление производительности труда. Эта-то выгода, кажется, и вызвала разделение различных занятий и

ремесл. Такое разделение труда, вообще, бывает сильнее в тех странах, которые достигли наибольшей степени развития: что в обществе еще грубом составляет работу одного человека, то в обществе более развитом распределяется между многими рабочими. В каждом развитом обществе фермер обыкновенно только фермер и ничто другое, фабрикант только — фабрикант. Труд, необходимый для изготовления какого-нибудь изделия, также почти всегда распределяется между большим числом рук. Сколько различных работ обнимает собою каждая отдельная отрасль производства, например, полотна или сукна, начиная с земледельца, который трудится над выращиванием льна и шерсти, и кончая рабочим, употребляемым на беление и вошение полотна, или крашение и аппретуру сукна!

Правда, земледелие, по самой природе своей, не допускает ни такого большого подразделения труда, ни такого полного ограничения одной работы от другой, как мануфактуры. Невозможно в такой же мере отделить занятие скотовода от занятия земледельца, в какой промысел плотника обычно отделен от промысла кузнеца. Прядильщик почти всегда другое лицо, чем ткач; но пахарь, сеятель и жнец — весьма часто одно и то же лицо. Так как эти разнообразные операции могут производиться лишь в определенное время года, то один человек не может быть непрерывно занят какою-либо одною из них. Именно эта невозможность столь полного и совершенного разделения отдельных отраслей сельскохозяйственного труда является, может быть, причиною того, что развитие производительных сил труда в сельском хозяйстве не всегда идет в уровень с развитием их в обрабатывающей промышленности. Правда, самые богатые народы превосходят своих соседей в земледелии так же, как и в обрабатывающей промышленности, — но их превосходство в последней в общем много разительнее, чем в первом. Их поля, как правило, лучше обработаны, и, благодаря большим затратам капитала и труда, дают лучший урожай, сравнительно с пространством и естественным плодородием почвы; но этот избыток продукта редко больше, чем избыток затраты труда и капитала. В земледелии труд богатой страны не всегда многим более производителен, чем труд бедной; или, по крайней мере, он никогда не настолько более производителен, насколько более производителен труд в мануфактурах; поэтому хлеб богатой страны, при равном качестве, далеко не всегда продается на рынке дешевле, чем хлеб бедной страны. Бедная страна, таким образом, несмотря на неудовлетворительность обработки земли, до известной степени может соперничать с богатой в дешевизне и качестве зерна, — но она ни в каком случае не может соперничать с богатой страной в обрабатывающей промышленности, по крайней мере поскольку отрасли последней соответ-

ствуют почвенным условиям, климату и географическому положению богатой страны.

Такое большое ^{увеличение} в количестве работы, которая, вследствие разделения труда, может быть исполнена одним и тем-же числом рабочих, зависит от трех различных причин: во-первых, от развития ловкости каждого рабочего;—во-вторых, от сбережения времени, которое обыкновенно тратится на переход от одного рода работы к другому,—и в-третьих, от изобретения большого числа машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному человеку исполнять работу нескольких.

I. Развитие ловкости рабочего необходимо увеличивает количество работы, которое он может исполнить, а разделение труда, сводя работу каждого человека в какой-нибудь одной, самой простой операции и обращая ее в единственное занятие его жизни, необходимо и весьма значительно увеличивает его сноровку. Если бы обыкновенному кузнецу, который никогда не ковал гвоздей, хотя и хорошо владел молотом, пришлось по какому-нибудь случаю заняться изготовлением их, то я уверен, что он с трудом мог бы сработать в день 200 или 300 штук гвоздей, да и те вышли бы очень плохого качества. Но этого мало. Если кузнец даже и привык работать гвозди, но гвоздарство не составляло прежде его единственного ремесла, то как бы он ни был трудолюбив, он не успел бы, вероятно, выковать в течение целого дня более 800 или 1.000 штук. А между тем я видел много рабочих моложе 20 лет, которые никогда ничем не занимались, кроме изготовления гвоздей. И что-же? При полном напряжении сил каждый из них мог выковать в день более 2.300 гвоздей. Между тем, изготовление гвоздей ни в коем случае не принадлежит к числу самых простых производств, потому что один и тот-же человек раздувает мехи, сгребает или разгребает жар, когда это нужно, раскаливает железо и кует отдельно каждую часть гвоздя, а при выковке головки, кроме того, он должен менять инструменты. Гораздо проще различные операции, на которые подразделяется производство булавок или металлических пуговиц, и ловкость человека, который всю свою жизнь занимался одними только этими работами, бывает обыкновенно гораздо больше. Быстрота, с которою исполняются на фабриках некоторые из этих операций, превосходит всякое вероятие, и кто не видал этого собственными глазами, не поверит, чтобы рука человеческая могла достигнуть такого проворства.

II. Выгода от сбережения времени, которое обыкновенно теряется при переходе от одного рода работы к другому, гораздо больше, чем это можно представить себе с первого взгляда. Нельзя очень быстро перейти от одного рода работы к другому, если для этого требуется перемена места и инструментов. Деревенский ткач,

возделывающий, кроме того, свое маленькое поле, теряет значительную часть своего времени именно на переход от своего стана в поле и с поля к стану. Если две отрасли производства могут быть соединены в одном помещении, то потеря времени будет без сомнения гораздо меньше, но она все-таки будет очень велика. Обычно рабочий, при переходе от одного занятия к другому, всегда теряет хоть сколько-нибудь времени. Когда же он начинает новую работу, то редко с первого-же раза отдается ей весь вполне; у него, как говорится, еще не лежит к ней сердце, и в первые минуты он больше зеваёт, чем работает как следует. Эта привычка глазеть по сторонам и работать лениво и небрежно приобретает естественно, вернее неизбежно, у всякого деревенского рабочего, которому приходится всю жизнь через каждые полчаса менять работу и инструменты и ежедневно хвататься за двадцать различных работ, и она делает его почти всегда нерадивым, ленивым и не способным к настойчивому и энергичному труду даже в исключительных случаях. Таким образом, не говоря, вообще, о недостатке у него ловкости, одна уже эта причина значительно уменьшает количество работы, которое он мог бы исполнить.

III. Наконец, кому не известно, на сколько облегчается и сокращается труд применением машин к производству. Это так общеизвестно, что не стоит приводить примеры. Замечу только, что изобретение всех таких машин, облегчающих и сокращающих труд, обязано, кажется, ничему другому, как разделению труда. Человеку вообще более свойственно открывать более легкие и простые способы к достижению цели, если все внимание его ума сосредоточено на отдельном предмете, чем если оно рассеяно среди большого разнообразия вещей.

Как раз, благодаря разделению труда, все внимание человека, естественно, сосредоточивается всецело на каком-нибудь одном, и при том очень простом предмете. А потому, естественно ожидать, что всякий, кто занимается какою-нибудь отдельною отраслью труда, скоро найдет более легкие и простые способы выполнения своей отдельной работы, если только природа ее допускает возможность подобного усовершенствования. И действительно, большая часть машин, употребляемых на мануфактурах, где разделение труда доведено до высшей степени, была изобретена в своем первоначальном виде простыми рабочими, которые, будучи заняты самыми простыми операциями, естественно прилагали все заботы к тому, чтобы найти самые легкие и несложные способы для выполнения своей работы. Кому приходилось много посещать фабрики, тот не раз видал остроумные машины или приспособления, изобретенные простыми рабочими для ускорения и облегчения их части работы. К первым паровым машинам приставлялся мальчик, на обязанности которого

лежало поочередно открывать и закрывать сообщение между паровиком и цилиндром, соответственно тому, подымался или опускался поршень. И вот, один из таких мальчиков, любивший поиграть с своими товарищами, заметил, что если привязать веревку к рукоятке клапана, открывавшего это сообщение, и прикрепить ее к другой части машины, то клапан будет открываться и закрываться сам собою без его помощи, и он будет иметь возможность на свободе баловаться с товарищами. Таким образом, одно из главных усовершенствований паровых машин, с самого начала их изобретения, обязано ребенку, стремившемуся облегчить себе работу.

Но ошибочно было бы думать, что все изобретения по усовершенствованию машин и других орудий производства были сделаны людьми, приставленными к ним. Многие из них были сделаны благодаря изобретательности строителей машин, с тех пор как постройка их составила предмет особой промышленности, а некоторые из них изобретены так называемыми учеными или теоретиками, назначение которых не в том, чтобы производить вещи, а в том, чтобы наблюдать вещи, которые поэтому могут комбинировать силы наиболее отдаленных друг от друга и наименее сходных между собою предметов. В развитии общества научная деятельность, как и всякая другая, становится главным или даже единственным занятием особого класса граждан. Подобно всяким другим занятиям, она также распадается на множество различных отраслей, из которых каждую занимается особый класс ученых, и такое подразделение труда в науках, как и во всяком другом занятии, способствует развитию навыка и сбережению времени. Каждый отдельный человек становится более сведущим в своей специальности; увеличивается в целом сумма сделанной работы и благодаря этому значительно возрастает количество знаний.

Огромное умножение массы произведений всевозможных ремесл, происходящее от разделения труда, вызывает в обществе, хорошо управляемом, общее благосостояние, проникающее в самые низшие слои народа. Каждый рабочий, за покрытием собственных потребностей в продуктах своего труда, располагает еще значительным количеством их, а так как точно в таком же положении находится каждый другой рабочий, то является возможность обмена значительного количества товаров, выработанных одним рабочим, на такое же количество продуктов, изготовленное другим рабочим или, что то же самое, на стоимость этого количества продуктов. Один рабочий может обильно снабдить других тем, что им нужно, и, в свою очередь, получить от них то, в чем он сам нуждается, вследствие чего и развивается общее благосостояние во всех классах общества.

Присмотритесь, из чего в цивилизованной и развивающейся стране состоит движимое имущество самого простого мастерского или по-

денщика чернорабочего, и вы увидите, что невозможно даже пересчитать людей, которые своим трудом содействовали снабжению его какою-нибудь даже самой мелкой частью этого имущества. Шерстяная куртка, например, которую носит поденщик, как бы она ни была груба, есть продукт совокупного труда несчетного множества рабочих. Пастух, сортировщик, чесальщик шерсти, красильщик, прядильщик, ткач, ворсировщик, гладильщик и мн. др.—все они участвовали в производстве и отделке этого грубого предмета. А сколько, сверх того, торговцев и возчиков были заняты доставкой материалов от одних рабочих к другим, живущим часто в отдаленных друг от друга местах! Сколько коммерческих сделок заключено, сколько рейсов совершено! Сколько людей было занято постройкою судов, приготовлением парусов и снастей, сколько матросов работало, чтобы только свезти в одно место разные снадобья, нужные для красильщика, часто с отдаленнейших концов света! Сколько разнообразного труда нужно было для изготовления инструментов, нужных самому ничтожному из этих рабочих! Не будем говорить о таких сложных машинах, как корабль, валайная мельница, или ткацкий станок, но подумайте только о том, сколько разнообразного труда требует изготовление одного из простейших снарядов — ножниц, которыми пастух стрижет овец. Нужно, чтобы рудокоп, строитель горна, в котором плавилась руда, дровосек, валивший лес, угольщик, доставивший уголь в плавильню, кирпичник, каменщик, рабочие, обслуживающие кузнечный горн, строитель мельницы, кузнец, ножевщик и пр. — нужно, чтобы все они соединились вместе для изготовления совместным трудом этого нехитрого снаряда. Если рассмотреть таким же способом другие части одежды того-же рабочего или его домашнего хозяйства — грубую полотняную рубашку, которую он надевает на тело, башмаки, которые носит на ногах, постель, на которой спит, и все различные части ее в отдельности; решетку кухонного очага, на которой варит себе пищу, употребляемый им при этом уголь, добываемый из недр земли и привозимый к нему, может статься, издалека водою или сухим путем, а равно все другие принадлежности кухни и стола: ножи и вилки, глиняные или оловянные тарелки, на которых он ест и режет пищу; если вспомнить разнообразный труд, употребленный на приготовление ему хлеба и пива, стекол в рамах, доставляющих ему тепло и свет и защищающих его от ветра и дождя, — вспомнить все знание и искусство, необходимые для изготовления такого великодушного и счастливого изобретения, без которого едва ли возможна была бы сносная жизнь на севере; — если представить себе многочисленные орудия, необходимые для рабочих, изготавливающих столь разнообразные предметы для удобства жизни; — если в подробности рассмотреть все эти предметы и сообразить,

какое множество разнообразных работ требуется для производства каждого из них;—то мы увидим, что в образованной стране, без помощи и содействия многих тысяч рабочих ни один, самый последний, бедняк не мог бы одеться и обзавестись самыми незатейливыми предметами хозяйства, которые так несправедливо признаются слишком простыми и обыкновенными. Правда, его обстановка покажется чрезвычайно простою и обыкновенною, если сравнить ее с чрезвычайною роскошью большого барина; однако, между обстановкою какого-нибудь европейского государя и трудолюбивого, домовитого крестьянина не окажется, может быть, такой разницы, как между обстановкою этого последнего и какого-нибудь африканского царька, абсолютного владыки жизни и свободы десятков тысяч нагих дикарей.

II.

О принципе, вызывающем разделение труда.

Разделение труда, доставляющее так много выгод, не есть результат какой-либо человеческой мудрости, с'умевшей вперед предусмотреть и осознать общее благосостояние, порождаемое им. Оно есть необходимое, хотя медленно и постепенно, развивающееся, свойство человеческой природы, вовсе не имеющей в виду столь важных и благодетельных последствий, а именно: склонности к торгу, к обмену одного предмета на другой.

В задачу нашего исследования не входит рассмотрение вопроса о том, является ли это свойство первичным свойством человеческой природы, или же, что кажется более правдоподобным, оно есть необходимое следствие разума и дара слова. Оно присуще всем людям; но оно не замечается ни у одного из животных, которым этот род соглашений, как и все другие, остаются совершенно не известными. Когда глядишь, как две борзые собаки гонят зайца, может показаться, что они действуют как будто по взаимному соглашению. Обе они гонят его друг к другу, и каждая из них старается схватить его, когда другая направляет его в ее сторону; и тем не менее здесь нет никакого соглашения между двумя животными; это—просто случайное совпадение их влечения к одному и тому-же предмету. Никому никогда не случалось видеть, чтобы собака сознательно менялась костью с другою собакой. Никому никогда не случалось видеть, чтобы собака жестами или голосом объясняла другой собаке: это мое, а то—твое, я отдам тебе одно в обмен на другое. Когда животное хочет получить что-нибудь от другого животного или человека, оно не знает иного средства, как подластиться к тому, милости которого ищет. Щенок ласкается к своей

матери; собака, присутствующая при обеде своего хозяина, старается всевозможными способами обратить на себя его внимание, чтобы получить от него подачку. Точно также поступает иногда и человек с своими ближними: если он не имеет другого средства заставить их сделать то, чего ему хочется, он старается приобрести их расположение раболепством и лестью. Но у него не хватило бы времени при всяком случае прибегать к такому способу: в цивилизованном обществе он ежеминутно нуждается в содействии и помощи множества людей, тогда как всей его жизни едва достаточно, чтобы приобрести дружбу нескольких человек. Почти у всех видов животных каждая особь, достигнув зрелого возраста, становится совершенно независимой и, пока остается в своем естественном состоянии, может обходиться без всякой помощи со стороны другого живого существа. Наоборот, человек почти всегда нуждается в помощи своих ближних, но напрасно он стал бы надеяться при этом только на их доброе к себе расположение. Гораздо вернее достигает он своей цели, если обращается к их эгоизму и умеет убедить их, что в их собственных интересах сделать для него то, что он просит у них. Так именно и поступает человек, предлагающий другому торговую сделку; весь смысл его предложения таков: дайте мне то, что мне нужно, а вы получите от меня то, что вам самим нужно. Таким именно способом и приобретается большая часть услуг, которые нам нужны. Не от доброго, в самом деле, расположения к нам мясника, продавца пива и хлебника надеемся мы получить, что нам нужно для обеда, но от их забот об их собственных интересах. Мы обращаемся не к человеколюбию их, а к эгоизму, и говорим им, конечно, не о своих нуждах, а о их собственных выгодах. Только нищий поневоле становится в зависимости от благорасположения своих сограждан, да и то не во всем. Правда, благодаря милосердию добрых людей, он получает все необходимое для своего существования; этот источник, хотя в итоге и снабжает его всем необходимым для существования, но все же он не дает и не может дать ему непосредственно всех тех предметов, в которых он нуждается. Большая часть потребностей и у нищего, как и у всех людей, удовлетворяется путем договора, мены, купли. На деньги, которые ему подают, он покупает себе хлеб; старую, поданную ему в виде милостыни, одежду он меняет на другую, более для него удобную, или на жилище, пищу, наконец, на деньги, на которые потом, когда понадобится, он может купить себе пищу, одежду или нанять жилище.

Как посредством договора, мены, купли приобретается большая часть взаимно необходимых нам услуг, так стремление к обмену вызвало первоначально и разделение труда. Если, например, среди какого-нибудь охотничьего или пастушеского племени явится чело-

век, умеющий работать луки и стрелы быстрее и искуснее, чем его соплеменники, то он легко обменяет это оружие на мясо и дичь; и в конце концов он поймет, что этим способом он может приобрести больше мяса и дичи, чем если бы сам ходил на охоту. Таким образом, вследствие простого расчета, он делает из приготовления луков и стрел свое специальное занятие, — и вот готов своего рода оружейник. Другой, положим, отличается в постройке и покрывке хижин или передвижных шалашей; он привыкает этим способом быть полезным соседям, которые за это дают ему в уплату скот и дичину; в конце концов он находит для себя выгодным заняться исключительно этой работой и таким образом делается чем-то в роде плотника. Третий, тем же манером, становится кузнецом или медником, четвертый — кожевником или дубильщиком кож, составляющих главную одежду дикарей. Таким образом уверенность каждого человека в возможности променять произведения своего труда, составляющие излишек сверх его потребления, на такой же излишек произведений других людей, в которых он нуждается, побуждает его посвятить себя какому-нибудь отдельному занятию и развить до возможного совершенства свой природный талант в той или другой отрасли производства.

В действительности различие врожденных способностей у людей совсем не так велико, как мы себе воображаем, и различные способности, которыми, в зрелом возрасте, отличаются люди различных профессий, составляют в большинстве случаев не столько причину, сколько последствие разделения труда. Различие между такими далекими друг от друга людьми, как, например, ученый и носильщик, зависит гораздо менее от их натуры, чем от привычек и воспитания. В первые шесть или восемь лет их жизни сходство между ними было, может быть, так велико, что родители их и товарищи, пожалуй, и не находили между ними заметного различия. Около этого возраста, или немного позже, им пришлось посвятить себя совершенно различным занятиям, и вот, с этих именно пор возникает между ними несходство, которое постепенно увеличивается до того, что теперь тщеславие ученого едва признает малейшую черту сходства между ним и простым носильщиком. Но если бы люди не обладали стремлением к взаимному обмену и торговле, то каждый из них был бы принужден сам добывать себе все предметы, необходимые для существования и удобства жизни. Каждому пришлось бы тогда исполнять те же обязанности и делать ту же работу, что делают другие, и тогда не было бы того большого различия в занятиях, которое одно может вызвать и большое различие в личных способностях.

Если это стремление к взаимному обмену вызывает разнообразие способностей, столь заметное в людях различных профессий, то,

благодаря тому же стремлению, это разнообразие становится полезным. Различие в свойствах и способностях, которыми природа наделила многие породы животных, признаваемые за один и тот же вид, гораздо заметнее, чем у людей, пока на них не повлияли привычки и воспитание. От природы ученый на половину так не отличается по своему уму и склонностям от носильщика, как отличается бульдог от борзой собаки, борзая от лягавой, лягавая от овчарки. Тем не менее эти различные породы животных, хотя и принадлежат к одному и тому-же виду, почти бесполезны друг для друга. Сила бульдога не получает ни малейшей поддержки ни от легкости борзой, ни от чуткости лягавой собаки, ни от послушания овчарки. Эти разнообразные способности, вследствие отсутствия у животных стремления к торгу и обмену, не могут быть сведены в общий запас и решительно ни в чем не способствуют совокупным выгодам и удобствам жизни целого вида. Каждое животное вынуждено заботиться о себе и защищать себя отдельно и независимо от других, и не извлекает для себя никакой пользы из разнообразия способностей, которыми природа наделила подобных ему животных. Наоборот, среди людей самые несходные дарования полезны друг другу; различные их продукты, благодаря стремлению к торгу и мене, складываются в одну общую массу, из которой каждый человек может купить себе, смотря по своим потребностям, любую часть произведений других людей.

III.

Разделение труда ограничивается размерами рынка.

Так как разделение труда вызывается возможностью обмена, то, следовательно, и степень этого разделения всегда ограничивается пределами возможности обмена или, другими словами, обширностью рынка. Если рынок очень мал, то никто не найдет для себя выгодным заняться исключительно какою-нибудь одною работою, просто по невозможности обменять излишек произведений своего труда, превышающий собственное потребление, на такой же излишек произведений труда других людей.

Есть известные промыслы, даже самого низшего разряда, которые не могут существовать нигде, как только в большом городе. Так, например, носильщик нигде, кроме города, не мог бы найти себе работы и прокормления. Деревня—область для него слишком тесная; даже не всякий базарный город достаточно обширен, чтобы доставить ему постоянный заработок. В одиноких хижинах и бедных деревушках, разбросанных в такой редко населенной области, как например, горная Шотландия, каждый фермер по-неволе должен

быть сам для себя и мясником, и хлебником, и пивоваром. В таких местностях нельзя найти двух кузнецов, двух плотников, двух каменщиков ближе, чем на расстоянии двадцати миль один от другого. Разбросанные семьи, живущие на расстоянии 8—10 миль от ближайшего из таких рабочих, принуждены сами исполнять множество мелких работ, за которыми они в более населенной местности обратились бы к особым мастерам. Деревенские ремесленники почти везде вынуждены заниматься различными отраслями производств, связанных между собою лишь по обрабатываемому материалу. В деревне плотник работает всякие изделия из дерева, кузнец — из железа. Первый — не только плотник, но и столяр и краснодеревец, даже резчик по дереву и в то же время изготовляет колеса, сохи, телеги, повозки. Работа кузнеца еще разнообразнее. В отдаленных областях в глубине горной Шотландии даже гвоздарство, как отдельное ремесло, не может существовать. Полагая по тысяче гвоздей в день и считая триста рабочих дней в году, гвоздарь мог бы изготовить триста тысяч гвоздей в год. Но в такой местности он не нашел бы в течение целого года сбыта даже и для одной тысячи гвоздей, то-есть для работы только одного дня.

Так как легкость перевозки водою открывает для всякой промышленности несравненно более широкий рынок, чем сухопутная перевозка, то понятно, что всякая промышленность начинает дробиться на отдельные отрасли и развиваться прежде всего вдоль морских берегов и судоходных рек, и обычно лишь по прошествии долгого времени такие усовершенствования начинают проникать во внутренние области страны. Надо употребить около шести недель времени, чтобы в большом фургоне, запряженном восемью лошадьми, в сопровождении двоих рабочих перевести из Лондона в Эдинбург и обратно четыре тонны товаров. Приблизительно в такое же время судно с экипажем в шесть или восемь человек, крейсирующее между Лондонским и Лейтским портом, перевозит туда и обратно груз весом в 200 тонн. Таким образом, благодаря водяному сообщению, шесть или восемь человек в такой же срок могут и привезти и отвезти назад из Лондона в Эдинбург такое количество груза, для которого понадобилось бы пятьдесят больших фургонов, запряженных четырьмя стами лошадей и в сопровождении ста рабочих. Следовательно, на каждые двести тонн товара, перевозимого сухим путем из Лондона в Эдинбург, при самых выгодных условиях, должны лечь расходы по содержанию ста человек в течение трех недель и, сверх того, не только расходы по содержанию, но и, приблизительно в том же размере, расходы по ремонту четырех сот лошадей и пятидесяти больших фургонов. Между тем на то же количество товара, перевозимого водою, ляжет расход по содержанию только шести или восьми человек и по ремонту судна в двести тонн, с

присоединением стоимости большего риска водяной перевозки, или разницы в страховой премии водою и сухим путем. Следовательно, если бы между этими двумя городами не было другого сообщения, кроме сухопутного, то перевозить между ними можно было бы только товары очень дорогие, сравнительно с их весом. Таким городам пришлось бы довольствоваться лишь очень малою частью торговли, существующей между ними в настоящее время, и соответственно с этим, каждый из них мог бы оказывать лишь весьма слабое влияние на развитие промышленности другого сравнительно с тем, какое наблюдается теперь. А между отдаленными странами света не было бы совсем никакой торговли, или она производилась бы в самых ничтожных размерах. В самом деле, какие товары могли бы вынести расходы сухопутной перевозки из Лондона в Калькутту? Если даже предположить, что нашлись бы товары, которые могли бы вынести такие расходы, то с какими мерами предосторожности их пришлось бы везти через земли стольких варварских народов? Теперь же эти два города ведут между собою очень оживленную торговлю, и, благодаря взаимно доставляемому ими друг другу сбыту товаров, каждый из них способствует в значительной степени под'ему промышленности другого.

В виду таких важных выгод, доставляемых водяными сообщениями, само собою понятно, что первые успехи промышленности оказывались всегда там, где эта легкость сообщений открывала мировой рынок для произведений всякого рода труда, а внутрь страны эти успехи проникали лишь гораздо позднее. Внутренние области страны, в течение долгого времени не могут иметь для большей части своих товаров другого рынка, как в смежных с ними областях, отрезающих их от моря и больших судоходных рек. Таким образом, размеры рынка для товаров таких внутренних областей, в течение долгого времени будут зависеть от богатства и количества населения смежной страны, и соответственно с этим развитие их промышленности будет всегда последствием развития промышленности соседней страны. В английских колониях Северной Америки первые поселения возникали всегда по берегам моря и вдоль судоходных рек и редко отступали на сколько-нибудь значительное от них расстояние внутрь страны.

Согласно самым достоверным историческим свидетельствам, цивилизация коснулась прежде всего тех народов, которые жили по берегам Средиземного моря. Это море, без сомнения, самое обширное из всех внутренних бассейнов земного шара; оно не знает ни приливов, ни отливов, а, следовательно, не знает никакого другого волнения, кроме производимого ветрами. Оно было исключительно благоприятно для начального развития мореплавания, как по спокойствию своих вод, так и по множеству островов и близости okay-

мляющих его берегов, в особенности в то отдаленное время, когда люди, незнакомые еще с употреблением компаса, боялись потерять из вида твердую землю, и когда они, при тогдашнем несовершенстве судостроения, не отваживались еще доверяться неукротимым волнам океана. Проплыть геркулесовы столбы, т. е. выйти из Гибралтарского пролива в океан, в древности долго считалось самым удивительным и опасным подвигом мореплавания. Сравнительно поздно только Финикийцы и Карфагеняне, бывшие в те отдаленные времена самыми ловкими моряками и самыми искусными судостроителями, рискнули на это, но долго не находили себе подражателей.

Египет был, кажется, первою страню на берегах Средиземного моря, в которой земледелие и ремесла достигли заметной степени развития. Верхний Египет не отходит далее нескольких миль от берегов Нила, а в нижнем Египте эта великая река дробится на множество рукавов, которые, при сравнительно небольшой помощи искусства, служили путями сообщения и перевозки товаров не только между всеми большими городами, но даже и между значительными деревнями и земледельческими поселками, почти также, как теперь Рейн и Маас в Голландии. Обширность и легкость этого внутреннего судоходства были, вероятно, одною из главных причин раннего расцвета Египта.

Вероятно, также, что развитие земледелия и промышленности восходит к глубокой древности в Бенгале, в провинции Ост-Индии, и в некоторых восточных областях Китая, хотя у нас и нет вполне достоверных доказательств глубины этой древности. В Бенгале Ганг и некоторые другие большие реки дробятся на многие судоходные рукава, подобно Нилу в Египте, а в восточных областях Китая есть много больших рек, которые своими многочисленными рукавами образуют целую сеть переплетающихся каналов и тем способствуют еще более широкому внутреннему судоходству, чем Нил или Ганг, а, может быть, и оба вместе. И замечательно, что ни древние египтяне, ни индусы, ни китайцы не покровительствовали внешней торговле, и все благосостояние свое, очень большое, извлекали только из внутреннего судоходства.

Вся внутренняя Африка и вся та часть Азии, которая расположена более или менее значительно к северу от Черного и Каспийского морей, древняя Скифия, нынешние Тартария и Сибирь, во все времена находились, кажется, в таком же состоянии варварства и некультурности, в каком мы видим их в настоящее время. Ледовитый океан есть единственное море для Тартарии, но он не доступен для судоходства. Хотя она и орошается несколькими самыми большими реками в свете, однако они текут на таком большом расстоянии одна от другой, что большая часть этих стран не может воспользоваться ими в интересах внутренних сообщений и торговли.

В Африке нет таких обширных внутренних бассейнов, как Балтийское и Адриатическое море в Европе, Черное и Средиземное в Европе и Азии, или заливы Аравийский, Персидский, оба Индийские, Сиамский и Бенгальский в Азии, которые могли бы внести морскую торговлю внутрь этого обширного материка, а большие реки Африки слишком отдалены одна от другой, чтобы вызвать сколько-нибудь значительное внутреннее судоходство. Сверх того, торговля, водворяющаяся в стране при посредстве такой реки, которая не распадается на большее число рукавов или каналов, и которая в своем низовье протекает по чужой земле, никогда не разовьется до больших размеров, потому что народ, владеющий землями при устье такой реки, может всегда прервать сообщение с морем страны, расположенной при истоке. Судоходство по Дунаю приносит очень мало пользы различным государствам, по которым он протекает, как, например, Баварии, Австрии и Венгрии, в сравнении с тем, что оно могло бы доставлять, если бы котороенибудь из этих государств владело рекою на всем ее протяжении от истока до впадения ее в Черное море.

IV.

О происхождении и употреблении денег.

С окончательным установлением разделения труда, только самая незначительная часть потребности человека может быть удовлетворена произведениями его собственного труда. Наибольшая же часть этих потребностей может быть удовлетворяема лишь посредством обмена излишка его произведений, превышающего собственное потребление на такой же излишек продуктов труда других людей, нужный ему. Таким образом каждый человек живет обменом и становится до некоторой степени купцом, а само общество—превращается, собственно говоря, в торговый союз.

Но при самом возникновении разделения труда возможность производить взаимный обмен продуктов часто встречает многие затруднения. Возьмем такой пример: один человек владеет большим количеством съестных припасов, чем сколько ему нужно, а у другого недостача в них, и вот первый охотно променял бы часть своего излишка, а другой еще охотнее купил бы ее. Но если последний не имеет ничего такого, что нужно первому, то между ними не может состояться никакого обмена. У мясника в лавке лежит говядины больше, чем сколько ему нужно для собственного потребления; пивовар или хлебник охотно купил бы у него часть его говядины, но они не могут предложить мяснику в обмен на

нее ничего, кроме разных предметов своего промысла, а мясник, в свою очередь, уже запасся тем количеством пива и хлеба, какое ему нужно в данную минуту. Понятно, что в этом случае никакой обмен между ними не возможен. Один не может продать, а другие не могут купить, и все трое не могут оказать друг другу никаких взаимных услуг. Чтобы избежать неудобств такого положения, всякий предусмотрительный человек, во всяком периоде общественного развития, следовавшем за первым возникновением разделения труда, естественно старался устроиться так, чтобы во всякое время иметь наготове, кроме произведений собственного ремесла, еще известное количество того или другого товара, на который по его соображению лишь немногие отказались бы променять произведения собственного ремесла.

Вероятно, что для этой цели служили последовательно разные предметы. Говорят, что в первобытные времена орудием обмена служил обыкновенно скот. Хотя он представлял собою одно из наименее удобных орудий мены, однако, в древности, как известно, предметы часто ценились по числу голов скота, которое отдавалось в обмен на них. Вооружение Диамеда, говорит Гомер, стоило только девять быков, а Главка—сто быков. Говорят, что в Абиссинии таким обыкновенным орудием обмена служит соль, в некоторых местах по берегам Индии—раковины, на Ньюфаундленде—сушеная треска, в Виргинии—табак, в английских колониях Западной Индии употребляется для этого сахар; в других странах—шкуры или выделанные кожи. Мне говорили, что в Шотландии до сих пор существует деревня, в которой рабочий нередко относит в пивную или к хлебнику гвозди вместо денег.

Несмотря на все это, люди во всех странах принуждены были, по неопровержимым основаниям, выбрать для указанного употребления металлы предпочтительно перед всеми другими товарами. Металлы не только могут сохраняться с наименьшею потерей, будучи самым прочным из товаров, но и могут без потери делиться на сколько угодно частей, которые потом опять могут быть сплавлены вместе, в один кусок. Это—такое свойство, которым не обладает ни один товар такой же прочности, как металлы, и которое более, чем какое либо иное, делает их удобным орудием для обмена и обращения. Если бы, например, кто-нибудь пожелал купить соли, но в обмен на нее не мог бы предложить ничего кроме скота, то он должен бы был по-неволе купить ее зараз в таком количестве, какое соответствовало бы стоимости целого быка или барана. Только в редких случаях он мог бы купить ее меньше, потому что скот, который приходилось бы отдавать в обмен на соль, редко может делиться без убытка на части; а если бы он хотел купить соли больше, то должен был бы, по тем же причинам, купить ее в двой-

ном или тройном количестве, т. е. столько, сколько стоили бы два или три быка, два или три барана. Если бы, наоборот, он мог, вместо быков и баранов, отдать в обмен на соль металл, то ему не трудно было бы отделить такое его количество, которое точно соответствовало бы количеству товара, необходимого ему в данную минуту.

Разные народы пользовались для этой цели разными металлами. Железо служило обыкновенно орудием обмена древних (спартанцев), медь—у римлян в первую пору их истории, золото и серебро—у всех богатых и торговых народов.

Повидимому, эти металлы первоначально употреблялись в кусках неопределенной формы, без штемпеля и чекана. Так, Плиний рассказывает, опираясь на авторитет древнего историка Тимея, что римляне до времен Сервия Туллия не знали чеканенной монеты, но для покупки того, что им было нужно, пользовались просто слитками меди без всякого чекана. Следовательно, такие слитки исполняли тогда назначение монеты.

Употребление металлов такими бесформенными слитками представляло два очень больших неудобства: трудность взвешивать их и трудность определять их пробу. Чтобы точно взвесить драгоценные металлы, в которых ничтожная разница в количестве дает большую разницу в ценности, необходимы, по меньшей мере, тщательно выверенные весы и гири. В особенности же тонкая операция—взвешивание золота. Правда, при взвешивании грубых металлов, где небольшая ошибка имеет мало значения, такой точности не требуется. Но было бы чрезвычайно неудобно, если бы каждому бедняку, при всякой покупке или продаже товара на какую-нибудь копейку, приходилось еще взвешивать самую копейку. Еще гораздо труднее и медленнее определять пробу металла, и пока частица металла не будет совершенно расплавлена в тигле вместе с соответствующими реактивами, всякое сделанное заключение будет весьма неверно. Поэтому, до введения чеканной монеты, людям постоянно приходилось, если только они не производили такого продолжительного и трудного исследования, подвергаться грубейшим обманам и плутням и получать в обмен на свой товар, вместо фунта чистого серебра или меди, какую-нибудь подделанную смесь из самых грубых и дешевых веществ, только снаружи похожую на эти металлы. Чтобы предотвратить такие злоупотребления, облегчить меновые сделки и, таким образом, поощрить всякого рода промышленность, и торговлю, во всех странах, сделавших заметные успехи на пути к благосостоянию, признали необходимым отмечать публичным клеймом определенные количества тех металлов, которыми привыкли там пользоваться при покупке товаров. Отсюда—начало чеканенной монеты и публичных монетных дворов; это были

точно такие же учреждения, какие существуют для надзора за верностью мер и публичным клейменем сукна и полотна. Все эти учреждения имеют одинаковую цель: наложением публичного клейма удостоверить количество и однородную доброкачественность этих различных товаров, при поступлении их на рынок.

Повидимому, первые публичные клейма, которые накладывались на бывшие в обращении куски металла, не имели, в большинстве случаев, другой цели, как удостоверить то, что было всего труднее узнать и в чем, однако, важнее всего было удостовериться, а именно—доброкачественность и степень чистоты металла. Эти клейма были, вероятно, похожи на те, какие кладутся теперь на серебряную посуду и на слитки, или на те испанские пробы, которые видны иногда на слитках золота. Такие клейма, выбитые лишь на одной стороне куска и не покрывавшие всей его поверхности, удостоверяли только степень чистоты металла, но не вес его. Авраам отвесил Ефрону четыреста сиклей серебра, которые, по условию, он должен был заплатить за Махпельское поле. Хотя сиклы считались среди кушцов ходячею монетою, однако, они принимались по весу, а не по счету—как принимаются теперь слитки золота и серебра. Говорят, что доходы древне-сакских королей в Англии поступали не монетою, а натурой, т. е. съестными и другими припасами. Вильгельм Завоеватель первый ввел там в обычай платить их монетою, которая, однако, в течение долгого времени также принималась в казначействе весом, а не по счету.

Неудобство и трудность с точностью взвешивать эти металлы повели к установлению чекана, причем клеймо, совершенно покрывая собою обе стороны монеты, а иногда также и ребро, должно было служить удостоверением не только верности пробы, но и веса металла. Только с этих пор монета стала приниматься, как теперь, по счету, и исчезла надобность взвешивать ее.

Первоначально наименования таких монет выражали собою, повидимому, вес их, т. е. количество содержащегося в них металла. Во время Сервия Туллия, который первый начал в Риме чеканить монету, римский ас или фунт по весу был равен римскому фунту чистой меди. Во время Эдуарда I английский фунт стерлингов содержал фунт (по Турскому весу) серебра известной пробы. Только на восемнадцатом году правления Генриха VIII этот фунт был введен в Англии в общее употребление, как монета. Французский ливр, во время Карла Великого, содержал, по Труаскому весу, фунт серебра определенной пробы. Ярмарка в Труа, в Шампани, посещалась тогда всеми народами Европы, и понятно, что вес и мера такого знаменитого торжища были всем известны и признавались во всем свете. Шотландская монета, называвшаяся также фунтом, от Александра I до Роберта Брюса содержала фунт се-

ребра того же веса и пробы, как английский фунт стерлингов. Точно также английский, французский и шотландский пенс содержали первоначально действительный пенс серебра, т. е. двадцатую часть унца и двести сороковую часть фунта. Повидимому, шиллинг первоначально был также наименованием веса. „Когда квартал пшеницы стоит 12 шиллингов,—говорится в старинном указе Генриха III,—то количество хлеба на фартинг¹⁾ должно весить 11 шиллингов и 4 пенса“. Впрочем, кажется, что соотношение между шиллингом и пенни, с одной стороны, шиллингом и фунтом—с другой, не было столь постоянно и однообразно, как соотношение между пенни и фунтом. Во время первой династии французских королей шиллинг или французский су, в различных случаях, содержал по пяти, двенадцати, двадцати и сорока пенсов. У древних саксов шиллинг содержал одно время не более пяти пенсов, и потому не лишено вероятия, что и у них цена его была так же изменчива, как и у соседей их, древних франков. У французов, со времени Карла Великого, и у англичан, со времени Вильгельма Завоевателя, отношение между фунтом, шиллингом и пенсом было, кажется, совершенно то же, что и теперь, хотя ценность каждой из этих монет очень изменилась, потому что во всех, я полагаю, странах мира, правители и правительства злоупотребляли доверием подданных и постепенно уменьшали действительное количество металла, какое первоначально заключалось в их монете. Римский ас, в последнее время республики, был уменьшен до двадцать четвертой части своей первоначальной стоимости, и вес его вместо целого фунта составлял не более половины унца. Английские фунт и пенс содержат теперь не более трети своей первоначальной стоимости, фунт и пенс шотландские—около тридцать шестой части, а французские фунт и пенс—лишь около шестьдесят шестой части. Посредством таких приемов, государи и правительства, прибегавшие к ним, получали, по видимости, возможность платить свои долги и исполнять лежавшие на них обязательства при меньшей затрате серебра, чем сколько потребовалось бы без этих злоупотреблений. Но все это только по видимости, потому что кредиторы их действительно обманным образом лишались, при этом, части того, что им следовало получить. Но такая-же привилегия была предоставлена и всем другим должникам в государстве, которые получали возможность уплатить, по нарицательной цене, тою-же новою и порченою монетою все долги, сделанные ими прежнею верною монетою. Следовательно, эти операции были всегда выгодны должникам и разорительны для кредиторов, а по-временам они вызывали в делах частных лиц столь значительные и всеобщие потрясения, каковые

¹⁾ Четверть пенса

не могли быть вызваны даже величайшими общественными бедствиями.

Вот каким образом монета у всех образованных народов сделалась общим орудием торговли, при посредстве которого товары всякого рода стали свободно покупаться и продаваться или меняться один на другой.

Теперь надо исследовать, в чем состоят правила, которым люди естественно подчиняются, меняя товары один на другой или на деньги. Этими правилами определяется то, что может быть названо относительной или меновой ценностью товаров.

Прежде всего надо заметить, что слово ценность имеет два различных значения; иногда оно означает полезность данного предмета, а иногда возможность, которую дает владение этим предметом, покупки на него других товаров. Первую можно назвать потребительной ценностью, а вторую—ценностью меновой. Часто предметы, имеющие наибольшую потребительную ценность, имеют весьма малую меновую ценность или совсем не имеют ее; и, наоборот, предметы, имеющие наибольшую меновую ценность, имеют часто ничтожную потребительную ценность, или совсем не имеют ее. Нет, например, ничего полезнее воды, но на нее почти ничего нельзя купить, или обменять. Наоборот, алмаз не имеет почти никакой ценности в отношении непосредственного потребления, а между тем на него можно часто выменять большое количество других товаров.

Для разъяснения начал, определяющих меновую ценность товаров, я постараюсь установить:

Во-первых, в чем состоит верное мерило меновой ценности, или в чем состоит действительная цена товаров.

Во-вторых, какие существенные части составляют действительную цену товаров.

В-третьих, наконец, под влиянием каких разнообразных обстоятельств некоторые или все различные составные части цены то поднимаются выше естественной или обыкновенной их величины, то падают ниже этой величины, или какие причины препятствуют тому, чтобы рыночная цена, т. е. действительная цена товаров, совпадала вполне с тем, что может быть названо их естественной ценою.

В следующих трех главах я постараюсь рассмотреть эти три вопроса как можно полнее и яснее и потому усердно прошу читателя отнестись к ним с полным терпением и вниманием: терпение нужно, чтобы следить за всеми подробностями, которые в некоторых случаях, пожалуй, покажутся без надобности скучными; внимание нужно, чтобы вполне уразуметь то, что может показаться не вполне ясным, несмотря на все мои разъяснения, на которые я

способен. Я всегда предпочитаю заслужить упрек в недостатке краткости, лишь бы иметь уверенность в ясности изложения; но, несмотря на все мое старание быть вполне ясным, некоторая тень неопределенности, повидимому, может остаться на предмете, который по своей природе совершенно отвлеченный.

V.

О действительной и нарицательной цене товаров или о цене их, определяемой трудом, и о цене, определяемой деньгами.

Человек богат или беден, смотря по тем средствам, на которые он может приобретать предметы необходимости, удобства или удовольствия в жизни. Но с тех пор как во всех отраслях деятельности установилось разделение труда, человек одним только личным трудом своим может добыть лишь весьма небольшую часть этих предметов, а наибольшую часть их он может получить только от труда других. Следовательно, человек бывает богат или беден, смотря по тому количеству труда, которым он в состоянии распорядиться, или которое может купить.

Таким образом, ценность всякого предмета для того, кто, владея им, не желает однако воспользоваться им для своего личного потребления, а предполагает променять его на что-нибудь другое, равняется количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение.

Следовательно, труд есть действительное мерило меновой ценности всякого товара.

Действительная цена всякого предмета, т. е. то, чего каждый предмет стоит в действительности тому, кто хочет приобрести его, есть труд и усилие, которые он должен употребить на его приобретение. Чего стоит в действительности каждый предмет тому, кто приобрел его, и хочет или сам пользоваться им, или променять его на какой-нибудь другой предмет, это — труд и усилия, которые он может сберечь себе, обладая этим предметом, и которые он может возложить на других.

Все, что покупается на деньги или в обмен на другие товары, приобретается трудом, как и все то, что добывает человек в поте лица своего; деньги и поступающие в обмен товары сберегают нам этот труд. В них содержится ценность известного количества труда, которое меняется на то, в чем предполагается ценность такого же количества труда. Таким образом, труд был первоначальной ценою.

тою покупною суммой, которая была заплачена при первоначальной покупке всякого предмета. Не на золото и серебро, а только на труд были первоначально куплены все богатства мира, и ценность их для того, кто владеет ими теперь и желает променять их на новые произведения, совершенно равна количеству труда, которое можно купить на них, или получить в свое распоряжение.

Богатство есть сила,—сказал Гоббес. Но человек, приобретающий или получающий по наследству большое состояние, не приобретает с ним никакой политической власти, ни гражданской, ни военной. Может статься, впоследствии богатство и доставит ему средства достигнуть той или другой, но одно только обладание богатством не дает ему непременно этой власти.

Власть, прямо и непосредственно приобретаемая богатством, заключается лишь в возможности покупать, т. е. располагать всяким трудом других людей, или теми произведениями этого труда, которые окажутся на рынке. Богатство такого человека будет более значительное или менее значительное в прямом соответствии с объемом этой власти: в соответствии с количеством труда других людей, которым он может распоряжаться, или, что то же самое, количеством продуктов труда других людей, которое он может купить. Меновая ценность всякого предмета должна быть равна размеру этой власти, сообщаемой человеку, ею обладающему.

Хотя труд и составляет действительное мерило меновой ценности всех товаров, однако, не им обыкновенно производится оценка этой ценности. Часто бывает трудно определить отношение между двумя различными количествами труда, ибо это отношение не всегда определяется только временем, употребленным на две различного рода работы: необходимо принимать в расчет еще и различные степени трудности и дарования, которых требовала работа. На один час какой-нибудь тяжелой работы может потребоваться больше труда, чем на два часа какой-нибудь легкой работы, а один час занятия ремеслом, на изучение которого было потрачено десять лет жизни, может потребовать больше труда, чем обыкновенная работа в продолжение целого месяца, не требующая предварительной подготовки. Не легко найти точное мерило для измерения степени трудности или дарования; в действительности же, при обмене произведений различных родов труда, принимаются в расчет и оба. Такой расчет не имеет, конечно, никаких точных оснований и устанавливается просто тем, что называется „торговаться“ на рынке, с тою грубою степенью справедливости, которая, хотя и далека от точности, однако, совершенно достаточна для обычных житейских дел.

Сверх того, всякий товар чаще меняется, а стало быть и сравнивается, с другими товарами, а не с трудом. А следовательно, гораздо естественнее определять его меновую ценность количеством другого

товара, на которое он обменивается, нежели количеством труда, какое можно на него купить. Большинство людей к тому же лучше понимает, что значит то или иное количество известных товаров, нежели то или иное количество труда. Первое для всякого просто и осязательно, а второе есть отвлеченное понятие, которое, конечно, может быть сделано достаточно вразумительным, но само по себе оно все-таки не для всех привычно и очевидно.

С прекращением меновой торговли, когда деньги сделались общим орудием торговли, каждый товар в отдельности чаще меняется на деньги, а не на другой товар. Мясник редко поведет уже своего быка или барана к хлебнику или продавцу пива, чтобы променять их на хлеб или на пиво; он ведет их на рынок и там меняет их на деньги, на которые потом покупает хлеб или пиво. Количество денег, которое мясник получает за свое мясо, определяет, в свою очередь, количество хлеба и пива, которое он потом может купить на эти деньги. Следовательно, для него гораздо проще и яснее определять ценность говядины количеством денег, как товара, на который он может тотчас же выменять мясо, нежели количеством хлеба и пива, составляющих такие товары, на которые он может променять свое мясо не иначе, как при посредстве другого товара — денег: для него проще сказать, что фунт мяса стоит три или четыре пенса, нежели, что он стоит три или четыре фунта хлеба, или три или четыре кружки пива.

Таким образом, оказывается, что меновая ценность всякого товара гораздо чаще определяется количеством денег, а не количеством труда или какого-нибудь другого товара, который можно получить в обмен на него.

Однако, ценность золота и серебра, как и всякого другого товара, меняются: они то дорожают, то дешевеют; иногда купить их легче, а иногда труднее. Количество труда, которое может быть куплено, или которое можно получить в свое распоряжение за известное количество этих металлов, или количество других товаров, которое может быть получено в обмен на них, всегда зависит от богатства или бедности рудников, известных в то время, когда производится мена. В шестнадцатом столетии, вследствие открытия обильных рудников в Америке, ценность золота и серебра в Европе упала почти на целую треть против того, чего они стоили прежде. Так как добыча этих металлов из рудников и доставка их на рынок требовала меньше такого труда, чем прежде, то на рынке на них стало возможно купить или получить в свое распоряжение меньшее количество труда, чем прежде. И этот переворот в ценности металлов хотя и был, может быть, самым решительным, но все-таки не единственным, как свидетельствует нам история. Но как естественная мера, представляемая ступнею человеческой ноги, локтем или

горстью, постоянно изменяясь в своей величине, никогда не может служить точною мерою количества других предметов, точно также и товар, постоянно изменяющийся в собственной ценности, не может служить точным мерилом ценности других товаров.

Но одинаковые количества труда во все времена и во всех местах для рабочего всегда имеют одинаковую ценность. При обычном состоянии здоровья, силы и деятельности, и при обычной степени ловкости и искусства, которыми обладает рабочий, ему всегда приходится жертвовать все одною и тою же частью своего досуга, свободы и спокойствия. Цена, которую он платит, остается всегда неизменной, каково бы ни было количество товаров, которое он получает в вознаграждение за этот его труд. Правда, за эту цену можно купить иногда больше, иногда меньше разных предметов, но изменяется здесь только ценность этих последних, а никак не ценность труда, на который они покупаются. Во все времена и во всех местах то дорого, что трудно достается, или что приобретается с большим трудом, и то дешево, что достается легко, или с малым трудом.

Таким образом, один труд никогда не изменяется в своей собственной стоимости; и он один представляет собою единственно действительное и последнее мерило, которым во все времена и во всех местах определяется ценность всех товаров. Он составляет их действительную цену, тогда как деньги составляют только нарицательную цену их.

Но, хотя равные количества труда всегда имеют одинаковую ценность для того, кто работает, однако они имеют то большую, то меньшую ценность для нанимателя. Последний покупает эти количества труда то за большее, то за меньшее количество товаров, и для него цена труда меняется точно так же, как и цена всяких других предметов: в одном случае она кажется ему дорогою, а в другом дешевою. В действительности же меняется тут не цена труда, а цена товаров, которые бывают дороги в одном случае, и дешевы в другом.

Таким образом, в этом обычном смысле можно сказать о труде то же, что и о других товарах, а именно—что он имеет две цены—действительную и нарицательную. Можно сказать, что действительная цена его состоит из количества предметов, необходимых для существования и удобства жизни, которыми платят за него, а нарицательная цена — из количества денег. Рабочий бывает богат или беден, его труд хорошо или дурно оплачен соответственно действительной, а не нарицательной цене за его труд.

Но различие между действительной и нарицательной ценою товаров и труда не есть дело только чистого умозрения; иногда оно имеет и важное практическое значение. Одна и та же действитель-

ная цена всегда одинакова по ценности; но вследствие изменений в ценности золота и серебра, одна и та же нарицательная цена часто выражает ценности весьма различные. Так, например, если какое-нибудь поместье отчуждается, при чем выговаривается постоянная рента, то для сохранения этого дохода в одном и том же размере, в интересах семьи, в пользу которой этот доход выговаривается, очень важно, чтобы он не определялся какою-нибудь постоянною суммою денег. В этом последнем случае размер дохода постоянно подвергался бы двоякого рода изменениям: во-первых, изменениям; происходящим вследствие изменения количества золота и серебра, содержащегося в разное время в монете одного и того же наименования; во-вторых, изменениям, происходящим от различия в ценности одного и того же количества золота и серебра в разные эпохи.

Государи и правительства часто воображали себе, что им хоть на время выгодно уменьшать количество чистого металла, содержащегося в их монете; но они никогда даже и не мечтали о том, чтобы увеличивать это количество. А потому, я уверен, что у всех народов количество чистого металла, содержавшегося в монете, постоянно уменьшалось и вряд ли когда увеличивалось. Все же изменения подобного рода почти всегда клонятся к уменьшению ценности ренты, выплачиваемой деньгами.

Открытие американских рудников понизило ценность золота и серебра в Европе. Это понижение, по всеобщему, хотя — я опасюсь — недостаточно обоснованному мнению, постоянно продолжается и обещает продолжаться в течение еще долгого времени. Если же это предположение верно, то такие изменения ценности драгоценных металлов обещают скорее понизить, нежели повысить ценность денежных рент, хотя бы последние были установлены не в определенном количестве монеты известного наименования (напр. фунтов стерлингов), а в определенном количестве чистого серебра или серебра известной пробы. Ренты, которые были установлены в зерне, гораздо лучше сохранили свою ценность, чем установленные в деньгах, даже если самая чеканка монеты не подвергалась изменениям. 18-м статутом Елизаветы было постановлено, что третья часть ренты по арендным договорам, заключаемым университетскими коллегиями, должна быть выплачиваема в зерне, причем последнее может либо вноситься натурой, либо заменяться денежной платой, в соответствии с текущими ценами зерна на ближайшем общественном рынке. Денежный платеж, заменяющий эту натуральную долю, составлявшую первоначально треть всего арендного платежа, в настоящее время, по сведениям д-ра Блэкстона, приблизительно вдвое превышает сумму, соответствующую остальным двум третям. Согласно этому расчету старинные денежные ренты, получаемые университетскими колле-

тиями, упали приблизительно до четвертой части их первоначальной стоимости, иначе сказать, что они теперь равны по ценности немногим больше нежели четверти того зерна, которому они были первоначально равноценны. Между тем, начиная с царствования Филиппа и Марии, чекан английской монеты не подвергался почти никаким изменениям, и одинаковое количество фунтов, шиллингов и пенсов продолжало содержать, более или менее точно, такое же количество чистого серебра. Значит, указанное обесценение денежных рент университетских коллегий произошло исключительно от обесценения серебра. Если обесценение серебра сопровождается еще и уменьшением количества его, содержащегося в монете одинакового наименования, то потеря будет, конечно, еще больше. В Шотландии, где чекан монеты подвергался гораздо большим ухудшениям, чем в Англии, и во Франции, где ухудшение монеты было еще того больше, некоторые старинные ренты, первоначально имевшие значительную ценность, свелись таким образом почти что к нулю. Между тем, равные количества труда, в далеко отстоящие друг от друга эпохи, можно приобрести скорее за равные количества хлеба, этой основной пищи работника, чем за равные количества золота и серебра, или, может быть, всякого другого товара. Равные количества зерна, поэтому, в отдаленные друг от друга эпохи скорее сохранят приблизительно одинаковую действительную ценность, т. е. будут давать владеющему ими возможность приобретать или иметь в своем распоряжении приблизительно равные количества труда. Я говорю „скорее сохраняют“, — потому что даже равные количества хлеба не безусловно сохраняют ту же самую ценность. Содержание работника, составляющее действительную цену труда, при различных обстоятельствах бывает весьма различно — оно изобильнее в прогрессирующем на пути к богатству обществе, нежели в стоящем неподвижно, а в этом последнем — изобильнее, чем в регрессирующем. Но всякий другой товар, во всякое данное время, будет обмениваться либо на большее, либо на меньшее количество труда, пропорционально количеству пищевых продуктов, на которые его можно выменять в то же самое время. Поэтому рента, установленная на хлебе, подвержена лишь тем изменениям в ценности, которые вытекают из различных количеств труда, какие в данное время могут быть приобретены за хлеб, — тогда как рента, установленная во всяком другом товаре, подвержена не только изменениям, зависящим от количества труда, которое можно приобрести за данное количество хлеба, но и изменениям, зависящим от количества хлеба, которое можно приобрести на известное количество данного товара.

Но надо заметить, что, хотя действительная ценность хлебной ренты в меньшей степени изменяется от столетия к столетию, чем ценность денежной ренты, она подвержена значительно большим

изменениям от одного года к другому. Денежная цена труда не колеблется из года в год вместе с изменениями цен на хлеб,—она везде приспособляется не к временным или случайным, а к средним или обычным ценам на предметы, необходимые для существования.

Итак, труд является единственным всеобщим, а равно и единственным точным мерилом ценности, или единственной меркою, при помощи которой мы можем сравнивать ценность разных товаров во все времена и во всех местах. Мы не можем—это признано—сравнивать действительную ценность различных товаров в разные века по тому количеству серебра, которое выплачивалось за этот товар; мы не можем сравнивать ее в разные годы по количеству хлеба. Но по количествам труда мы можем с полной точностью сравнивать ценность того и другого и по столетиям, и из года в год. При сравнении по столетиям хлеб—лучшее мерило, чем серебро, потому что количество труда, какое можно будет приобрести на данное количество хлеба, будет менее изменяться от столетия к столетию, чем то, какое можно приобрести на серебро. Наоборот, при сравнении близких друг к другу годов, серебро является лучшим мерилом, чем хлеб, потому что одинаковые количества первого скорее будут вымениваться на одинаковые количества труда.

Хотя при установлении вечных рент, или даже при заключении арендных контрактов на очень продолжительные сроки, полезно иметь в виду разницу между действительной и номинальной ценою,—но в этом нет никакой необходимости при покупке и продаже—наиболее простых и обыкновенных сделках в человеческой жизни: в каждое данное время и в данном месте действительная и номинальная цена товаров строго пропорциональны друг другу. Смотри потому, получите ли вы больше или меньше денег за известный товар, напр., на Лондонском рынке, вы в состоянии будете приобрести или получить в свое распоряжение в том же месте и в то же время, больше или меньше труда; в данное время и в данном месте деньги, поэтому, являются точным мерилом действительной меновой ценности всех товаров,—но конечно только в пределах данного места и данного времени. При сравнении между собой разных мест не оказывается уже правильного соотношения между действительной и денежной ценою товаров. Тем не менее, купец, который доставляет товары из одного места в другое, тоже не должен принимать в соображение ничего, кроме их цены на деньги, или разницы между тем количеством серебра, какое он отдал за данный товар, и тем, какое он рассчитывает получить за него. А раз это так—раз номинальная или денежная цена товаров определяет целесообразность или нецелесообразность всех покупок и продаж, и таким образом управляет более или менее всеми деловыми отноше-

ниями обыденной жизни, где цена имеет значение, то не приходится удивляться тому, что, на денежную цену обращали несравненно больше внимания, чем на реальную.

VI.

О составных частях цены товаров.

При первобытном, некультурном состоянии общества, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность, соотношение между количествами труда, необходимого для приобретения различных предметов, было, кажется, единственным основанием, которое могло служить руководством при обмене этих товаров на другие. Например: если у звероловного племени убить бобра стоило вдвое более труда, чем дикую козу, то, разумеется, один бобер мог меняться на две козы, или мог стоить столько, сколько стоили две козы. Весьма понятно, что всякое произведение, стоившее обыкновенно двухдневного или двухчасового труда, ценилось вдвое дороже того, на что требовался обыкновенно один день или один час труда.

Если какой-нибудь вид труда тяжелее другого, то при оценке, конечно, должен быть принят во внимание и этот излишек напряжения, и произведение, стоившее только часового, но более тяжелого труда, часто может меняться на произведение двухчасового, но более легкого труда. Точно также, если какой-нибудь вид труда требует больших, чем обыкновенный труд, искусства и дарования, то вследствие уважения покупателей к этого рода способностям, цена продукта, без сомнения, будет гораздо выше той, которая соответствовала бы времени, употребленному на его приготовление. Редко бывает, чтобы такие таланты приобретались без продолжительного упражнения, и высокая ценность их произведения часто представляет собою только справедливое вознаграждение за время и труд, употребленные на приобретение этих талантов. В более развитом обществе, как ловкость рабочего, так и напряженность его труда, обыкновенно принимается в расчет при установлении размера заработной платы, и, вероятно, нечто в этом роде имело место при младенческом состоянии общества. При таком положении вещей весь продукт труда всецело принадлежит рабочему, и количество труда, обыкновенно употребляемое на то, чтобы приобрести или приготовить какой-нибудь товар, составляет единственное условие, могущее определить то количество труда, которое может быть на него куплено, заказано или обменено.

Когда начинается скопление капиталов в руках отдельных лиц, некоторые из них начинают употреблять эти капиталы на то, чтобы

давать работу трудолюбивым людям, которых они снабжают как материалом, необходимым для работы, так и средствами существования с тою целью, чтобы потом получить барыш на продаже их произведений, или на том, что люди эти своим трудом прибавили к первоначальной ценности материалов. При обмене сработанного произведения на деньги ли, на труд ли, или на другие произведения, необходимо, чтобы по оплате стоимости материалов и вознаграждения рабочим оставался еще излишек, составляющий прибыль предпринимателя, рискнувшего употребить на это дело свои капиталы. Поэтому ценность, которую рабочие своим трудом прибавляют к ценности первоначального материала, делится в этом случае на две части, из которых одна идет на выдачу заработной платы рабочим, а другая составляет прибыль предпринимателя на затраченный им капитал, для покупки материала и на уплату вознаграждения рабочим. Предприниматель не нашел бы никакой выгоды нанимать рабочих, если бы не рассчитывал получить от продажи сработанного ими произведения что-нибудь сверх того, что нужно для восстановления употребленного им в дело капитала, и для него не было бы никакого расчета употребить скорее больший, чем меньший капитал, если бы его прибыль не соответствовала величине употребленного в дело капитала.

Но мне возразят, может быть, что прибыль есть только другое название заработной платы за особый вид труда,—за труд по надзору и управлению делом. Однако, прибыль совсем не похожа на заработную плату; она устанавливается совсем на других началах и не находится ни в каком соответствии с количеством, трудностью и талантливостью предполагаемого труда по надзору и управлению делом. Прибыль зависит всецело от ценности употребленного в дело капитала и бывает больше или меньше, смотря по величине последнего. Предположим, например, что в какой-нибудь местности, где прибыль с капиталов, употребляемых на производство, составляет обыкновенно 10% со 100 в год, существуют две различные мануфактуры, и что на каждой из них работают 20 рабочих, с платой по 15 фунтов в год, каждый,—что составит для каждой из этих мануфактур расход на заработную плату в 300 фунтов в год; предположим еще, что грубые материалы, ежегодно перерабатываемые на одной из них, стоят только 700 фунтов, тогда как на другой употребляются материалы более дорогие стоящие 7.000 фунтов. При этих условиях капитал, ежегодно затрачиваемый на одной из этих мануфактур, будет равен только 1.000 фунтов, тогда как на другой он составит 7.300 фунтов. Следовательно, при 10% прибыли хозяин первой мануфактуры может рассчитывать на ежегодную прибыль только в 100 фунтов, тогда как другой—в 730 фунтов. Но несмотря на эту огромную разницу в прибылях, легко может

случиться, что труд обоих хозяев по надзору и управлению делами будет совершенно или почти совсем одинаков. На многих больших фабриках почти весь труд этого рода вверяется главному приказчику, и тогда ценность труда по надзору и управлению вполне выражается его жалованьем. И хотя при назначении этого жалованья обыкновенно обращается некоторое внимание не только на труд и умелость приказчика, но также и на меру доверия, которую питают к нему—однако размер его жалованья не находится ни в каком правильном соответствии с капиталом, которым приказчик управляет. А владелец капитала, хотя он почти совсем освобожден от всякого труда, рассчитывает все-таки на то, что прибыли его будут соответствовать его капиталу. Таким образом прибыли с капиталов входят в цену товаров составною частью, совершенно отличною от заработной платы, и устанавливаются на основании совсем других начал.

При таких условиях весь продукт труда не всегда принадлежит одному только рабочему. В большинстве случаев он должен делиться им с владельцем капитала, который дает ему работу. В этом случае количество труда, обычно затрачиваемого на приобретение или изготовление какого-нибудь товара, не является уже единственным основанием для определения того количества труда, которое на этот товар могло бы быть куплено, получено в распоряжение или в обмен. Некоторая дополнительная часть должна быть, очевидно, отделена в пользу прибыли с капитала, оплатившего вперед заработную плату и доставившего рабочему материал.

С того момента, как земля в какой-либо стране сделалась предметом частной собственности, владельцы ее, как вообще свойственно людям, охотно стали пожинать там, где они не сеяли, и требовать себе ренты даже за естественные произведения земли. И вот устанавливается добавочная цена за дрова в лесу, за траву на лугах и за все естественные произведения земли, которые прежде, при общем владении ею, не стоили рабочему ничего, кроме усилия собрать их. Так как теперь он должен платить за позволение собирать эти произведения, то ему приходится уступать землевладельцу часть того, что он собрал или произвел своим трудом. Эта именно часть, или—что то же самое, цена этой части, и есть земельная рента, представляющая собой третью составную часть цены большей части товаров.

Здесь надо еще заметить, что действительная ценность этих трех различных частей, входящих в состав цены каждого товара, измеряется количеством труда, которое может быть куплено или нанято на счет каждой из этих частей. Трудом измеряется ценность не только той части цены, которая приходится на заработную плату, но и той, которая приходится на долю ренты, а также и той, которая приходится на долю прибыли на капитал.

В каждом обществе цена каждого товара, в конце концов, составляется из одной или другой части или из всех трех указанных частей, а в цивилизованных обществах эти три части непременно, в большей или меньшей степени, входят в цену большинства товаров, как составные части ее. Так, например, в цене хлеба одна часть оплачивает ренту землевладельца, другая—заработную плату или содержание рабочих, а также содержание рабочего скота, употребленного на производство хлеба, и третья часть—прибыль фермера. Эти три части или с самого начала или напоследок образуют полную цену хлеба. Можно было-бы, пожалуй подумать, что к этим трем частям надо прибавить еще и четвертую—для восстановления капитала фермера, или для вознаграждения его за потерю в рабочих лошадях и разных земледельческих орудиях. Но тут надо принять во внимание, что цена каждого земледельческого орудия, как и рабочей лошади, сама по себе состоит из тех-же трех частей: из ренты за землю, на которой она выращена, из заработной платы тех, кто ее кормил и ходил за нею, и из прибыли фермера, оплатившего вперед как эту ренту, так вознаграждение за труд. Таким образом, хотя из цены хлеба должна быть оплачена цена лошади, а также и ее содержание, однако полная цена этого хлеба всегда раскладывается, в самом-ли начале или в окончательном результате,— это безразлично—все на те же три части: ренту, заработную плату и прибыль. В цене муки содержится, кроме цены хлеба в зерне, также и прибыль мельника и заработная плата его рабочих; в цене печеного хлеба—прибыль хлебника и заработная плата его рабочих, а в ценах того и другого—плата за перевозку зерна от усадьбы фермера до мельницы и от мельницы до пекарни, а также и прибыли тех, кто оплатил вперед вознаграждение за этот труд. Цена льна разлагается на те же три составные части, как и цена хлеба. В цене полотна должна заключаться кроме цены льна еще заработная плата чесальщика льна, прядильщика, ткача белильщика и т. д., и ко всему этому надо прибавить еще прибыли тех, кто оплачивал вперед этих рабочих.

По мере того, как какой-нибудь товар делается более обработанным, часть цены его, приходящаяся на долю заработной платы и прибыли, становится все больше сравнительно с тою частью, которая приходится на долю ренты. При каждой новой переработке товара не только увеличивается число лиц, получающих прибыль, но и каждая последующая прибыль становится больше предшествовавшей, потому что при этом всегда увеличивается и капитал, с которого она получается. Так например, капитал, дающий работу ткачам, непременно должен быть больше капитала, дающего работу прядильщикам, потому что он не только возмещает этот последний с его прибылями, но и оплачивает еще заработную плату ткачей, а

размер прибылей, как мы видели, всегда должен находиться в определенном соответствии с величиною капитала.

Однако, даже в обществах наиболее развитых найдутся всегда такие товары, хотя и не в большом числе, цена которых распадается только на две части—на заработную плату и на прибыль с капитала; но есть и такие товары, еще в меньшем числе, цена которых состоит только из одного вознаграждения за труд. В цене морской рыбы, например, одна часть оплачивает труд рыбаков, а другая—прибыль с капитала, употребленного на рыбную ловлю. Что касается ренты, то она редко бывает здесь составною частью цены, хотя встречаются случаи и такого рода, о чем я буду говорить ниже. Иначе обстоит дело, по крайней мере в большей части Европы, с речным рыболовством. Ловля лососей оплачивает ренту, эта рента хотя и не может быть названа земельною рентою в тесном смысле этого слова, однако образует такую-же составную часть цены лососины, как заработная плата и прибыль с капитала. В некоторых местах Шотландии бедняки промышляют собиранием вдоль морского берега особого рода камешков с крапинками, известных под именем шотландских голышей: цена, которую платит за них гранильщик, всецело состоит из заработной платы; тут нет ни ренты, ни прибыли с капитала.

Как бы то ни было, но полная цена каждого товара должна всегда в конце концов, состоять из одной, или другой части или из всех трех указанных частей, потому что кака-бы часть этой цены ни оказалась в остатке, за уплатою ренты за землю и вознаграждения за весь потраченный труд, на добычу материала, на переработку его и доставление на рынок, она непременно составляет чью-нибудь прибыль.

Как цена или меновая ценность каждого товара, взятого отдельно, распадается на одну или другую из упомянутых составных частей или на все три части, точно так же и цена всех товаров, составляющих общую сумму ежегодного производства страны, непременно распадается на те же составные три части и должна распределяться между жителями страны в виде выплаты за их труд, прибыли с их капитала или ренты с их земли. Таким именно способом и распределяется первоначально между различными членами общества общая масса всего, что собирается или производится ежегодным трудом каждого общества, или, что то же самое, совокупная цена всех произведенных продуктов. Заработная плата, прибыль и рента—вот три первоначальных источника всякого дохода, как и всякой меновой ценности. Всякий другой доход, в конце концов, проистекает из того или другого из этих трех видов дохода.

Всякий, кто живет каким-нибудь доходом, лично ему принадлежащим, получает его обязательно или с своего непосредственного

труда, или с собственного капитала, или с земли, которою он владеет. Доход, получаемый с труда, называется заработной платой. Доход, получаемый с капитала, которым владеец распоряжается сам, или который он помещает в какое-нибудь дело, называется прибылью. Если же он получается владельцем, который сам не пользуется своим капиталом, а ссужает им кого-нибудь другого, то он называется процентом. Это—вознаграждение, платимое заемщиком владельцу капитала за ту прибыль, которую он, заемщик, может получить, благодаря употреблению чужих денег. Понятно, что одна часть этой прибыли принадлежит заемщику, который несет риск и труды по ведению дела, другая же часть остается в пользу владельца, который дал первому возможность получить эту прибыль. Процент с заемных денег составляет всегда производный доход, который, если не выплачивается из прибыли, доставляемой употреблением занятых денег, должен быть оплачен из какого-нибудь другого источника дохода, если только заемщик—не расточитель и не заключает второго займа для уплаты процентов по первому. Доход, получаемый только от земли, называется рентою и принадлежит землевладельцу. Доход же фермера получается частью как вознаграждение за труд, частью—как прибыль с капитала. Земля для него только орудие, при помощи которого он получает заработную плату за свой труд и извлекает прибыль с своего капитала. Все налоги и весь основанный на них доход—оклады, жалования, пенсии и ренты всякого рода, в конце концов вытекают из того или другого этих трех первоначальных источников дохода и оплачиваются прямо или косвенно или заработной платой, или прибылью с капитала или земельною рентою.

Эти три различные дохода легко различить, если они получаются различными лицами; но если они получаются одним лицом, то иногда смешиваются один с другим, по крайней мере в обыкновенном разговоре. Землевладелец, ведущий хозяйство на части своего поместья, должен получить по покрытию расходов, как ренту, причитающуюся собственнику, так и прибыль фермера. А между тем все, что он получает этим путем называется обыкновенно доходом, прибылью, и таким образом рента смешивается здесь с прибылью, по крайней мере на разговорном языке. То же самое и у большей части английских плантаторов в Северной Америке и Вест-Индии: они в большинстве, сами обрабатывают свои земли и потому говорят о прибыли с плантаций, но редко о ренте, которую они приносят.

Мелкие фермеры редко держат надсмотрщика для общего управления хозяйством. Работают они большую часть времени сами—за плугом, бороною и пр., поэтому остаток продукта, за уплатою ренты, должен не только возместить капитал, употребленный на обработку земли, с его обычною прибылью, но еще и оплатить их

заработную плату, как за личный труд их, так и за управление. Между тем все, что остается им за уплатою ренты и возмещением капитала, называют их прибылью, хотя в состав ее, очевидно, входит и заработная плата их: фермер, ^{сберегая} сберегая расход на оплату труда, тем самым оплачивает свой труд. Следовательно, и в этом случае заработная плата смешивается с прибылью. Какой-нибудь независимый ремесленник, располагая маленьким капиталом, достаточным для закупки материалов и для собственного содержания впрямь до продажи продукта на рынке, вырабатывает за-раз и заработную плату поденщика, работающего на хозяина, и прибыль, которую-бы хозяин получил на его работе. Однако, и здесь все, что получается таким ремесленником, называется прибылью; и заработная плата опять-таки смешивается в этом случае с прибылью. Садовник собственными руками обрабатывающий свой сад, совмещает в себе три разных лица: собственника, фермера и рабочего. Поэтому из произведений своего сада он должен выручить ренту первого, прибыль второго и заработную плату третьего, — а между тем все это вместе взятое считается обыкновенно результатом его личного труда. Здесь рента и прибыль смешивается с заработной платой.

Так как в цивилизованной стране найдется очень немного таких товаров, меновая ценность которых основывалась бы только на одном труде, и так как в ценности гораздо большей части товаров значительную долею участвует рента и прибыль, то и выходит, что годового продукта совокупного труда такой страны всегда достанет на то, чтобы купить или получить в свое распоряжение значительно большее количество труда, чем сколько потребовалось его в истекшем году для добычи сырых продуктов, для их обработки и доставки на рынок. Если бы общество ежегодно употребляло в дело весь труд, который оно ежегодно было бы в состоянии купить, то вследствие того, что количество этого труда ежегодно увеличивалось бы в значительной степени, производство каждого последующего года представляло бы несравненно большую ценность, в сравнении с предыдущим годом. Но ведь нет такой страны, в которой бы все, что произведено в течение года, употреблялось на содержание рабочих; повсюду значительная часть произведенных ценностей потребляется людьми праздными; и вот, смотря по тому, как эти плоды годового производства распределяются между этими двумя различными классами, т. е. между работающими и неработающими, обыкновенная или средняя ценность годового продукта должна из года в год или увеличиваться, или уменьшаться, или оставаться все в одном раз-мере.

VII.

О естественной и рыночной цене товаров.

Во всяком обществе или местности существует обычный или средний размер, как заработной платы, так и прибыли в каждом из разнообразных помещений труда и капитала. Этот размер естественным образом регулируется, как я покажу ниже, частью — общим положением данного общества: его богатством или бедностью, его процветанием, застоём или упадком, частью — особыми свойствами каждого отдельного занятия. Равным образом, в каждом обществе или местности существует обычный или средний размер земельной ренты, который также регулируется, как я выясню ниже, частью общим состоянием общества или местности, где расположена земля, частью — естественным или обусловленным культурой плодородием самой земли. Эти средние или обычные размеры могут быть вызваны естественными размерами заработной платы, прибыли и ренты для того времени и места, когда и где они преобладают. Если цена какого-либо товара не выше и не ниже того, что нужно, чтобы оплатить ренту за землю, заработную плату за труд и прибыль на капитал, занятый в добыче сырого материала, переработке его и доставке этого товара на рынок, в соответствии с их естественными размерами, то можно сказать, что товар, в таком случае, продан по естественной цене. Товар, в таком случае, продан за столько, сколько он стоит — сколько он обошелся тому, кто доставляет его на рынок. В самом деле, хотя в обыденной речи не принято включать в состав того, что называют издержками производства товара, прибыль того лица, которое его перепродает, но ведь очевидно, что если это лицо продаст товар по цене, которая не оставит ему прибыли в обычном в данной местности размере, то оно потерпит убыток на данной операции, — оно получило бы эту прибыль, если бы дало своему капиталу иное назначение; его прибыль, кроме того, является его доходом, действительным источником средств его существования. Подобно тому, как во время изготовления товара и доставления его на рынок капиталист выплачивает рабочим вперед их заработную плату, т.-е. средства их существования, — он выплачивает вперед и самому себе некоторую сумму необходимого для покрытия издержек его собственного существования, которая обыкновенно сообразуется с размерами тех прибылей, которых он имеет основание ожидать от продажи своих товаров. Если последние не доставят торговцу ожидаемых им прибылей, то они не возместят ему того, что является, можно сказать, их действительной стоимостью для него. Если,

поэтому, цена, которая оставляет торговцу соответственную прибыль, и не всегда является самую низкою из цен, по которым он при каких бы то ни было обстоятельствах соглашается продавать товары, — она является самую низкою, по какой он в состоянии продавать их в течение сколько-нибудь продолжительного времени, по крайней мере там, где существует полная свобода, или где торговец может менять род торговли, как только ему это заблагорассудится.

Действительная цена, по которой известный товар обычно продается, носит название рыночной цены; эта последняя может быть выше или ниже естественной цены, или точно равняться ей. Рыночная цена каждого отдельного товара определяется соотношением между количеством его, которое фактически в данное время доставлено на рынок и спросом тех, кто готов заплатить естественную цену товара, или полную ценность заработной платы, прибыли и ренты, которые должны были быть израсходованы, чтобы доставить товар на рынок. Такие люди могут быть названы действительными покупателями, а спрос их — действительным спросом, потому что он вызывает появление товара на рынке. Этот действительный спрос отличается от абсолютного спроса: даже очень бедный человек может иметь желание „предъявлять спрос“ на карету с шестеркой лошадей, — иначе сказать, он очень желал бы владеть таким экипажем; но его спрос не есть действительный спрос, ибо товар никоим образом не может появиться на рынке, чтобы этот спрос удовлетворить.

Если количество какого-либо товара, доставленное на рынок, оказывается ниже действительного спроса, то полное удовлетворение всех, кто был бы готов оплатить, в цене товара, полную ценность ренты, заработной платы и прибыли, какие должны быть оплачены для того, чтобы доставить товар, оказывается невозможным. В таком случае некоторые из этих лиц согласятся заплатить дороже, чтобы не остаться совсем без желаемого товара; между ними начнется немедленно соревнование, конкуренция, и рыночная цена поднимется более или менее значительно выше естественной цены, в зависимости от того, насколько недостаток предложения, или же состоятельность и пышная роскошь конкурентов успеют возбудить горячее соревнование. Тот же недостаток предложения между конкурентами равной состоятельности и равного стремления к роскоши обычно ведет к более или менее острой конкуренции в зависимости от того значения, какое для них может иметь приобретение данного товара; отсюда — несоразмерно высокая цена пищевых продуктов во время осады города или голодовки.

Если количество товара, доставленного на рынок, превышает действительный спрос, то весь этот товар не может быть продан

покупателям, согласным выплатить полную стоимость ренты, заработной платы и прибыли, какие приходится оплатить, чтобы доставить товар на рынок; часть товара приходится продать тем, кто предлагает меньшую цену, и та низкая цена, какую дают эти покупатели, понизит цену всей массы данного товара; рыночная цена упадет более или менее значительно ниже естественной, в зависимости от того, насколько размер избытка предложения более или менее сильно обостряет конкуренцию продавцов, или в зависимости от того, насколько продавцам необходимо немедленно сбыть с рук свой товар: при равной степени избытка предложения, конкуренция будет сильнее между продавцами скоропортящихся, чем между продавцами прочных товаров; она будет сильнее по отношению к апельсинам, чем по отношению к железному лому.

Если количество товара, имеющееся на рынке, как раз достаточно, чтобы удовлетворить действительный спрос, то рыночная цена, очевидно, будет или совершенно равна естественной цене, или чрезвычайно близка к ней: все предлагаемое количество товара может быть продано именно по этой цене, и не может быть продано по более высокой, ибо конкуренция продавцов заставляет их всех соглашаться на такую цену, но не может принудить их соглашаться на меньшую цену. И в действительности количество каждого товара, доставляемого на рынок, естественным путем приравнивается к действительному спросу: в самом деле, те, кто отдают свою землю, труд или капитал на производство для рынка известного товара, заинтересованы в том, чтобы предложение не превышало, а все остальные заинтересованы в том, чтобы оно не опускалось ниже действительного спроса. Если оно, в течение некоторого времени, превышает действительный спрос, те или другие из составных частей цены должны быть оплачены ниже их естественного размера; если это случится с рентой — интерес землевладельцев подскажет им немедленно сократить площадь земли, занятую в данном производстве; если это случится с заработной платою или прибылью, интерес рабочих в первом случае и капиталистов — во втором подскажет им устранить известную часть своего труда или капитала от участия в данном производстве. Благодаря этому, количество товара, доставляемое на рынок, очень скоро не будет превышать того, что достаточно для удовлетворения действительного спроса; отдельные составные части рыночной цены подымутся до естественного размера, а весь товар — до естественной цены. Если, напротив, количество товара, доставленное на рынок, в течение некоторого времени будет ниже действительного спроса, те или другие из составных частей цены поднимутся выше своего естественного размера. Если это случится с рентой, все другие землевладельцы найдут для себя выгодным предоставить больше

земли под добычу сырого материала для данного производства; если это случится с заработной платой или прибылью, все другие рабочие и капиталисты найдут для себя выгодным затрачивать больше труда и капитала на изготовление данного товара и на доставку его на рынок. Доставляемое на рынок количество скоро окажется достаточным, чтобы удовлетворить действительный спрос; и тогда все отдельные составные части цены упадут до своего естественного размера, а весь товар — до своей естественной цены.

Естественная цена—это как бы центр, к которому постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут в течение известного времени поддерживать действительные цены на значительно более высоком уровне, и иногда вынуждают их опускаться несколько ниже естественной цены. Но каковы бы ни были обстоятельства, мешающие действительным ценам держаться на этом центре или в его ближайшей смежности, они постоянно тяготеют к нему. Общее количество труда, ежегодно затрачиваемое, чтобы снабдить рынок известным товаром, этим путем естественно приравнивается к размерам действительного спроса,—оно естественно стремится доставить на рынок всегда как раз то количество товара, какое достаточно, и не больше, чем достаточно, чтобы удовлетворить этому спросу.

Однако, в некоторых родах производства одно и то же количество труда в различные годы дает весьма различные количества продукта, тогда как в других количество продукта всегда то же или приблизительно то же. В сельском хозяйстве, одно и то же количество рабочих в различные годы дает весьма различные количества хлеба, масла, вина, хмеля и т. п.; но то же число прядильщиков и ткачей из года в год дает то же или приблизительно то же количество льняной или шерстяной ткани. Между тем, для потребностей рынка может быть использовано только среднее количество продукта первого рода производств; а так как действительное количество продукта нередко бывает значительно больше или значительно меньше среднего, то количество продукта, ежегодно доставляемого на рынок, иногда значительно превышают размер действительного спроса, иногда же бывают значительно меньше последнего. Поэтому, если бы даже размеры спроса постоянно оставались те же, рыночные цены продуктов этого рода были бы подвержены большим колебаниям,—они и при таких условиях иногда падали бы значительно ниже, иногда—поднимались бы значительно выше их естественной цены. В производствах второй категории, где равные количества труда всегда дают приблизительно равные количества продукта, размеры производства легко могут быть приравнены к размерам действительного спроса; поэтому, до тех пор, пока спрос остается неизменным, неизменными остаются

и рыночные цены продуктов, которые и будут или точно отвечать или очень близко соответствовать естественным ценам. В самом деле, каждый из опыта знает, что цены на льняные или шерстяные ткани подвержены гораздо менее частым и менее резким колебаниям, чем цены на хлеб: цены товаров первого рода изменяются в зависимости лишь от изменений в размерах спроса,—цены продуктов второй категории колеблются не только от изменения спроса, но, кроме того, и от гораздо более резких и более частых колебаний в количестве продуктов, доставляемых на рынок в целях удовлетворения существующего спроса.

Случайные и временные колебания рыночных цен всякого рода товаров падают, главным образом, на те составные части цен, которые могут быть сведены к прибыли и заработной плате, и гораздо меньше отражаются на той, которая сводится к земельной ренте. Рента, определенная в известной сумме денег, нисколько не подвергается влиянию этих колебаний ни в своем количестве, ни в ценности; рента, выражающаяся в известной доле или известном количестве продукта натурой, без сомнения изменяется в своей годичной ценности, в зависимости от случайных и временных колебаний рыночных цен этого продукта,—но редко изменяется в смысле количества продукта за год: устанавливая условия аренды, землевладелец и арендатор стараются, в пределах своего разума, определить это количество в известном отношении не к временным и случайным, а к средним, обычным ценам продукта.

Указанные колебания отражаются и на ценности и на размерах как заработной платы, так и прибыли, в зависимости от того, переполнен ли рынок или ощущается на нем недостаток,—в товарах, или в труде, в работе выполненной или подлежащей выполнению. Общественный траур поднимает цену черных материй, в которых на рынке, при подобного рода случаях, всегда испытывается недостаток, и увеличивает прибыли тех торговцев, которые располагают значительными запасами таких тканей; но он не оказывает влияния на заработную плату ткачей: это потому, что на рынке испытывается недостаток в товаре, а не в рабочих руках,—в уже выполненной работе, а не в работе, еще подлежащей выполнению; зато он поднимает заработную плату портных, работающих поделно—на рынке ощущается недостаток именно в труде, имеется налицо действительный спрос на большее количество рабочих рук, ибо исполнению подлежит, в данной отрасли, больше работы, чем сколько может быть исполнено наличными рабочими руками. Траур, далее, понижает цены цветных шелковых и иных материй и, таким образом, понижает прибыли торговцев, имеющих значительные запасы этого рода товаров; вместе с тем он понижает и заработную плату занятых в производстве такого рода товаров рабочих,—

спрос на которые приостанавливается на шесть месяцев, возможно, и на все двенадцать. В данном случае рынок ощущает избыток и в товарах, и в рабочих руках.

Но хотя, таким образом, рыночная цена каждого отдельного товара постоянно тяготеет, указанным способом, к его, так сказать, естественной цене,—однако, разного рода условия—иногда случайности, иногда естественные причины, иногда специальные распоряжения правительств,—могут поддерживать на рынке цены некоторых товаров, в течение продолжительного времени, на уровне, значительно превышающем естественную цену. Если, благодаря возрастанию действительного спроса, рыночная цена известного товара поднимается значительно выше естественной цены, то занятые в данном производстве капиталисты обыкновенно стараются скрыть наступившее изменение в условиях спроса и предложения; если бы это открылось, то получаемые ими повышенные прибыли побудили бы так много новых конкурентов направить свои капиталы на производство товаров данной категории, что действительный спрос был бы удовлетворен полностью, и рыночная цена упала бы до уровня естественной цены, а на некоторое время, может быть, даже ниже. Если рынок лежит далеко от места производства известного товара, то заинтересованные лица могут оказаться в состоянии хранить тайну в течение ряда лет, и в течение этого времени они будут пользоваться экстраординарными прибылями без каких-либо новых конкурентов. В общем, однако,—это общеизвестно—коммерческие тайны этого рода редко удается сохранить долгое время,—и экстраординарные прибыли могут продолжаться лишь очень недолго после того, как тайна откроется.

Напротив, тайны в области производственного процесса могут быть сохраняемы гораздо дольше, чем простые коммерческие тайны. Красильщик, который открыл способ изготовлять какую-либо краску с половинными против обыкновенного размера издержками, может, при правильном ведении дела, пользоваться выгодами своего изобретения в течение всей своей жизни и даже оставить свое изобретение в наследство своему потомству. Его экстраординарный доход имеет своим источником высокую цену, платимую за труд особого рода—изобретательский и представляет собою, собственно говоря, ничто иное, как заработную плату за этот труд. Но так как доход этого рода получается с каждой единицы его капитала, и так как общая масса этого дохода стоит в прямом отношении к размерам этого капитала, то этот доход и принято рассматривать как экстраординарную прибыль с капитала.

Ясно, что вытекающие отсюда повышения рыночных цен являются следствием особых обстоятельств, влияние которых, однако, может сказываться в течение многих лет.

Некоторые виды производства сельскохозяйственных продуктов требуют таких особых свойств почвы и местоположения, что всего количества пригодной для данного производства земли, имеющегося налицо в большой стране, может оказаться недостаточным, чтобы покрыть действительный спрос. В таком случае вся масса продукта, предлагаемого в продажу, может найти себе сбыт среди покупателей, которые согласятся заплатить больше, чем сколько нужно по действительной цене, чтобы оплатить ренту за землю, с которой получается этот продукт, заработную плату рабочим и прибыль на капитал, которые заняты производством и доставкой на рынок этих продуктов. Такого рода товары, поэтому, в течение целых столетий могут продаваться по повышенной цене, — и в таком случае земельная рента, в виде правила, будет тою из составных частей цены продукта, которая будет выплачиваться в повышенном, против естественного, размере. В частности, рента с земель, доставляющих особо выдающиеся по качеству и высоко ценимые продукты, как, например, рента с известных французских виноградников, обладающих особыми свойствами почвы и местоположения, стоит вне какого-либо правильного отношения к ренте других, одинаково плодородных и одинаково хорошо обработанных земель в данной местности. Напротив, заработная плата и прибыль, причитающаяся на долю труда и капитала, занятых в данном производстве, лишь редко бывают выше нормального соотношения к заработной плате и прибыли, существующим в других отраслях производства данной местности.

Такого рода повышения рыночной цены являются, очевидно, следствиями естественных причин, которые препятствуют полному удовлетворению действительного спроса, и действие которых, может быть, будет продолжаться во все будущие времена.

Монополия, предоставленная отдельному лицу, или торговой компании, может иметь то же влияние на цены, как торговая или промышленная тайна. Монополисты, постоянно поддерживая рынок в недостаточно насыщенном продуктом состоянии, не удовлетворяя полностью существующего спроса, получают возможность продавать свои товары дороже естественных цен и таким образом поднимают свои доходы, все равно, состоят ли они из заработной платы или прибыли, много выше естественного размера. Монопольная цена — это, при всяких условиях, высшая цена, какую только можно взять; напротив, естественная цена, или цена, какая складывается при свободной конкуренции, — это низшая цена, конечно, не для всех времен, а для известного, более или менее продолжительного периода. Первая, при всяких обстоятельствах, — это высшая цена, какую только можно выжать из покупателей, или какую они, предполагается, согласятся платить; вторая — это низшая цена,

какую только продавцы могут согласиться получать обычно, сохраняя при этом возможность продолжать производство.

Аналогичное влияние, хотя в более слабой степени, имеют исключительные привилегии цехов, правила об обязательном ученичестве и все вообще такие распоряжки, которые сокращают, в известном производстве, число конкурентов по сравнению с тем, каким оно могло бы быть при других условиях. Это—нечто вроде расширенных монополий, и влияние их может в течение целых поколений и в целых отраслях производства поддерживать цену товаров выше их рыночной цены, вместе с тем поддерживая и заработную плату, и прибыль в соответствующих производствах на уровне, превышающем естественный размер.

Такого рода повышения цен могут, очевидно, держаться до тех пор, пока существует правительственная регламентация, которая и порождает их.

Однако, хотя рыночные цены товаров могут долго держаться выше естественного размера, но они редко могут сколько-нибудь долго держаться ниже этого размера. Раз только та или иная составная часть цены станет оплачиваться ниже естественного размера, заинтересованные лица сейчас же почувствуют ущерб и немедленно отвлекут от данного производства такое количество земли, труда или капитала, что количество предлагаемого на рынке продукта очень скоро опустится до уровня, соответствующего действительному спросу,—и таким образом, рыночная цена очень скоро поднимется до уровня естественной цены. Это, по крайней мере, будет иметь место там, где существует полная свобода. Между тем, те самые правила об ученичестве и другие цеховые распоряжки, которые, в эпохи процветания производства, дают рабочему возможность поднимать свою заработную плату значительно выше естественного размера,—в эпохи угнетенного состояния производства могут принудить его довольствоваться заработной платою значительно ниже естественного уровня. Как в одном случае они устраняют многих людей от конкуренции с данным работником в его производстве, так в другом они устраняют его самого от многих производств. Однако, влияние такого рода распоряжков в смысле понижения заработной платы против ее естественного размера далеко не так ощутительно, как влияние их в смысле повышения: в последнем случае это влияние может держаться несколько столетий, тогда как в первом оно не может продолжаться дольше, чем пока жива известная часть работников, воспитанных в данном промысле в эпоху его процветания. Когда они исчезнут с лица земли, число вновь подготовленных к данному производству, будет соответствовать действительному спросу. Только такая насильственная политика, какая существовала в Индостане или в древнем Египте,—где всякий человек в силу

требований религии был обязан следовать промыслу своего отца, и перемена занятий считалась ужаснейшим святотатством,—только такие распорядки могут на несколько поколений понизить, в какой-либо отрасли производства, либо заработную плату, либо прибыль ниже их естественного размера.

Вот все, что мне кажется необходимым отметить в настоящее время по вопросу об отклонениях, случайных или постоянных, рыночной цены товаров от их естественных размеров каждой из ее составных частей—заработной платы, прибыли и ренты; и в каждом обществе этот размер изменяется в соответствии с общим положением страны—с ее богатством или бедностью, с ее процветанием, застоём или упадком. В четырех следующих главах я постараюсь выяснить возможно полнее и яснее причины этих разнообразных изменений. Во-1-х, я постараюсь объяснить, каковы обстоятельства, определяющие естественный размер заработной платы, и каким образом на этих обстоятельствах отражаются богатство и бедность, процветание, застой или упадок общества. Во-2-х, я постараюсь показать, каковы обстоятельства, влияющие на естественный размер прибыли, и каким образом на них также отражаются соответственные изменения в состоянии общества. В-3-х, хотя денежная заработная плата и денежная прибыль очень различны в разных областях приложения труда и капитала,—но, повидимому, обычно существует известное соотношение между выраженными в деньгах размерами заработной платы и прибыли в различных отраслях приложения капитала; это соотношение, как будет выяснено ниже, зависит частью от свойства различных отраслей промышленности, частью от законов и распоряжков, существующих в данном обществе; но, завися, во многих отношениях, от законов и распоряжков, это соотношение, кажется, очень мало зависит от степени богатства или бедности, от процветания, застоя или упадка страны, а остается неизменным или почти неизменным при всех этих состояниях общества. Я постараюсь в дальнейшем выяснить все обстоятельства, от которых зависит сказанное соотношение. И, в-4-х, наконец, я постараюсь показать, каковы обстоятельства, регулирующие земельную ренту и в то-же время повышающие или понижающие действительные цены тех разнообразных продуктов, которые производит земля.

VIII.

О заработной плате.

Естественное вознаграждение за труд, его заработную плату, составляет продукт труда. В первобытном состоянии общества, предшествовавшем захвату земель в собственность и накоплению

капиталов, весь продукт целиком принадлежит рабочему. Тут нет ни землевладельца, ни хозяина, с которыми он должен был бы делиться.

Если бы продолжалось такое состояние, то заработная плата возрастала бы вместе с увеличением производительной силы труда, которое вызывается разделением труда. Все предметы становились бы постепенно все дешевле и дешевле. Они производились бы все с меньшими затратами труда и, следовательно, покупались бы за продукт меньшего количества труда, потому что при этих условиях товары, произведенные одинаковыми количествами труда, свободно менялись бы друг на друга.

Но хотя в действительности все предметы и стали бы дешевле, однако, многие из них, на первый взгляд, как будто вздорожали бы против прежнего и обменивались бы на гораздо большее количество других товаров. Предположим, например, что в большей части производств производительная сила труда увеличилась в десять раз, то-есть, что труд одного дня стал производить в десять раз больше продукта, чем прежде; предположим также, что в каком-нибудь отдельном производстве производительная сила труда увеличилась только вдвое, то-есть, что труд одного дня стал производить только вдвое больше, чем прежде¹⁾. Таким образом, какое-нибудь определенное количество первого из этих продуктов, например, фунт, стоило бы, повидимому, вдесятеро дороже прежнего, на самом же деле оно стоило бы вдвое дешевле прежнего: хотя при покупке такого товара пришлось бы заплатить за него вдесятеро большее количество других товаров, однако, для того, чтобы купить или произвести его, потребовалось бы вдвое меньше труда, чем сколько потребовалось его прежде, а, стало быть, и приобрести его стало бы вдвое легче прежнего.

Но это первоначальное состояние общества, когда рабочий пользовался сполна продуктом своего труда, не могло продолжаться долее той поры, как начался захват земли в собственность, и появилось накопление капиталов. Это состояние прекратилось еще задолго до того времени, когда были сделаны наиболее существенные усовершенствования в производительных силах труда, и бесполезно было бы исследовать дальше, в чем состояло бы влияние такого положения вещей на вознаграждение за труд или на заработную плату.

1) При обмене продуктов однодневного труда, полученных в большей части производств, на продукт однодневного труда этого одного производства пришлось бы уплотнить десятикратное в сравнении с прежним количеством продуктов «большой части производств» за двойное, против прежнего, количество произведений «отдельного производства».

Как только совершилось обращение земли в частную собственность, землевладелец стал требовать в свою пользу долю всего, что рабочий мог добыть или собрать с этой земли. И вот, первое, что рабочему пришлось отдать из произведений своего труда, в применении его к земле, была рента.

Далее: редко бывает, что человек, обрабатывающий землю, имел в запасе, чем прокормиться до сбора жатвы. Обыкновенно, он получает свое содержание на счет капитала хозяина, именно нанимающего его фермера, который, конечно, не нашел бы для себя выгодным нанять его, если бы не был уверен, что получит в свою пользу часть продукта труда своего рабочего, или что затраченный им капитал возвратится к нему с прибылью. Эта прибыль составляет второй вычет из продукта труда, употребленного на обработку земли.

Точно такой-же вычет в пользу прибыли с капитала делается из продукта всякого другого труда. Во всех ремеслах и производствах большая часть рабочих нуждается в хозяине, который снабжал-бы их материалами для работы, платил-бы им вперед заработную плату и содержал-бы их до полного окончания работы. Хозяин берет себе часть продукта их труда, или той ценности, которую последний прибавляет к обрабатываемому материалу; эта-то часть и составляет прибыль хозяина.

Правда, бывают случаи, когда независимый рабочий имеет достаточно средств, чтобы самому купить материалы для своей работы и прокормиться до времени ее окончания. В таких случаях он является в одно время и хозяином, и рабочим, и пользуется один всем продуктом своего труда, т. е. всею тою ценностью, которую прибавил, обработав сырой материал. Продукт в этом случае содержит два различные дохода, принадлежащие обыкновенно двум разным лицам—прибыль с капитала и заработную плату.

Но такие случаи повторяются не очень часто, и во всех странах Европы на одного независимого рабочего приходится двадцать таких, которые работают на хозяина, и потому под заработную платой везде разумеется то, чем она является обыкновенно, когда рабочий и владеец капитала, употребляющий его в дело, два разные лица.

Величина заработной платы устанавливается обыкновенно взаимным соглашением этих двух лиц, интересы которых противоположны друг другу. Рабочим хочется получить как можно больше, хозяину—заплатить как можно меньше. Первые стараются говорить, чтобы поднять заработную плату, а последний—уменьшить ее. Не трудно, однако, предвидеть, которая из этих двух сторон, при обычном ходе дел, должна взять верх в этом споре и принудить другую согласиться на свои условия. Так как число

хозяев всегда меньше, то им гораздо легче сговориться между собою; к тому же и закон дозволяет им входить во всякие соглашения, или по крайней мере не запрещает им это делать, тогда как рабочим он воспрещает стачки. В Англии нет ни одного парламентского акта против стачки хозяев для понижения платы за труд, зато есть много актов против стачек рабочих для ее повышения. Затем, в такой борьбе хозяева могут держаться гораздо дольше, чем рабочие. Землевладелец, фермер, фабрикант или купец обыкновенно могут, не нанимая ни одного рабочего, свободно прожить год или два на те средства, которые они уже приобрели; тогда как большинство рабочих не просуществует без хозяйской работы и одной недели; немногие пробьются в течение месяца, и едва ли найдется один рабочий, который бы продержался год. В общем, конечно, хозяин так же нуждается в рабочем, как и рабочий—в хозяине; но дело в том, что нужда первого не так настоятельна, как последнего.

Возражают, что о стачках между хозяевами почти не слышно, тогда как часто толкуют о стачках между рабочими. Но воображать, на основании того, что хозяева сговариваются между собою только в редких случаях, значило бы не знать ни жизни, ни предмета, о котором идет речь. Хозяева во всякое время и во всяком месте находятся в своего рода молчаливой, но постоянной стачке, с целью не подымать заработной платы выше существующего размера. Нарушение этого соглашения всегда встречается крайне неблагоприятно и дает повод для упреков со стороны соседей и других хозяев. Если о такой стачке никогда не говорят, то лишь потому, что это обыкновенное и, так сказать, естественное положение вещей, на которое никто не обращает никакого внимания. Но иногда хозяева заключают между собою и особые соглашения, с целью понизить заработную плату ниже ее обыкновенного уровня. Такие сговоры ведутся всегда втихомолку и держатся в величайшей тайне до последней минуты, когда они приводятся в исполнение, и если в таких случаях рабочие, как это иногда бывает, уступают без всякого сопротивления, хотя и чувствуют всю жестокость нанесенного им удара, то об этом никаких разговоров не бывает. Часто, однако, против таких особых соглашений рабочие выставляют свои оборонительные соглашения, иногда же и сами рабочие, без вызова со стороны хозяев, устраивают стачку по собственному побуждению, с целью поднять цену на свой труд. Обыкновенным поводом для этого служит или дороговизна естественных припасов, или слишком высокая прибыль, получаемая хозяином с их труда. Но каковы бы ни были их стачки—оборонительные или наступательные,—они всегда сопровождаются большим шумом. Стараясь привести дело к скорейшему решению, рабочие обыкно-

венно очень сильно кричат, а иногда доходят до самого неприличного буйства и насилия. Они—в отчаянии, и действуют с безрассудством и яростью людей, доведенных до крайности: или умереть с голоду, или путем устрашения вырвать у своих хозяев, как можно скорее, согласие на свои требования. Хозяева в таких случаях, со своей стороны, шумят и кричат не меньше рабочих: они изо всех сил требуют вмешательства администрации и самого строгого применения тех строгих законов, которые некогда были изданы против стачек рабочих, прислуги и поденщиков. В конце-концов, рабочим в очень редких случаях удается извлечь какую-нибудь выгоду из этих насильственных и шумных попыток, которые обыкновенно, как вследствие вмешательства правительственной власти, так в особенности вследствие большей выдержки хозяев и вследствие необходимости для большинства рабочих идти на уступки, чтобы не лишиться последнего куска хлеба, приводят лишь к наказанию или разорению зачинщиков.

Но хотя хозяева почти всегда берут верх в своих спорах с рабочими, однако, есть известный предел, ниже которого нельзя уменьшить, на сколько-нибудь продолжительное время, обычную заработную плату, даже для самого низкого рода труда.

Дело безусловной необходимости, чтобы человек мог жить своим трудом, и чтобы заработная плата его была достаточна по крайней мере для его пропитания; в большинстве же случаев требуется несколько больше этого, ибо иначе рабочий не будет в состоянии поднять семью, и тогда существование класса таких рабочих не могло бы продолжаться более одного поколения. Кантильон на этом основании признает, что поденщик самого последнего разряда повсюду должен выработать по крайней мере вдвое более против своего собственного пропитания, дабы каждый рабочий мог вырастить, в среднем, на свой заработок по двое детей; работа женщины предполагается способной дать лишь необходимое на ее личное содержание, потому что на ней лежат заботы о воспитании детей. При этом высчитывают, что половина родившихся детей обыкновенно умирает до наступления зрелого возраста. Поэтому, согласно этому расчету, необходимо, чтобы самые бедные рабочие и работницы старались воспитать по крайней мере четверых детей, дабы хоть двоим из них посчастливилось достигнуть зрелого возраста; а между тем обычно принимают, что содержание четвертых детей приблизительно равняется содержанию одного взрослого человека. Труд крепкого невольника—прибавляет тот же писатель—ценится вдвое дороже, чем сколько стоит его содержание, и труд самого последнего свободного рабочего не может стоить дешевле труда крепкого невольника. Как бы то ни было, но не подлежит, кажется, сомнению, что для того, чтобы воспитать семью, даже в самом низком

классе чернорабочих, необходимо, чтобы труд мужа и жены мог давать им несколько больше того, что безусловно необходимо для их собственного содержания. Но в каком размере? В том ли, как я сказал сейчас, или в каком-нибудь другом? Я не возьму на себя решение этого вопроса.

Впрочем, иногда бывают обстоятельства, настолько благоприятные для рабочих, что они могут поднять заработную плату гораздо выше этого размера, очевидно, самого низкого, допускаемого простым человеколюбием.

Когда в какой-нибудь стране непрерывно возрастает спрос на людей, живущих заработной платой—рабочих, поденщиков, прислугу всякого рода,—когда с каждым годом спрос на труд становится все больше, сравнительно с предыдущим, то рабочим нет надобности устраивать стачки для возвышения заработной платы. В таких случаях, недостаток рабочих рук сам собою вызывает конкуренцию между хозяевами, которые повышают плату друг перед другом, чтобы перебить рабочих, и таким образом нарушают обычное у них соглашение против повышения заработной платы. Очевидно, однако, что спрос на людей, живущих заработной платой, может усилиться не иначе, как в соответствии с увеличением запасов, назначенных на выдачу заработной платы. Запасы эти бывают двоякого рода: во-1-х, избыток дохода хозяев над их потребностями, во-2-х, избыток самого капитала сверх того, что необходимо хозяевам для ведения своего дела. Когда, в самом деле, землевладелец, рантье, капиталист получают больше дохода, чем сколько по их расчету нужно им для содержания их семейств, то на весь такой излишек, или на какую-нибудь часть его, они нанимают одного или нескольких домашних слуг. Увеличьте этот излишек, и они, конечно, умножат число своих слуг. Точно также, если независимый рабочий, например, ткач или сапожник, скопил больше средств, чем сколько нужно ему, чтобы закупить сырой материал для своей личной работы и самому прожить до времени продажи продукта, то на излишек этих средств он непременно наймет одного или нескольких работников, чтобы извлечь прибыль из их труда. Увеличьте этот излишек, и он, естественно, увеличит число своих рабочих.

Таким образом, в каждой стране спрос на людей, живущих заработной платой, непременно усиливается вместе с возрастанием доходов и с умножением капиталов, без чего этот спрос увеличиться не может. А так как возрастание доходов и капиталов есть умножение народного богатства, то, следовательно, и спрос на людей, живущих заработной платой, непременно усиливается вместе с умножением народного богатства и не может усилиться без этого.

Возвышение заработной платы зависит не от размера народного богатства в данное время, но от его постоянного возрастания. А по

тому самая высокая заработная плата бывает не в самых богатых странах, а в тех, которые делают наибольшие успехи, или быстрее всего богатеют. Нет сомнения, что в настоящее время Англия гораздо богаче любой области Северной Америки, а между тем заработная плата в Северной Америке гораздо выше, чем в какой-бы то ни было области Англии. В округе Нью-Йорка простой черно-рабочий вырабатывает в день 3 шиллинга и 6 пенсов, в местной монете стоящих 2 шиллинга стерлинговой валюты; судовой плотник—10 шиллингов и 6 пенсов, на местную монету, и пинту рома, стоящую 6 пенсов стерлинг, всего 6 шиллингов и 6 пенсов стерлинг; обыкновенный плотник и каменщик—по 8 шиллингов, на ходячую монету страны, равных 4 шиллингам и 6 пенсам стерлинг; портной (поденный рабочий)—5 шиллингов в местной монете или около 2 шиллингов и 10 пенсов стерлинг. Все эти цены выше, чем в Лондоне, и уверяют, что и в других колониях заработная плата так же велика как в Нью-Йорке¹⁾. При этом во всей Северной Америке с'естные припасы гораздо дешевле, чем в Англии—там никогда не было голода. В самые неурожайные года хлеба оказывалось всегда достаточно для внутреннего потребления, только уменьшался вывоз. Таким образом, если в Америке цена на труд, в деньгах, гораздо выше, чем в любой местности метрополии, то действительная цена его, т. е. действительное количество предметов, необходимых для существования и удобства жизни, которые могут приобрести на нее рабочие, должна быть соответственно еще больше.

Если Северная Америка еще не так богата, как Англия, зато она гораздо сильнее развивается и с несравненно большею быстротою идет к обогащению. Самый явственный признак процветания всякой страны—увеличение числа ее жителей. Принимают обыкновенно, что в Великобритании и большей части других стран Европы, число жителей удваивается не менее, чем в 500 лет; тогда как известно, что в английских колониях Северной Америки оно удваивалось в 20 или 25 лет, и такое умножение происходило и происходит не столько от постоянно усиливающихся переселений туда новых жителей, сколько от быстрого размножения местного населения. Говорят, что лица, достигающие преклонного возраста, часто видят там перед собой от 50 до 100, а иногда и значительно более, своих потомков. С другой стороны, труд вознаграждается так хорошо, что большое число детей служит для родителей не бременем, а источником богатства и благополучия. Считают, что труд каждого подростка, прежде чем он оставит родительский дом, приносит чистого дохода до 100 фунтов в год. За молодой вдовой, с четырьмя или

¹⁾ Это было писано в 1773 г., еще начала последних волнений.

пятью детьми, для которой было бы так трудно найти себе второго мужа в средних и низших классах населения в Европе, там очень часто ухаживают, как за выгодной партией. Ценность детей служит самым сильным поощрением к вступлению в брак, а потому и нечего удивляться, что в Северной Америке вообще женятся очень рано. И все-таки там, несмотря на быстрый рост населения, как прямое следствие стольких ранних браков, постоянно жалуются на недостаток рабочих рук. Спрос на рабочих и предназначаемые на их содержание средства растут в этой стране еще быстрее, чем рабочие руки.

Если бы богатство какой-нибудь страны было и очень велико, но в продолжение долгого времени не возрастало, то нельзя ожидать, чтобы заработная плата в такой стране была очень высока. Средства, предназначенные на выдачу платы за труд, доходы и капиталы ее жителей, могут быть очень велики; но если они, в течение многих столетий, оставались все в одном и том же, или почти в одном и том же размере, то число рабочих, ежегодно употребляемых в дело, может легко удовлетворить и даже превзойти спрос на них в следующем году. В такой стране редко почувствуется недостаток в рабочих руках, и хозяевам не приходится надавать цену, чтобы перебивать их друг от друга. Наоборот, число рук будет расти скорее, чем спрос; постоянно будет чувствоваться недостаток работы, и рабочие принуждены будут, для получения работы, сбивать цену один перед другим.

Если-бы в такой стране заработная плата временно поднялась выше размера, достаточного для того, чтобы рабочие могли существовать и поднимать свои семьи, то конкуренция таких рабочих и интерес хозяев скоро сбили-бы заработную плату до наименьшего размера, какой допускает простое человеколюбие. Китай, в продолжение долгого времени, был одною из самых богатых, т. е. одною из самых плодородных, самых обработанных, самых промышленных и самых населенных стран в свете; но с очень давних пор он, кажется, находится в неподвижном состоянии. Марко Поло, наблюдавший эту страну более 500 лет тому назад, описывает ее земледелие, промышленность и населенность почти теми-же словами, как и путешественники, изучающие ее теперь. Возможно, что китайская империя, еще задолго до его времени, достигла полного благосостояния, какого она только могла достигнуть по своим законам и учреждениям. И вот, описания всех путешественников, расходящиеся между собою во многих отношениях, сходятся, однако, в том, что заработная плата там очень низка, и что поэтому рабочему очень трудно содержать свое семейство: он доволен, если за целый день тяжелой земляной работы получит столько, что к вечеру может купить маленькую порцию риса. Положение ремесленников

там еще хуже, если только это возможно. Вместо того, чтобы спокойно ожидать в своих мастерских заказов своих постоянных покупателей, как это бывает в Европе, они беспрерывно шныряют по улицам с инструментами своего ремесла, навязываясь своими услугами и, так сказать, нищенски вымаливая себе работу. Нищета низших классов населения в Китае далеко превосходит нищету самых бедных народов Европы. В окрестностях Кантона многие сотни и, как говорят, даже тысячи семейств не имеют жилищ на твердой земле и живут обыкновенно в маленьких рыбацких лодках, по каналам и рекам. Прокормление, которое они могут доставлять себе, так недостаточно, что они с жадностью таскают из воды самые отвратительные отбросы, выкидываемые в море с европейских кораблей. Всякая падаль, дохлые кошки или собаки, вонючая и на половину сгнившая, составляет для них такую-же лакомую находку, как самая здоровая пища для жителей других стран. Браки поощряются в Китае не выгодами, получаемыми от труда детей, но дозволением истреблять их. Во всех больших городах не проходит ночи, чтобы не оказалось детей брошенных на улице, или утопленных в реке, как топят маленьких щенят. Рассказывают даже, что выполнение этого отвратительного дела составляет особый признанный промысел, которым питается известная группа людей.

Однако, не заметно, чтобы Китай, может быть, застывший в одном и том-же положении, двинулся назад. Ни один из городов его не обезлюдел, нигде не заброшены некогда обрабатывавшиеся земли. Поэтому надо думать, что количество использованного труда ежегодно остается все то же, или почти то же, стало быть, и средства, назначенные на содержание рабочих, заметно не уменьшаются. Значит, самые низшие классы рабочих, несмотря на все их жалкое существование, находят, тем или другим способом, средства по крайней мере для того, чтобы сохраниться в одном и том-же числе.

Совсем не то было бы в стране, где заметно уменьшались бы средства, назначенные для содержания труда. В такой стране спрос на прислугу и рабочих во всех различных отраслях труда с каждым годом становился бы все меньше, сравнительно с предыдущим годом. Многие из рабочих, выросших в каких-нибудь из высших отраслей, за неимением занятий в своей специальности, поневоле обратились бы к занятиям низшего разбора. А так как низшие отрасли труда были бы переполнены не только собственными рабочими, но еще и теми, которые перешли бы к ним из других отраслей, то, естественно, возникла бы между ними усиленная конкуренция, и заработная плата ушла бы до уровня, при котором рабочие влачили бы самое несчастное, жалкое существование. Многие из них не могли бы найти себе работы, даже и на таких

тяжких условиях; они должны были бы умереть с голоду, или искать себе пропитания в нищенстве, а то, пожалуй, и в самых тяжких преступлениях. Нищета, голод и смертность скоро распространились бы в рабочем классе, а от него перешли бы и на высшие классы, пока количество населения не достигло бы опять такого размера, при котором оно могло бы как-нибудь существовать на доходы и капиталы, оставшиеся от тираннического правления или всеобщего бедствия, уничтожившего остальное. Таково, может быть, теперь положение Бенгалии и некоторых других английских поселений в Ост-Индии. Если в плодородной стране, где население до чрезвычайности сократилось, и где, поэтому, добывание средств пропитания не должно быть особенно трудно, не взирая на это в течение одного года умирает с голоду от трех до четырех сот тысяч человек, то нет сомнения, что в такой стране средства, назначенные на содержание неимущих рабочих сокращаются очень быстро. Разница в положении Северной Америки и Ост-Индии представляет собою факт, на котором, может быть, яснее всего видно различие между духом британской конституции, под которой живет первая, и меркантильным духом торговой компании, которая властвует над второй и угнетает ее.

Таким образом, щедрая оплата труда есть в одно и то же время необходимое следствие и естественный признак возрастания народного богатства; скудное существование бедных рабочих—естественное указание на застой в стране; наконец, положение, когда рабочим грозит голодная смерть, говорит, что страна быстро идет к упадку.

В Великобритании заработная плата в настоящее время, повидимому, больше того, что необходимо для существования рабочего и его семьи. Чтобы убедиться в этом, нет необходимости входить в сложные и сомнительные вычисления того, какова наименьшая сумма, необходимая для этой цели,—ибо налицо имеется много ясных признаков того, что заработная плата в нашей стране нигде не стоит на том наинизшем уровне, какой совместим с требованиями элементарного человеколюбия.

Во-1-х, почти во всех местностях Великобритании, даже в низших родах труда, имеется разница между летнею и зимнею заработной платой, причем летняя всегда выше. Между тем, в виду добавочного расхода на топливо, содержание семьи дороже всего зимою. Таким образом, заработная плата выше всего как раз тогда, когда издержки ниже, откуда ясно, что она регулируется не размерами необходимых издержек, а количеством и предполагаемую ценностью работы.

Во-2-х, заработная плата в Великобритании не колеблется вместе с ценами на съестные продукты. Цены последних везде сильно

колеблются от одного года к другому, нередко от месяца к месяцу,—а между тем во многих местах денежная заработная плата остается неизменно та-же, иногда—в течение целого полувека. Если в таких местах рабочий класс имеет возможность содержать свои семьи в годы дороговизны, то очевидно, что в годы умеренных цен его положение должно быть удовлетворительно, в годы же особенно дешевых цен доходы рабочего класса должны значительно превышать его необходимые издержки.

В 3-х, цены продуктов сильнее колеблются в разные годы, чем заработная плата,—но, с другой стороны, размер заработной платы подвергается большим колебаниям в разных местностях, чем цены на продукты. Цены на хлеб и мясо те-же или почти те-же на всем протяжении Соединенного Королевства; как эти, так и многие другие товары, продающиеся в розницу—обычный способ, которым рабочие покупают все, что им нужно,—стоят в больших городах так же дешево или еще дешевле, как в глухих частях страны. Между тем заработная плата в большом городе или его ближайших окрестностях нередко на четвертую или пятую часть—на 20 или 25%—выше, чем на расстоянии немногих миль от города; например, в Лондоне и его ближайших окрестностях обычная заработная плата 18 пенсов в день, а в нескольких милях от города она падает уже до 14—15 пенсов. Такая разница в ценах, которая, оказывается, не всегда достаточна, чтобы заставить человека передвинуться из одного прихода в другой, с необходимостью повела-бы за собой такое массовое передвижение самых громоздких товаров не только из прихода в приход, но с одного конца королевства и даже с одного конца света на другой, которое скоро привело бы цены к приблизительно равному уровню. А отсюда, опять-таки, ясно, что если рабочий класс может содержать свои семьи в тех частях королевства, где заработная плата ниже всего, то она более, чем достаточна для этой цели там, где она стоит на высшем уровне.

В-4-х, колебания цен на труд не только не соответствуют, ни в пространстве, ни во времени, колебаниям цен на съестные продукты, но часто прямо противоположны им. Зерновой хлеб, главная пища простонародья, дороже в Шотландии, чем в Англии, откуда хлеб každогодно в больших количествах подвозится в Шотландию. Если, поэтому, рабочие могут содержать свои семьи в одной части королевства, их заработная плата должна с избытком покрывать их расходы в другой. Правда, овсяная мука служит для шотландского простонародья главной и лучшею частью пищи, которая, в общем, значительно хуже, чем у соответственных разрядов населения Англии. Но эта разница в условиях питания есть не причина, а следствие разницы в заработной плате,—хотя, по

странному недоразумению, в ней нередко видят причину: ведь один человек богат, а другой беден не потому, что первый ездит в карете, а второй ходит пешком, а наоборот — один ездит в карете, потому, что он богат, а другой ходит пешком потому, что он беден.

В течение прошлого столетия хлеб, из года в год, был дороже в обеих частях Соединенного Королевства, нежели в начале настоящего; это — факт, которого нельзя подвергать сколько-нибудь основательно сомнению, и который еще более неопровержимо доказан для Шотландии, нежели для Англии. Между тем, если несомненно, что хлеб в обеих половинах королевства был в прошлом столетии несколько дороже, чем в настоящем, то равным образом не подлежит сомнению, что труд стоил значительно дешевле. Если, поэтому, рабочие в то время имели возможность содержать свои семьи, то их положение теперь должно быть значительно более благоприятным.

Между тем, действительная оплата труда — действительное количество предметов, необходимых для существования и удобства жизни, какое заработная плата может доставить рабочему, возросла в течение настоящего столетия, может быть, в еще большей пропорции, чем денежная заработная плата. Не только несколько упало в цене зерно, но значительно подешевели и многие другие продукты, доставляющие рабочему классу приятное и здоровое разнообразие в питании, — например, картофель, который теперь стоит в большей части королевства вдвое меньше, чем 30—40 лет тому назад; то же самое надо сказать про репу, морковь, капусту и т. п., — продукты, которые прежде возделывались помощью лопаты, теперь же обычно возделываются помощью плуга. Великие изобретения в области производства дешевых тканей, как шерстяных, так и льняных, доставили рабочим более дешевую и лучшую одежду; усовершенствования в металлических производствах доставили рабочим более дешевые и лучшие орудия, а в то же время — и многие приятные и удобные предметы домашнего обихода. Правда, значительно вздорожали мыло, соль, свечи, кожи и спиртные напитки, главным образом, благодаря обложению налогами; но рабочие потребляют так мало продуктов этих категорий, что вздорожание их отнюдь не уравнивает понижения цен столь многих других продуктов. Обычные жалобы на то, что привычки к роскоши распространяются даже в самых низших слоях населения, и что рабочие теперь не довольствуются такою пищею, одеждою и жилищем, какими довольствовались прежде, в достаточной степени убеждают нас в том, что поднялась не только денежная плата, но и реальная оплата труда.

Спрашивается теперь, следует ли признавать это улучшение в положении низших классов населения за явление благоприятное

или неблагоприятное для общества в его целом? Ответ на этот вопрос — видно сразу — совершенно ясен. Слуги, рабочие и ремесленники всякого рода составляют значительное большинство всякого большого государственного целого. А поэтому то, что улучшает положение большей части, ни в каком случае не может быть рассматриваемо, как явление, неблагоприятное для целого, — напротив, никакое общество не может быть признано процветающим и счастливым, если большая часть его членов бедна и несчастна. Кроме того, сама справедливость требует, чтобы те, кто кормит, одевает и снабжает жилищем всю массу населения, получали такую долю продукта своего собственного труда, которая давала бы им возможность иметь сносную пищу, одежду и жилище.

Бедность, несомненно, затрудняет, но далеко не всегда предотвращает браки, — она, повидимому, даже благоприятствует деторождению: бесплодие, столь обычное у женщин из общества, весьма редко встречается в низших классах; роскошный образ жизни, может быть, воспламеняет в прекрасном поле страсть к развлечениям и удовольствиям, но в то же время он, повидимому, ослабляет, а часто и вовсе уничтожает способность к деторождению. Но бедность, не предотвращая рождения детей, крайне неблагоприятна для их воспитания. Нежное растение появилось на свет, но в холодной почве и в суровом климате оно весьма скоро вянет и гибнет. Я часто слышал, что в горной Шотландии нередко встречаются женщины, которые из двадцати рожденных ими детей не сохранили и двоих в живых. В некоторых местностях половина рождающихся детей умирает до четырехлетнего возраста, во многих — до семи, в большинстве местностей — до наступления девяти-десятилетнего возраста. Но такая большая детская смертность везде обнаруживается главным образом среди простонародья, которое не может уделять детям такого ухода, какой достается им на долю в высших классах. Хотя браки в простонародье более плодовиты, чем в высшем обществе, но пропорционально лишь меньшая часть их детей доживает до зрелого возраста; а в воспитательных домах и среди детей, воспитывающихся на счет приходской благотворительности, смертность еще больше, чем вообще среди простонародья.

Все виды животных размножаются в зависимости от имеющихся на-лицо средств пропитания, и нет такой породы, которая бы размножалась выше этих средств. В цивилизованном же обществе недостаток средств существования может положить предел размножению человеческого рода только среди самых низших классов народа, и это возможно путем истребления значительной части детей, рождающихся от плодовитых браков в этих самых классах. Щедрая оплата труда, давая им возможность лучше содержать своих

детей, и следовательно, выращивать большее их число, естественно стремится расширить пределы размножения, — такое расширение наступает в строгом соотношении с потребностями спроса на труд. Если этот спрос непрерывно возрастает, то хорошая оплата труда в такой мере поощряет браки и размножение рабочего класса, в какой это необходимо, чтобы путем непрерывного возрастания населения удовлетворить непрерывно возрастающему спросу на труд. Если вознаграждение за труд в течение некоторого времени будет ниже, чем сколько необходимо для указанной цели, то недостаток рабочих рук скоро поднимет заработную плату; а если вознаграждение за труд в течение некоторого времени будет выше, то чрезмерное размножение рабочих скоро заставит заработную плату упасть до соответственного уровня. Рынок был бы настолько слабо снабжен предложением труда в одном случае и настолько пресыщен трудом в другом, что цена труда очень скоро была бы приведена к тому именно уровню, какого требуют условия, в которых оказывается общество. Вот каким образом спрос на людей, точно так же, как спрос на всякого рода другой товар, с необходимостью регулирует производство людей, — он задерживает это производство, когда оно идет слишком быстро, и ускоряет его, когда оно идет слишком медленно.

Говорят, что содержание раба ложится на средства господина, содержание свободного рабочего — на его собственные средства. В действительности содержание свободного рабочего в такой-же мере идет из средств хозяина, как и содержание раба. Заработная плата рабочих и наемников всякого рода должна быть достаточна, чтобы дать им возможность поддерживать существование класса рабочих и наемников всякого рода в том размере, в каком этого требует растущий, убывающий или неподвижный спрос данного общества. Но хотя содержание свободного рабочего и ложится на средства хозяина, оно обходится ему обычно значительно дешевле, чем содержание раба: дело в том, что средства, предназначенные на ремонт, если позволено будет мне так выразиться, раба, обыкновенно находятся в распоряжении небрежного хозяина или недобросовестного управляющего. Напротив, средства, предназначенные для той же цели в отношении свободного человека, находятся в заведывании самого свободного человека; беспорядочность, обычно господствующая в хозяйстве богатого человека, естественно вторгается в управление капиталом, на который содержатся рабы, — и напротив, строгая умеренность и бережливость бедняка столь же естественно устанавливается в расходовании средств, затрачиваемых на содержание свободного рабочего. А при столь различном ведении хозяйства одна и та-же цель будет достигаться с весьма различными издержками. И действительно, опыт всех веков и народов

свидетельствует, что работа свободных людей обходится, в конце концов, дешевле, чем работа невольников,—это имеет место даже в таких местах, как Бостон, Нью-Йорк и Филадельфия, несмотря на чрезвычайно высокий здесь уровень заработной платы.

Щедрое вознаграждение за труд, составляющее само по себе результат увеличения народного богатства, становится, в свою очередь, причиною умножения народонаселения. Жаловаться на щедрость этого вознаграждения, значит, жаловаться на то, что составляет в одно и то же время необходимое следствие и причину наибольшего общественного благосостояния.

Здесь не бесполезно заметить, что положение рабочих—значит, главной массы народа,—становится, действительно, наиболее счастливым и благоприятным во время процесса развития благосостояния общества, а не тогда, когда оно дошло уже до всей полноты богатства, на которую только способно. Положение рабочих бывает тяжело при неподвижном состоянии общества и несчастно, когда общество идет к упадку. Прогрессирующее состояние общества—это состояние силы и полного здоровья всех его классов; неподвижность общества есть состояние отупения и праздности, а движение назад есть состояние бессилия и болезненности.

Как щедрое вознаграждение за труд поощряет народ к размножению, точно также оно усиливает трудолюбие низших классов. Хорошая заработная плата служит поощрением трудолюбия, а трудолюбие, как и всякое свойство человека, совершается соответственно поощрению, какое оно получает. Обильные средства существования увеличивают физические силы рабочего, а приятная надежда улучшить свое положение и окончить свои дни, может быть, в довольстве и изобилии побуждает рабочего к тому, чтобы извлечь из своих сил все, что только можно извлечь из них. Вот почему более деятельные, прилежные и смышленные рабочие встречаются всегда там, где заработная плата высока, а не там, где она низка. В Англии, наприм., рабочие лучше, чем в Шотландии, в окрестностях больших городов они лучше, чем в отдельных местностях. Правда, есть такие рабочие, которые, заработав в четыре дня столько, сколько им нужно на неделю, будут бездельничать остальные три дня,—но это далеко не общее правило. Напротив—рабочие, при хорошей поштучной плате, очень склонны надрываться над работой и этим способом в немного лет разрушать свое здоровье и свои силы; по общепринятому мнению, плотник в Лондоне и в некоторых других местах не выдерживает, в полной силе, более восьми лет; нечто в этом роде имеет место во многих других производствах, где рабочие получают поштучную плату, как это обычно имеет место в мануфактурах, а также и в сельском хозяйстве везде, где заработная плата выше обычного уровня. Почти все ка-

тегории ремесленников подвержены каким-либо профессиональным болезням, вызываемым слишком усиленным исполнением их специальной работы: усиленная работа, как умственная, так и физическая, если она продолжается много дней подряд, у большинства людей сменяется неудержимой потребностью в отдыхе; если эта потребность не получает удовлетворения, это ведет за собою нередко опасные, а иногда—и пагубные последствия, и чрезмерный труд более или менее всегда, рано или поздно, ведет за собою заболевания, свойственные данной отрасли промышленности.

Говорят, что в годы, когда продукты дешевы, рабочие, в общем, более ленивы, а в годы дороговизны более усердны, чем обыкновенно,—и отсюда заключают, что изобилие средств ослабляет усердие к труду, тогда как, напротив, недостаток средств усиливает его. Конечно, нельзя сомневаться в том, что есть рабочие, которых изобилие средств побуждает к лени, —но крайне неправдоподобно, чтобы изобилие средств влияло таким образом на большинство, или чтобы люди, вообще, были склонны лучше работать при плохом питании, чем при хорошем, при частых заболеваниях—чем при добром здоровье: голодные годы являются для простонародья годами усиленной болезненности и смертности, которые не могут не понизить производительности их труда.

В благоприятные годы слуги часто оставляют службу у своих хозяев и решаются искать средств существования путем основания своего дела. Но та-же самая дешевизна продуктов, увеличивая средства, которые могут быть предназначены на содержание рабочих, поощряет хозяев, особенно фермеров, нанимать большее количество рабочих; фермеры, при таких обстоятельствах, рассчитывают извлечь из своего хлеба больше выгоды, употребляя его на содержание несколько увеличенного числа рабочих, чем сколько можно получить, продавая его по дешевой цене на рынке. Таким образом, спрос на работников растет, и в то-же время предложение труда сокращается—отсюда обычное повышение цены на труд в годы дешевизны продуктов. Обратное, в годы дороговизны—заработная плата и батраков, и поденщиков очень часто падает.

В результате хозяева всех категорий в годы дороговизны заключают гораздо более выгодные для себя условия с слугами, чем в дешевые, и находят их, притом, более покорными и послушными. Независимо от этого, землевладельцы и фермеры—две из самых крупных категорий хозяев—имеют еще другое основание радоваться годам дороговизны: рента первых и прибыль вторых в значительной степени зависят от цен продуктов. А между тем, ничего не может быть нелепее, как думать, что люди будут работать меньше, когда они работают на себя, чем когда они работают на других: независимый рабочий будет, говоря вообще, работать ревностнее даже,

чем наемник на почасной плате—первый получает в свою пользу весь продукт труда, тогда как второй должен делиться им с хозяином. Тем ощутительнее, конечно, превосходство независимого работника над рабочим, нанятым помесечно или на годовой срок, заработная плата которого и содержание остаются те-же, независимо от того, много ли он работает или мало. А между тем дешевизна продуктов имеет тенденцию увеличивать число независимых работников на счет поденщиков и рабочих всякого рода; дороговизна, напротив, изменяет это соотношение в обратном направлении.

Выше мы видели, что колебания в цене труда не только не всегда соответствуют колебаниям цен продуктов, но нередко совершенно противоположны им,—тем не менее не следует думать, чтобы цены продуктов не имели никакого влияния на цены труда. Денежная заработная плата регулируется двумя обстоятельствами: спросом на труд и ценами на предметы необходимости и жизненного удобства. Спрос на труд определяет количество предметов необходимости, которое приходится отдавать рабочему,—а денежная заработная плата определяется тою суммою, какую надо заплатить за это количество продуктов; если, поэтому, и случается, что денежная заработная плата бывает высока при низких ценах на продукты, то она была бы еще выше, если бы, при данном спросе на труд, существовали более высокие цены на продукты. Возрастание спроса на труд в годы непредвиденного и исключительного изобилия и убыль его в годы непредвиденного и исключительного недостатка ведет к тому, что денежная заработная плата иногда поднимается в первом случае и падает во втором: в эпоху непредвиденного и исключительного изобилия, в руках многих промышленных предпринимателей оказываются средства достаточные, чтобы содержать и дать занятие значительно большему числу рабочих, чем сколько было занято в предшествовавшем году; это исключительное количество рабочих не всегда возможно достать,—поэтому хозяева, нуждающиеся в большем количестве рабочих, перебивают их один у другого, что иногда имеет последствием повышение как действительной, так и номинальной цены труда. В годы непредвиденного и исключительного недостатка имеет место обратное. Таким образом, неблагоприятные условия в годы дороговизны продуктов, сокращая спрос на труд, стремятся понизить его цену, тогда как высокая цена продуктов стремится ее повысить; обратное имеет место в эпохи дешевизны продуктов. При обычных колебаниях цен на продукты эти две тенденции, действуя в противоположном направлении, стремятся уравновесить друг друга, чем, повидимому, и объясняется, по крайней мере отчасти, большая устойчивость и постоянство заработной платы по сравнению с ценами продуктов.

Возрастание заработной платы необходимо повышает цены многих товаров, увеличивая ту составную часть цены, которая заключается в заработной плате; этим путем оно стремится сократить потребление товаров как внутри страны, так и за границей. В то же время, однако, та самая причина, которая поднимает заработную плату, — именно возрастание капитала, — стремится повысить производительную силу труда, чтобы с меньшей затратой последнего получить большее количество продукта: владелец капитала, занимающий значительное число рабочих, ради собственной выгоды старается ввести у себя столь усовершенствованное разделение труда и распределение занятий, чтобы получить возможно большее количество произведений, с этой же целью он стремится снабдить их наивозможно лучшими орудиями. То, что имеет место в единичной мастерской, по той же самой причине происходит и в целом обществе: чем больше число работников, тем дальше идет специализация и разделение труда; больше умов сосредоточивают свои усилия на том, чтобы изобретать наиболее подходящие орудия для выполнения операций отдельных работников, а потому является большая вероятность таких изобретений, — и в конечном результате многие товары, благодаря таким усовершенствованиям, начинают изготовляться с настолько меньшими затратами труда, что возвышение цены последнего более чем уравнивается сокращением количества затрачиваемого труда.

IX.

О прибыли на капитал.

Повышение и понижение прибыли на капитал зависит от тех же причин, что и изменения уровня заработной платы, — именно от роста или упадка народного богатства; но эти причины не одинаково отражаются на том и на другом: рост капитала, ведущий за собой повышение заработной платы, стремится понизить прибыль на капитал; если капиталы многих богатых купцов направлены на один род торговли, их взаимная конкуренция естественно ведет к понижению их прибыли, — и если увеличение капиталов имеется налицо во всех различных отраслях торговли и промышленности, существующих в данном обществе, их конкуренция везде должна иметь то же самое влияние.

Как уже было замечено выше, установить средний размер заработной платы, даже для данного места и данного времени, — очень нелегкая задача; мы редко можем сделать, даже в этом случае, больше, чем определить обычный размер заработной платы. По отношению к прибыли на капитал и это редко оказывается воз-

можным. Прибыль колеблется так сильно, что даже то лицо, которое ведет известное дело, не всегда может сам сказать, каков средний размер его годовой прибыли,—последняя зависит не только от колебаний цен на товары, с которыми он имеет дело, но и от положения дел как его конкурентов, так и покупателей, и от тысячи других случайностей, которым подвержены товары и во время перевозки морем, и во время сухопутного транспорта, и при хранении на складе; она изменяется не только от одного года к другому, но изо дня в день, даже с часа на час. Тем труднее, конечно, установить средний размер прибыли во всех отраслях торговли и промышленности, существующих в обширном королевстве,—а составить себе понятия хоть с приблизительною точностью о том, какова была средняя прибыль в более или менее отдаленном прошлом, является даже окончательно невозможным.

Некоторое представление о размерах средней прибыли на капитал в настоящем и прошедшем возможно составить себе, однако, по размерам процента на занятые деньги. Можно считать вполне установленным, что больший процент на занятые деньги будут платить там, где на эти деньги можно получить большую прибыль, и наоборот. Поэтому, можно с известною уверенностью полагать, что обычный процент в известной стране должен колебаться вместе с обыкновенною прибылью на капитал—он должен падать, когда она падает, и подниматься, когда она поднимается; по изменениям процента можно, поэтому, судить об изменениях прибыли на капитал.

37-й статут Генриха VIII рост выше 10% был объявлен недозволенным,—повидимому, до этого, иногда, взимали и больше. В царствование Эдуарда VI религиозная догма побудила запретить всякий рост,—но это запрещение, как все запрещения подобного рода, осталось, повидимому, безрезультатным, и скорее усилило, чем ослабило дурные стороны ростовщичества. Статут Генриха VIII был восстановлен 13-м статутом Елисаветы, и 10% оставались законным процентом до издания 21-го статута Якова I, понизившего его до 8-ми. Вскоре после реставрации он был понижен до 6%, а 12-м статутом Анны—до 5%. Все эти статуты, повидимому, были изданы весьма своевременно,—они не забегали вперед, а следовали за обычным процентом, т.-е. за тою нормою процента, по которой занимают деньги люди с хорошим кредитом. Начиная с царствования Анны, 5% были, повидимому, скорее выше, нежели ниже обычного процента на рынке. Перед последнею войною правительство занимало деньги по 3%, а люди с хорошим кредитом в столице и во многих других частях королевства,—по 3½, 4 и 4½%.

Со времен Генриха VIII богатство и доходы страны непрерывно возрастали, и быстрота их возрастания, с течением времени, скорее усиливалась, чем ослабевала. В течение того же периода времени

непрерывно возрастала заработная плата, а прибыль на капитал в большинстве отраслей торговли и промышленности падала. Говоря вообще, для ведения какого-либо дела в большом городе требуется больший капитал, чем в деревне; большие капиталы, занятые в каждой данной отрасли торговли и промышленности, и многочисленность богатых конкурентов обыкновенно понижают прибыль в городах против уровня, существующего в деревне, между тем как заработная плата, в общем, выше в большом городе, чем в деревне. В цветущем городе люди, располагающие большими капиталами, часто не могут достать необходимого числа работников—они конкурируют друг с другом, чтобы достать возможно больше рабочих, благодаря чему поднимается заработная плата, и падает прибыль на капитал. В глухих частях страны наблюдается обратное положение дел.

В наших северо-американских и вест-индских колониях не только заработная плата, но и процент на занятые деньги, а вместе с тем—и прибыль на капитал, выше, чем в Англии. В отдельных колониях, как законный, так и рыночный процент, колеблются между 6 и 10%. Высокая заработная плата и одновременно высокая прибыль на капитал,—явление, повидимому, едва-ли где-либо встречающееся, кроме новых колоний, где оно вызывается специальными обстоятельствами. Дело в том, что новая колония, сравнительно с другими странами, всегда, в течение некоторого времени, испытывает недостаток в капитале по сравнению со своею территориею и недостаток в рабочих руках, по сравнению с наличными капиталами. В таких колониях больше земли, чем сколько может быть обработано за счет наличных капиталов; эти последние, поэтому, обращаются исключительно на обработку наиболее плодородных и наиболее выгодно расположенных земель—земель, лежащих при морских берегах или по течениям судоходных рек. Очевидно, что капитал, затраченный на покупку и обработку таких земель, требует большой прибыли и соответственно должен платить весьма большой процент. Быстрое накопление капитала, при столь выгодном его помещении, дает сельскому хозяину возможность увеличивать число рабочих быстрее, чем он может находить рабочих в новом поселении,—а потому те, кого ему удастся найти, получают весьма щедрое вознаграждение.

По мере роста колонии, прибыль с капиталов постепенно уменьшается; когда заняты все наиболее плодородные и наиболее выгодно расположенные земли, обработка тех, которые стоят ниже по плодородию и удобству местоположения, дает уже меньшую прибыль, а следовательно, за капитал, помещенный в них, оказывается возможным платить уже меньший процент. В большей части наших колоний, поэтому, и законный, и рыночный процент заметно упали в течение настоящего столетия, по мере возрастания богатства,

культуры и населенности. Заработная плата в колониях не падает вместе с падением прибыли на капитал: спрос на труд возрастает вместе с ростом капитала, какова бы ни была прибыль; и после понижения последней капитал может не только продолжать расти, но расти даже гораздо быстрее прежнего. С трудолюбивыми и деловыми нациями, стремящимися к обогащению, дело обстоит, в данном отношении, так же, как с трудолюбивыми и деловыми людьми: большой капитал растет быстрее, хотя бы и при невысоких прибылях, чем небольшой капитал, даже при высокой прибыли; деньги, говорят, делают деньги,—если вы добыли немного денег, добыть больше будет уже сравнительно легко.

Что же касается до связи между ростом капитала и ростом промышленности, следовательно—и с ростом спроса на производительный труд, то она частью уже объяснена, частью будет обстоятельнее объяснена в дальнейшем изложении—о росте капитала.

Приобретение новых территорий или развитие новых отраслей торговли и промышленности может иногда поднять уровень прибыли, а с нею—и процента на занятые деньги, даже в стране, быстро идущей по пути накопления богатства: раз капитала страны не хватает, в связи с указанными изменениями, для всей совокупности представляющихся капиталистам дел, он помещается в те отрасли торговли и промышленности, которые доставляют наибольшую прибыль; часть того капитала, который ранее был занят в других отраслях, извлекается из этих последних и помещается в ту или другую из новых, более прибыльных отраслей; благодаря этому во всех старых отраслях торговли и промышленности конкуренция сокращается, сокращается и предложение многих видов товаров, а цены их, неизбежно, в большей или меньшей мере возрастают; это ведет к повышению прибылей тех, кто предлагает соответственные товары, а они, в свою очередь, получают возможность платить больший процент за занимаемые деньги.

Уменьшение капитала данного общества, т. е. запасов, предназначенных на содержание промышленности, понижает заработную плату, а вместе с тем повышает прибыль, следовательно—и процент на занятые деньги: благодаря понижению заработной платы, обладатели остающегося в наличности капитала могут доставлять продукты на рынок с меньшими издержками, чем прежде, а так как на самое производство затрачивается меньше капитала, то рынок не переполняется товарами, и они могут продавать продукты дороже, чем прежде: продукты обходятся им дешевле, а продаются дороже,—следовательно, их прибыли, увеличиваясь с обоих концов, позволяют им платить больший процент. Большие состояния, так быстро и так легко нажитые в Бенгалии и других британских колониях Ост-Индии, являются достаточным доказательством как низ

кого уровня заработной платы, так и высоты прибылей в таких разоренных странах. Как и в этих колониях, ссуды под огромные проценты были в ходу в римских провинциях, в эпоху, предшествовавшую падению республики, при разорительном управлении ее проконсулов; мы знаем из писем Цицерона, что добродетельный Брут, будучи на Кипре, давал деньги займы по 48%...

В стране, которая достигла бы всей полноты богатства, совместимой со свойствами ее почвы и климата и с ее географическим положением; в стране, которая поэтому уже не могла бы прогрессировать, и в то же время не проявляла бы признаков упадка, — как заработная плата, так и прибыль на капитал были бы, по всей вероятности, очень низки. В стране, обладающей всем тем населением, какое только ее территория может продовольствовать, а ее капитал — снабдить работой, соперничество из-за работы необходимо было бы настолько велико, что свело бы заработную плату к минимуму, достаточному лишь для поддержания на наличном уровне численности рабочего класса, и эта численность уже не могла бы расти. В стране, насыщенной капиталами, в каждой данной отрасли производства и торговли помещалось бы такое количество капитала, какое может быть помещено по характеру и размерам данной отрасли; поэтому соперничество достигло бы везде наивысшего, а размер прибыли — наинизшего возможного уровня. Весьма возможно, однако, что ни одна страна никогда не достигала еще такой степени богатства. Повидимому, Китай давно находится в неподвижном состоянии, и повидимому, он уже давно достиг высшей степени богатства, какая совместима с природою его законов и учреждений; но этот уровень богатства, конечно, далеко ниже того, какой мог бы быть достигнут при данных свойствах почвы и климата и при данном местоположении, если бы в стране существовали другие законы и государственные порядки. Страна, которая пренебрегает внешнею торговлею или презирает ее, которая допускает иностранные суда только в одну или две гавани, не может вести такого количества производительных предприятий, какое она могла бы вести при других законах и другом государственном устройстве; к тому же в этой стране, где одни только богатые, владельцы больших капиталов, пользуются значительной степенью имущественной безопасности, бедные же, или владельцы небольших капиталов, не пользуются никакою безопасностью и постоянно подвергаются, под предлогом отправления правосудия, грабежу и хищениям со стороны мелких мандаринов, — в такой стране количество капитала, занятого в разных отраслях торговли и промышленности, отнюдь не может достигать того предела, какой мыслим при данном характере и объеме этих отраслей. В каждой отрасли угнетение бедных создает как бы монополию для богатых, которые, забрав всю промышленность и

торговлю в свои руки, имеют возможность загребать в свою пользу большие барыши. И действительно—12%, говорят, являются обычным процентом в Китае, и очевидно, что обычная прибыль должна быть достаточна, чтобы давать возможность платить такой процент.

Недостатки законодательства могут иногда поднять размер процента значительно выше того, что соответствовало бы состоянию страны, в смысле ее богатства и бедности: если закон не принуждает к выполнению обязательств, он ставит всех кредитуемых приблизительно в такое же положение, в каком находятся в лучше управляемых странах банкроты или лица с сомнительным кредитом,—отсутствие уверенности в получении обратно ссуженной суммы заставляет того, кто соглашается дать ссуду, требовать того же роствовавшегося процента, какой обычно требуется с банкротов.

Низший обычный размер прибыли всегда должен быть несколько больше того, что необходимо, чтобы покрыть случайные потери, с риском которых связано всякое помещение капитала; только избыток сверх того, что необходимо для этой последней цели представляет собою чистый барыш.

Процент, который могут платить лица, занимающие капитал, стоит в зависимости от чистого барыша, а не от валовой прибыли. Подобным же образом, низший обычный уровень процента на занятые деньги должен быть несколько больше того, это необходимо для покрытия тех случайных потерь, с которыми связана отдача денег в кредит, даже при достаточной осторожности; где процент не превышает этой последней величины, там ссуда может быть вызвана исключительно соображениями человеколюбия или личной дружбы кредитора к должнику.

В стране, достигшей высших пределов богатства, где во всякой отрасли производства и торговли помещено наибольшее количество капитала, какое может быть занято в этой отрасли, уровень прибыли будет очень низок и соответственно будет весьма низок обычный уровень процента, который можно будет выплачивать из занятого капитала; он будет настолько низок, что ни для кого, кроме наиболее богатых людей, не будет возможности жить на проценты со своего капитала. Все лица с малым или средним состоянием вынуждены будут сами выискывать помещение для своих капиталов,—более или менее все должны будут либо вести какие-нибудь дела, либо участвовать в каком-нибудь производстве. Приблизительно в таком состоянии находится, повидимому, Голландия, где считается прямо неприличным не принадлежать к категории деловых людей.

Что касается до высшего обычного размера прибыли, то она может поглотить всю ту долю цены большинства товаров, которая должна была бы достаться на долю земельной ренты, оставляя лишь столько, сколько необходимо, чтобы оплатить труд, затраченный

на производство и доставку товара на рынок, в наимизшем размере, до какого может вообще упасть оплата труда,—т.-е. в размере, достаточном для покрытия одних только издержек существования работника: рабочий, так или иначе, должен получить пропитание за то время, какое он провел за работой, тогда как земледелец может и не получить причитающейся ренты.

Соотношение между обычным рыночным процентом и обычным размером чистого барыша, конечно, изменяется в зависимости от повышения или падения прибыли. Удвоенный процент признается в Великобритании, как принято выражаться у лиц торгового класса, хорошею, умеренною, порядочною прибылью,—что является, я думаю, не более как синонимом обычной прибыли. В стране, где обычный размер чистого барыша достигает 8—10⁰/₀, может считаться справедливым, чтобы там, где дело ведется на занятые деньги, половина этой прибыли поступала на уплату процента; риск за судьбу взятого в долг капитала лежит на должнике, который, как будто-бы, берет его на страх у кредитора; 4 или 5⁰/₀, в большинстве отраслей торговли и промышленности, могут быть признаны и достаточною оплатою за риск, сопряженный с подобным страхованием, и достаточным вознаграждением за труд помещения капитала. Но в странах, где обычный размер прибыли значительно выше или значительно ниже вышеуказанных цифр, соотношение между процентом и чистым барышом может оказаться не таким: если прибыль значительно ниже, половину ее отдать в виде процента на занятые деньги может быть окажется не возможным, но процент может оказаться и значительно больше половины, если прибыль значительно выше.

В странах, быстро богатеющих, низкий уровень прибыли может уравновесить, в цене многих товаров, высокий уровень заработной платы,—в таком случае такие страны получают возможность продавать товары так же дешево, как и менее процветающие соседние страны, где заработная плата значительно ниже. При этом надо заметить, что высокий размер прибыли в гораздо большей степени стремится повышать цены продукта, чем высокая заработная плата. Дело в том, что та часть цены товара, которая может быть сведена к заработной плате, повышается, во всех разнообразных стадиях производства, в арифметическом отношении к под'ему заработной платы. Напротив, та часть цены, которая может быть сведена к прибыли на капитал, повышается в геометрическом отношении к повышению размера прибыли. Повышение заработной платы влияет на повышение цен продукта так же, как влияют на нарастание долга простые проценты,—тогда как повышение размера прибыли влияет как сложные проценты. Наши купцы и промышленные предприниматели очень жалуются на дурные последствия высокой

заработной платы, поднимающей цены продуктов и таким образом уменьшающей сбыт их как внутри страны, так и за границей. Они ничего не говорят о вредном влиянии высоких прибылей; умалчивая о пагубном влиянии своих собственных выгод, они жалуется только на то, что выгодно для других.

X.

О заработной плате и прибылях при различных применениях труда и капитала.

Как бы ни были различны применения труда и капитала в какой-нибудь местности, совокупность выгод и невыгод должна быть одинакова или стремиться к равенству во всех этих применениях. Так, если в какой-нибудь области одно помещение труда и капитала было бы явно выгоднее или явно менее выгодно, чем все остальные, то в первом случае к нему нахлынуло бы, а в другом случае от него отхлынуло бы столько народа, что выгоды этого помещения быстро пришли бы в равновесие с выгодами всех других помещений. По крайней мере, так было бы в обществе, где господствовал бы естественный порядок вещей, где все пользовались бы полною свободою действий, и где каждый мог бы выбирать себе занятие, которое ему больше по вкусу, и переменять его на другое так часто, как ему бы вздумалось. Личная выгода, в таком случае, побуждала бы каждого искать себе выгодных занятий и отказываться от невыгодных.

В действительности денежная заработная плата и денежная прибыль во всех государствах Европы чрезвычайно различны, смотря по различиям в помещениях труда и капитала. Но это различие зависит частью от некоторых связанных с самими этими помещениями обстоятельств, которые в действительности, или только в воображении людей, восполняют недостаточность денежной выгоды в одних и уравнивают слишком большое вознаграждение в других, частью же от вмешательства правительств, которые нигде в Европе не допускают вполне свободного движения жизни.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Различия, проистекающие из самого свойства занятий.

Сколько я мог заметить, главные обстоятельства, восполняющие недостаточность денежной выгоды в одних промыслах и уравнивающие слишком большое вознаграждение в других, бывают пяти родов: 1) приятность или неприятность самих занятий; 2) лег-

кость и дешевизна, или напротив—трудность и дороговизна обучения; 3) постоянство или непостоянство занятия промыслом; 4) большее или меньшее доверие, требуемое от лица, занимающегося промыслом; 5) вероятность или невероятность достижения успеха.

Во-первых, заработная плата изменяется, смотря потому, легко или трудно, опрятно или неопрятно, почетно или презренно самое занятие.

Так, портной почти везде, в среднем годовом выводе, получает меньше, нежели ткач, ибо работа его легче; ткач получает меньше, чем кузнец,—работа первого не всегда легче, но зато она гораздо опрятнее. Кузнец, хотя он и ремесленник, редко зарабатывает за 12 часов труда столько, сколько зарабатывает в течение 8 часов рудокоп в шахтах, несмотря на то, что он простой поденщик; работа кузнеца все-таки не так неопрятна, она менее опасна и производится на поверхности земли и при дневном свете. Уважение, которым пользуются более почетные занятия, является существенною частью оплаты в них труда,—что же касается до денежного вознаграждения, то эти занятия, при зрелом обсуждении, оплачиваются, как я сейчас объясню, слишком мало.

Неуважение, оказываемое некоторым занятиям, вызывает противоположное действие. Работа мясника-бойца представляет собою что-то жестокое, отталкивающее, но во многих местах это—самый прибыльный почти из всех промыслов. Самое отвратительное из всех занятий—промысел палача, по отношению к количеству затрачиваемого труда оплачивается лучше, чем какое бы то ни было обычное занятие. Охота и рыбная ловля, самые важные промыслы человека в первобытном состоянии общества, впоследствии становятся приятнейшими развлечениями: человек отдается теперь ради удовольствия тому, что прежде делал из необходимости. Поэтому, в цивилизованном обществе те, кто занимается, как промыслом, тем, что для других служит приятным препровождением времени, крайне бедны. Таково положение рыбаков со времени Феокрита ¹⁾. В Великобритании браконьер, который без разрешения охотится в чужих лесах, всегда очень беден; в странах, где строгость закона не допускает существования браконьеров, положение людей, занимающихся охотой с надлежащего разрешения, не бывает много лучше. Естественная склонность к такому занятию привлекает к нему гораздо больше людей, чем сколько может прожить их в некотором довольстве, а продукт их промысла, пропорционально количеству затраченного труда, продается всегда слишком дешево для того, чтобы промышленник мог выйти из самого горемычного состояния.

¹⁾ См. его 21-ю идиллию.

Общественное отвращение и неприятность известных занятий оказывает такое же влияние и на прибыль с капитала. Промысел трактирщика или кабатчика, который никогда не хозяин в своем доме и вынужден сносить грубости от всякого пьянчуги, не может считаться занятием ни очень приятным, ни почтенным; а в соответствии с этим немного найдется таких занятий, где ничтожный капитал давал бы такие большие барыши.

Во-вторых, заработная плата изменяется, в зависимости от легкости и дешевизны или от трудности и дороговизны изучения промысла или ремесла.

Когда заводится какая-нибудь дорогая машина, то рассчитывают, что чрезвычайное количество работы, какое она исполнит, прежде чем сделается негодной к употреблению, возместит капитал, затраченный на ее постановку, с обычными, по меньшей мере, процентами. С такою именно дорогою машиною можно сравнить человека, употребившего много времени и труда, чтобы приладиться к занятию, требующему особого искусства и ловкости. Он рассчитывает, что занятие, к которому он готовится, даст ему, сверх обычной заработной платы за простой труд, еще такое вознаграждение, которым он возместит все свои расходы по обучению, с обычною, по крайней мере, прибылью на капитал. Необходимо еще, чтобы это вознаграждение было бы получено в не слишком продолжительное время, в соответствии с весьма неопределенною продолжительностью человеческой жизни, точно так же, как это рассчитывается при более определенном сроке служения машины.

На этом-то принципе основывается различие в размерах заработной платы за труд обыкновенный и за труд, требующий большой ловкости и сноровки. Труд ремесленников, мастеров и фабричных рабочих считается европейскими политико-экономами требующим больше ловкости, нежели труд деревенских рабочих; предполагают, кажется, что работа первых по самому свойству своему тоньше и сложнее, чем работа последних. Поэтому, по законам и обычаям Европы требуется, чтобы всякий, кто желает получить право работать в первом из этих двух разрядов труда, прошел искус ученичества, условия которого более или менее суровы в различных странах; другой же род труда, сельско-хозяйственный, открыт для всех и каждого без ограничения. Пока идет обучение мастерству, весь труд учащегося принадлежит его хозяину; часто бывает, что в течение этого срока родители или кто-нибудь из родных ученика платят за его прокормление, и почти всегда требуется, чтобы они по крайней мере одевали его. Бывает также, что хозяину еще платят деньги, чтобы он обучил мальчика своему ремеслу. Ученики, которые не в состоянии платить денег за учение, отдают время, иначе сказать — запрягаются на большее число лет, чем сколько нужно для обу-

чения,—условие, всегда невыгодное для ученика, хотя в то же время, вследствие обычной лености учеников, не всегда выгодное для хозяина. В деревне, напротив, рабочий готовится к более трудным сельским работам постепенно, занимаясь сначала более легкими из них, при чем труд его на всех ступенях обучения доставляет ему пропитание. Вот почему в Европе заработная плата ремесленников, мастеров и фабричных рабочих должна быть несколько выше, чем плата простых рабочих; она, действительно, бывает выше, и получающие ее рабочие причисляются почти везде к более высокому классу, чем просто рабочие. Впрочем, превышение их заработной платы обычно очень незначительно: средний дневной заработок поденного рабочего на обыкновенных фабриках, как, например, на суконных или полотняных, почти повсеместно очень немногим выше ежедневного заработка простого поденщика. Правда, работа их более постоянна, а потому и заработок, в совокупности за целый год, несколько выше. Но этот излишек заработной платы, очевидно, не превышает все-таки того, что нужно, чтобы вознаградить за гораздо большие расходы по обучению.

Обучение бывает еще гораздо продолжительнее и дороже в искусствах, требующих большой ловкости, а также в так называемых свободных профессиях. Денежное вознаграждение живописцев, скульпторов, юристов и врачей должно быть, поэтому, гораздо выше: так это и бывает на самом деле.

Что касается до прибыли на капитал, то она лишь весьма мало зависит от легкости или трудности изучения соответствующих отраслей производства и торговли: все различные способы помещения капиталов, принятые в больших городах, более или менее одинаково трудны для изучения, и какая-нибудь отдельная отрасль внутренней или внешней торговли не может быть значительно более сложным делом, нежели всякая другая.

В-третьих, заработная плата изменяется в разных занятиях, смотря по тому, насколько постоянна или непостоянна работа.

В одних производствах работа бывает гораздо более постоянна, чем в других. В большей части мануфактур поденщик может быть уверен в том, что будет занят каждый день в течение целого года, если только сам он будет в состоянии работать. Наоборот, каменщик или штукатур не может работать в сильный мороз или в очень дурную погоду, да и во всякое другое время он может рассчитывать на работу лишь настолько, насколько его клиенты будут нуждаться в нем, а следовательно, он может нередко остаться и без работы. Вот почему необходимо, чтобы заработка его за время, когда он бывает занят, не только доставало на его содержание в то время, когда ему приходится сидеть без всякой работы, но и на то, чтобы до некоторой степени вознаградить его за те огорчения

и беспокойства, которые вызываются неустойчивостью его положения. Отсюда понятно, почему там, где заработок большей части фабричных рабочих почти одинаков с дневным заработком простых черно-рабочих, каменщики и штукатуры получают в полтора раза или вдвое больше. Где простые чернорабочие вырабатывают по 4 и по 5 шиллингов в неделю, каменщик вырабатывает часто 7 и по 8 шиллингов; где первые вырабатывают 6, то последние часто по 9 и 10, а где те получают по 9 и по 10, как, например, в Лондоне, то эти—по 15 и 18 шиллингов. А между тем нет, кажется, другого мастерства, которому так легко было бы выучиться, как мастерству каменщика. Говорят, что в Лондоне, в летний сезон, вместо каменщиков, пускают иногда в дело простых носильщиков. Стало быть, высокая заработная плата этих рабочих представляет собою вознаграждение не столько за их искусство и ловкость, сколько за непостоянство их заработка. Мастерство плотника требует, повидимому, более умения и ловкости, нежели мастерство каменщика. А между тем во многих местах (конечно, не везде) поденная плата плотника бывает несколько ниже. Хотя работа его и сильно зависит от случайного запроса на нее подрядчиков или заказчиков, однако, не в такой мере, как работа каменщика, а главное — она не так часто прерывается дурною погодой. Если известный промысел, дающий обычно постоянный заработок, где-нибудь имеет временный характер, заработная плата всегда поднимается значительно выше обычного в данном промысле отношения к заработку просто-рабочих. В Лондоне почти все мастерские работают с перерывами: они нанимаются и рассчитываются хозяевами по-дневно или по-недельно точно так же, как простые поденщики во всех других местах. Поэтому, самый низший класс мастеровых, портные, вырабатывают там по полукроне в день, тогда как обыкновенною платою за самый простой труд может считаться 18 пенсов. Напротив в маленьких городах и деревнях заработок таких портных часто едва достигает заработка простых чернорабочих. Происходит же это оттого, что в Лондоне они часто по несколько недель сидят без работы, в особенности в летнее время.

Когда при непостоянстве какого-нибудь занятия сама работа бывает еще и тяжела, неприятна, нечистоплотна, то плата за самый грубый труд подымается иногда гораздо выше, чем плата за самую тонкую работу. Рудокоп, работающий заделно, вырабатывает в Ньюкестле почти вдвое, а в очень многих местах Шотландии почти втрое больше, чем простой чернорабочий. Этот высокий размер заработка зависит вполне от тяжести, неприятности и нечистоплотности работы в каменноугольных копях—в большей части случаев такой рудокоп всегда может иметь работу, сколько захочет. Труд грузчиков угля в Лондоне почти так же утомителен, неприятен и

неопрятен; вместе с тем заработок их очень непостоянен вследствие неизбежно-неправильного прихода судов с углем. Если поэтому рудокоп вырабатывает обыкновенно вдвое и втрое больше простого чернорабочего, то не должно казаться несообразным, если грузчик угля получает вчетверо и впятеро больше последнего. По исследованиям положения грузчиков, произведенным несколько лет тому назад, оказалось, что по тогдашним ценам за их работу они могли заработать от 6 до 10 шиллингов в день; 6 шиллингов составляют почти вчетверо больше, чем сколько платят в Лондоне просто-рабочим, а известно, что самой низкой платой, какая существует в каждом отдельном промысле довольствуется именно наибольшая часть рабочих. Как бы ни казались велики такие заработки, но если бы они были больше того, сколько нужно для вознаграждения рабочего за все неприятности, сопровождающие его работу, то на этот промысел, не обставленный никакими исключительными привилегиями, скоро набросилось бы столько охотников, что заработок быстро упал бы до более низкого размера.

Постоянство или непостоянство занятия совершенно не оказывает никакого влияния на обычный размер прибыли на капитал: постоянство или непостоянство помещения капитала зависит не от данной отрасли промышленности, а от лица, занимающегося этою отраслью,—не от промысла, а от промышленника.

В-четвертых, заработная плата может изменяться, смотря по большому или меньшему доверию, которым должен пользоваться рабочий.

Золотых дел мастера и ювелиры, которым доверяются драгоценные материалы, получают везде заработную плату выше многих других рабочих, труд которых требует такого-же, а, может быть, еще и большего искусства. Мы вверяем врачу наше здоровье, адвокату и поверенному наше благосостояние, а иногда нашу жизнь и доброе имя: такие драгоценные предметы не могут быть вверены людям, очень бедным, занимающим низкое положение в обществе. Необходимо, стало быть, чтобы получаемое ими вознаграждение могло дать им возможность занять в обществе место, отвечающее столь важному доверию. А продолжительное время и большие расходы, необходимые на их обучение, в связи с предыдущим, еще более повышают цену их труда. Когда человек употребляет на какое-нибудь предприятие только собственные капиталы, то тут не может быть речи о доверии, и кредит, которым он может пользоваться у других, будет зависеть не от свойства его предприятия, а от мнения, которое составит в обществе о его состоянии, честности и благоумии. Поэтому разная величина прибыли в разных отраслях промышленности не может зависеть от разных степеней доверия, оказываемого тем, кто ими занимается.

В-пятых, заработная плата в разных занятиях изменяется, смотря вероятности успеха их.

Вероятность для ученика приобрести ловкость, необходимую для того промысла, которому он обучается, в разных промыслах весьма различна. В большей части механических промыслов успех бывает почти несомненен; но он далеко не обеспечен в свободных профессиях. Отдайте вашего сына в ученье к сапожнику, и вы можете быть почти уверены, что он выучится шить пару сапог. Но пошлите его в юридическую школу, — можно с уверенностью сказать, что на двадцать человек только один достигнет таких успехов, что потом сможет жить этой профессией. Кто в честной лотерее вынимает выигрышные билеты, должен выиграть все, что теряют другие, вынудившие пустые билеты. В профессии, где двадцать человек проигрывают, а выигрывает один, этот один должен выиграть все, что должны бы были выиграть двадцать проигравших. Адвокат, начинающий, может быть, только в сорок лет извлекать выгоду из своей профессии, должен получить вознаграждение не только за свое продолжительное и дорого стоившее образование, но и за образование более, чем двадцати своих товарищей, которым оно, вероятно, никогда не принесет никакой выгоды. Как ни огромно кажется нам иногда вознаграждение адвокатов, а в действительности оно никогда не достигает такого размера. Подсчитайте примерную сумму ежегодного заработка всех рабочих какого-нибудь обыкновенного мастерства в известном месте, как, например, сапожников или ткачей, и вероятную сумму их ежегодных расходов, и вы найдете, что в общем первая из этих сумм превзойдет вторую. Но сделайте такой-же расчет для всех адвокатов и студентов-юристов в разных юридических школах, и вы найдете, что сумма их ежегодного заработка далеко меньше их ежегодных расходов, если даже вы оцените, насколько только возможно, первую слишком высоко, а вторую слишком низко. Следовательно, лотерея юридической профессии далеко не справедлива, и эта профессия, как и большая часть свободных профессий, в смысле денежного заработка, очевидно, вознаграждается менее, чем следовало бы. А между тем эти профессии привлекают столько же охотников, как и другие, и, несмотря на указанные условия, могущие охладить их рвение, множество высоко-талантливых и благородных людей стремятся вступить на эти поприща. Двумя различными причинами можно об'яснить себе это стремление: первая — желание приобрести известность, составляющую удел тех, кто отличается на этом поприще; вторая — врожденная всякому человеку, в большей или меньшей степени, вера не только в свои таланты, но и в свою путеводную звезду.

Блестать на поприще, где лишь немногие достигают даже посредственного успеха, есть самый решительный признак того, что

называется гением или высшею способностью. Общее поклонение, окружающее такие редкие таланты, всегда составляет часть их вознаграждения, большую или меньшую, смотря по силе поклонения. Оно составляет значительную часть вознаграждения для врача, может быть, еще большую часть—для адвоката, и почти все для тех, кто посвящает себя поэзии и философии.

Есть очень приятные и очень блестящие таланты, которые вызывают своего рода удивление к тому, кто обладает ими; но зарабатывать этими талантами деньги признается справедливо или только вследствие предрассудка, чем-то вроде общественной проституции. Следовательно, денежная плата тех, кто обладает этими дарованиями, должна быть достаточна для того, чтобы вознаградить их не только за время, труды и расходы по выработке таких талантов, но еще и за общественное порицание, поражающее тех, кто обратил их в средства для своего существования. Непомерное вознаграждение, получаемое актерами, певцами, танцовщиками и пр. объясняется двумя причинами: редкостью и красотой талантов,—и общественным неодобрением употреблению, которое из них делается. С первого взгляда кажется нелепым — презирать людей, делающих из своих талантов такое употребление и в то же время вознаграждать их за это с чрезмерною щедростью. Но раз мы делаем первое, мы принуждены делать и второе. Если бы общественное мнение или предрассудок когда-нибудь изменились по отношению к этим профессиям, то денежное вознаграждение за них скоро понизилось бы. К ним обратились бы очень многие, и конкуренция очень скоро сбавила бы цену за этот труд. Хотя эти таланты и не особенно распространены, однако, они и не так редки, как обыкновенно думают. Есть много людей, которые обладают ими в совершенстве, но которые почли бы для себя унизительным извлекать из них денежную выгоду; но еще больше найдется таких, которые сумели бы приобрести их, если бы они доставляли более почта.

Преувеличенное мнение, какое большая часть людей составляет о собственных талантах, есть старое зло, наблюдавшееся во все времена философами и моралистами. Но нелепая вера людей в свою счастливую звезду замечалась реже, хотя она и составляет еще более общее зло, если только это возможно. Нет такого человека на земле, который бы не был причастен этому греху, если только он здоров и хорошо настроен. Каждый более или менее преувеличивает вероятность выигрыша. Что же касается до возможности потери, то большинство людей представляет ее себе всегда меньше той, какая бывает на самом деле, и, может быть, не найдется ни одного человека, здорового телом и духом, который представлял бы ее себе больше, чем она обыкновенно бывает.

Общий успех лотерей достаточно доказывает, как обыкновенно преувеличивается вероятность выигрыша. Еще никогда не было на свете, да и не будет вполне честной лотереи, то-есть такой, в которой сумма выигрышей была бы равна сумме проигрышей, ибо в таком случае не было бы никакой выгоды устраивать ее. В лотереях, устраиваемых правительствами, билеты не стоят, в действительности, той цены, какую платят за них первые подписчики, а между тем эти билеты обыкновенно перепродаются на рынке с барышем в 20, 30, а иногда и 40 процентов. Напрасная надежда выиграть какой-нибудь крупный куш бывает единственной причиной спроса на такие билеты. Самые даже благоразумные люди не считают глупостью заплатить маленькую сумму, чтобы купить на нее вероятность выиграть 10 или 20.000 фунтов, хотя они понимают, что эта маленькая сумма на 20 или на 30 процентов дороже того, чего стоит вероятность выигрыша. В лотерее, в которой не было бы выигрыша дороже 20 фун., но которая в прочих отношениях гораздо более приближалась бы к вполне честной лотерее, чем обычные, билеты не раскупались бы так сильно. Чтобы обеспечить себе наибольший шанс крупного выигрыша, одни покупают помногу билетов, а другие приобретают малые доли еще в большем числе билетов. А между тем одно из наиболее доказанных положений математики состоит в том, что чем больше берешь билетов, тем больше имеешь против себя шансов потери. Рискните на все билеты какой-нибудь лотереи, и ваша потеря несомненна, и чем больше будет взято билетов, тем вернее потеря.

Презрение к риску и преувеличенная надежда на успех никогда так не сильны, как в молодости, особенно в тот период, когда молодые люди избирают себе профессию. Как мало страх перед несчастьем может пошатнуть в них надежду на лучший успех, можно видеть из того, с каким увлечением молодые люди обыкновенно бросаются на свободные профессии, а еще более из той горячности, с которою простой народ спешит записываться в солдаты или матросы.

И в разнообразных помещениях капитала обычный размер прибыли в большей или меньшей мере колеблется, в зависимости от верности или неверности результата. Этот последний, говоря вообще, более верен во внутренней, чем во внешней торговле, и в одних отраслях последней он более верен, чем в других—например, в торговле с Северной Америкой вернее, чем с Ямайкою. В соответствии с этою разницею в риске, в большей или меньшей мере колеблется и обычная прибыль. Однако, она едва-ли повышается пропорционально усилению риска, иначе сказать—в достаточной мере для того, чтобы вполне покрыть последний. Самонадеянная уверенность в успехе действует и здесь так же, как и во всех других случаях,

и побуждает так много людей обращаться к самым рискованным предприятиям, что конкуренция их понижает размер прибыли ниже того уровня, какой соответствовал бы риску. Чтобы вполне покрыть последний, обычная выручка должна бы давать, сверх нормальной прибыли, не только излишек, необходимый для покрытия всех непредвиденных потерь, но кроме того — и добавочный барыш, по своему характеру соответствующий премии страховщиков. Но если бы это было так, банкротства в таких рискованных предприятиях торговли случались бы не чаще, чем в других, а между тем они случаются здесь гораздо чаще.

Таким образом, из тех пяти условий, которые влияют на заработную плату, только два имеют влияние на размеры прибыли на капитал: приятность или неприятность данного занятия, и большая или меньшая его рискованность. В отношении первого из названных условий замечается лишь мало разницы, или никакой, между разными помещениями капитала; что же касается до риска, то хотя он и повышает обычный уровень прибыли, но далеко не всегда пропорционально размерам самого риска. Отсюда следует, что в известной стране или местности средние или обычные размеры прибыли в разных помещениях капитала должны держаться ближе к одному общему среднему уровню, чем заработная плата в разных отраслях труда. И так это и есть: разница между заработком чернорабочего и заработком имеющего хорошую практику врача или адвоката, очевидно, далеко больше, чем разница в размерах прибылей в любых двух отраслях торговли и промышленности. К тому же кажущаяся более значительная разница между ними обычно сводится к тому, что доход, имеющий характер заработной платы, сливается с доходом, имеющим характер прибыли. Так, аптекарские барыши вошли в пословицу, как синоним чего-то чрезвычайного; но эти, на вид, огромные барыши часто не что иное, как справедливое вознаграждение за труд. То же самое приходится сказать о барышах в мелочной торговле: в маленьком приморском городке мелочной торговец нередко наживает 40—50% на капитал в несколько сот фунтов, тогда как крупный оптовый торговец в том же городке едва наживает 8 или 10% на капитал в 10.000 фунт. Но ведь мелочник должен не только жить на свою торговлю, но должен обладать и качествами, необходимыми для этой профессии: кроме небольшого капитала, он должен знать грамоту и счет, должен также уметь разбираться, примерно, в пятидесяти или шестидесяти родах товаров—должен иметь понятие об их ценах, их качестве и тех рынках, где их можно дешево приобретать; он должен—говоря короче—обладать всеми теми знаниями, какими обладает оптовый торговец, и стать таковым ему мешает только одно: недостаток соответственного капитала. 30 или 40 фунт. в год не

будут слишком большим вознаграждением за труд лица с такими свойствами; а если эту сумму вычесть из кажущейся большой прибыли, то останется немногим больше, чем обычная прибыль, и следовательно, большая часть этой кажущейся прибыли—не что иное, как настоящая заработная плата.

Различие между кажущейся прибылью от розничной и оптовой продажи не так велико в столице, как в маленьком городе или деревне. Если можно употребить капитал в 10.000 фунт. на какую-нибудь мелочную торговлю бакалейей, то заработная плата за труд такого мелочника сама по себе составит ничтожный прирост к действительной прибыли с такого большого капитала. Таким образом, видимые прибыли богатого мелочника в большом городе близко подходят к прибылям оптового торговца, а потому и товары, продающиеся в розницу, бывают дешевле, а часто и гораздо дешевле, в столице, чем в маленьких городах или деревнях. Бакалейный товар, например, продается в столице гораздо дешевле, хлеб и мясо, нередко, так же дешево, как и в деревне. Доставка бакалей в столицу обходится не дороже, чем в деревню, но доставка туда хлеба и мяса стоит гораздо дороже, потому что большая часть того и другого привозится издалека. Покупная цена бакалей, значит, одна и та же в обоих местах, а потому бакалей будет дешевле там, где довольствуются меньшею прибылью. Покупная цена хлеба и мяса выше в большом городе, нежели в деревне; хотя прибыль продавца и меньше, однако, эти продукты не всегда дешевле, но нередко продаются по той же цене, что и в деревне. Для таких товаров, как хлеб и мясо, одна и та же причина, уменьшая кажущуюся прибыль, возвышает покупную цену, т. е. расходы по покупке и доставке.

Вообще, об'ем рынка, доставляя помещение крупным капиталам, понижает их кажущуюся прибыль; зато, требуя снабжения товарами из самых отдаленных мест, он возвышает покупную цену их. Сбавка, с одной стороны, и повышение, с другой, повидимому, во многих случаях почти уравниваются. В этом, вероятно, и заключается причина, почему цены на печеный хлеб и мясо бывают почти одинаковы в большей части королевства, тогда как в разных местах его обыкновенно бывает большая разница в цене зерна и скота.

Хотя прибыли с капиталов, как в оптовой, так и в розничной торговле, в столице обычно меньше, чем в маленьких городах и деревнях, однако, в столице часто составляются крупные богатства при небольших первоначальных затратах, чего почти никогда не бывает в деревнях. В маленьких городах и деревнях недостаточный об'ем рынка не позволяет торговле расширяться в той мере, как растет капитал; в таких местах, поэтому, хотя раз-

мер прибыли отдельного лица и может быть очень велик, но общая сумма прибыли, а следовательно, и накопление капитала, не могут быть очень значительны. Наоборот, в больших городах дело может расширяться по мере возрастания капитала, и кредит человека бережливого и богатеющего увеличивается много быстрее, чем его капитал. По мере увеличения того и другого, расширяется и размер его операций; общая сумма его прибылей растет в соответствии с обширностью его операций, а накопление — в соответствии с суммой его прибылей. Несмотря на это, даже в больших городах редко бывает, чтобы составлялись значительные состояния в какой-нибудь прочно установившейся и хорошо известной промышленности, иначе как после долгих годов трудовой и бережливой жизни. Состояния составляются внезапно благодаря так называемой спекуляции. Но торговец, посвятивший себя спекуляции, не занимается никакой установившейся, правильною, хорошо известною торговлей. В нынешнем году он торгует хлебом, в будущем — вином, потом сахаром, табаком или чаем. Он хватается за любое дело, если только надеется, что оно даст ему чрезвычайную прибыль, и также скоро бросает его, если замечает, что прибыль обещает упасть до уровня прибылей от других операций. Следовательно, его прибыли и убытки не могут находиться ни в каком правильном соответствии с прибылями и убытками во всякой другой отрасли торговли, установившейся и хорошо известной. Смелый авантюрист может иногда составить себе значительное богатство, благодаря двум или трем счастливым спекуляциям; но также вероятно, что он потеряет состояние на двух или трех несчастных оборотах. Такими делами можно заниматься только в больших городах: только там, где торговые дела и торговая корреспонденция получили широкое распространение, можно иметь все необходимые для того сведения.

Подробно изложенные здесь пять условий хотя и вызывают весьма сильные неравенства в величине заработной платы и прибылей, но они не имеют никакого влияния на общую сумму действительных или воображаемых выгод и невыгод каждого из разнообразных помещений труда или капитала, они способны только восполнить недостаточность денежного заработка в одних помещениях и умерить слишком высокое вознаграждение в других.

Однако, для соблюдения такого равновесия в общей сумме выгод и невыгод, предст. вляемых разными помещениями труда и капитала, необходимы, даже при самой полной свободе действий, следующие три условия: во-первых, чтобы данное применение труда и капитала было хорошо всем известно и с давних пор распространено в какой-нибудь местности; во-вторых, чтобы оно находилось в своем обычном, так сказать, естественном состоянии и, в третьих, чтобы

оно было единственным или главным занятием тех, кто ему посвящает себя.

I. Это равенство может иметь место лишь в тех отраслях торговли и промышленности, которые установились давно и хорошо известны в данной местности. При прочих равных условиях, заработная плата обычно бывает выше в новых, нежели в старых отраслях: если предприниматель пытается создать новый род производства, он должен прежде всего путем повышенной заработной платы отвлечь рабочих от других, старых отраслей промышленности,—и не мало времени должно пройти, пока он сможет решиться понизить заработную плату до нормального уровня. В частности, производства, где спрос зависит главным образом от моды и фантазии потребителей, постоянно меняются, и очень редко они существуют настолько долго, чтобы их можно было отнести к разряду старых, установившихся производств. Напротив, те производства, где спрос возникает главным образом от общепольности и необходимости их произведений, менее подвержены изменениям, и одни и те же виды производства могут держаться в течение столетий. При таких условиях, понятно, заработная плата будет тяготеть к более высокому уровню в производствах первой категории, нежели второй. С другой стороны, создание какого либо нового производства или новой отрасли торговли, или введение новых приемов в земледелии всегда является спекуляцией, от которой ее инициатор ожидает получить экстраординарную прибыль; эта последняя иногда, действительно, бывает весьма высока, иногда, и это может быть чаще, наоборот,—очень низка, но, во всяком случае, она не стоит ни в каком определенном отношении к прибылям в старых производствах, существующих в данной местности. Если замысел удастся, она вначале бывает очень высока, но, когда известное производство или прием сельскохозяйственной культуры становится общеизвестным, конкуренция низводит ее до обычного уровня.

II. Это равенство может иметь место лишь при обычном или естественном состоянии соответствующих отраслей промышленности и торговли.

Спрос на все, более или менее, виды труда иногда выше, иногда ниже обыкновенного; в первом случае выгоды данного занятия возрастают, во втором падают, выше или ниже обычного уровня. Так, спрос на сельскохозяйственных рабочих бывает особенно велик во время сенокоса и жатвы; во время войны, когда до 40—50 тысяч матросов отвлекаются с частной службы на королевскую, спрос на матросов на купеческих судах, естественно, возрастает вместе с сокращением предложения, и месячная плата их обыкновенно возрастает с гинеи или 27 шиллингов до сорока шиллингов и даже трех фунтов в месяц. Напротив, в гибнущем производстве многие

рабочие, не желая расстаться с привычным им родом занятий, довольствуются далеко меньшею заработной платой, нежели какая соответствовала бы, при иных условиях, характеру их труда.

Прибыль на капитал колеблется в зависимости от цен на соответственные товары. При этом цены всех товаров подвержены колебаниям, но цены некоторых из них—в гораздо большей степени, чем цены других. Так, количество труда, ежегодно затрачиваемого на производство продуктов обрабатывающей промышленности, регулируется годичным спросом, так что средний годичный размер производства бывает, обыкновенно, очень близок к среднему годовому размеру потребления; поэтому, колебания рыночной цены такого рода товаров могут произойти только от известных случайных колебаний спроса; например, цены на черное сукно могут резко подняться благодаря общественному трауру,—спрос же на большинство сортов других суконных и льняных тканей довольно неподвижен, а потому и цены не подвержены колебаниям. Напротив, в других отраслях промышленности данное количество труда далеко не всегда создает данное количество продукта,—так, одинаковое количество труда дает, в различные годы, весьма различное количество хлеба, вина, хмеля, сахара, табака, и т. п... Поэтому цены на продукты этой категории колеблются в зависимости не только от спроса, но также и от гораздо более частых широких колебаний в размерах производства, а потому они чрезвычайно изменчивы. Вместе с тем, чрезвычайно изменчивы и прибыли купцов, торгующих продуктами этой категории,—в виду чего эти продукты и являются по преимуществу объектом спекулятивной торговли: спекулянт старается закупать эти товары, когда предвидит повышение, и продавать их, когда предвидит понижение цен.

III. Это равенство может иметь место лишь в тех отраслях промышленности и торговли, которые являются единственным или главным занятием соответствующих лиц.

Когда кто-либо зарабатывает необходимые средства существования от какого либо занятия, не поглощающего всего его времени, то в свободные промежутки времени он нередко соглашается работать для другого за меньшую плату, чем какая, при других условиях, соответствовала бы характеру данного занятия,— а потому продукты такого рода труда часто поступают на рынок по гораздо более низким ценам, чем это иначе соответствовало бы их свойствам. Так, во многих местностях Шотландии чулки вяжут гораздо дешевле, чем в других местах их изготовляют на машине: этим занимаются здесь прислуги и работницы, приобретающие главную часть необходимых им средств существования из другого занятия. Благодаря этому, например, в гор. Лейт ежегодно ввозится до 1000 пар чулок с Шотландских островов, от 5 до 7 пенсов за пару.

В зажиточных странах рынок обыкновенно столь обширен, что каждая профессия одна в состоянии занять весь труд и весь капитал лиц, кто к ней причастен; поэтому примеры людей, существующих на счет одного промысла и в то же время извлекающих небольшой заработок от другого, встречаются чаще всего в бедных странах. Следующий пример чего-то в этом роде можно, однако, найти в столице одной из самых богатых стран: нет, я думаю, города в Европе, где рента с недвижимостей была бы так же высока, как в Лондоне,—и при этом я не знаю другой столицы, где можно было бы так дешево нанять меблированную квартиру. И вот почему, по принятым в Лондоне условиям найма, торговцу приходится нанимать непременно целый дом, и притом, конечно, в той части города, где живут его клиенты. Он устраивает свою лавку в нижнем этаже, сам со своею семьею помещается в мансарде, и затем старается покрыть часть домово́й ренты, сдавая два средних этажа в наймы квартирантам; он, значит, рассчитывает содержать свою семью не на счет своих жильцов, а на счет своей торговли.

Напротив, в Париже или Эдинбурге те, кто сдает меблированные помещения, обыкновенно не имеют других средств к существованию,—а потому плата за сдаваемые помещения должна покрыть не только платимую ими ренту за дом, но и все издержки существования семьи.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Неравенства, происходящие от правительственного вмешательства.

Таковы неравенства, существующие в общей сумме выгод или невыгод в различных помещениях труда и капиталов, даже в таких странах, где господствует полнейшая свобода,—неравенства, происходящие от отсутствия какого-нибудь одного из трех об'ясненных выше условий. Но господствующая в Европе регламентация, стесняя свободу действий, порождает другие, гораздо более важные неравенства.

Регламентация действует главным образом тремя способами: во-первых, ограничивая в некоторых промыслах конкуренцию меньшим числом лиц, чем сколько обратилось бы к этим промыслам без ее вмешательства;—во-вторых, увеличивая в других промыслах число конкурентов более, чем требуется естественным положением вещей;—в-третьих, стесняя свободный переход труда и капиталов как от одного помещения к другому, так и с одного места на другое.

Итак, прежде всего регламентация, господствующая в Европе, порождает значительное неравенство в общей сумме выгод и невыгод в разных помещениях труда и капиталов тем, что ограничивает

в некоторых промыслах конкуренцию меньшим числом лиц, сравнительно с тем, которое обратилось бы к этим промыслам.

Важнейшее средство, употребляемое для этого—исключительные привилегии цеховых корпораций.

Исключительная привилегия какого-нибудь зарегистрированного цеха ограничивает в том городе, где он установлен, конкуренцию теми, кто вступил и принят в этот цех. Обыкновенно, неизменное условие для приема состоит в обучении ремеслу у какого-нибудь цехового мастера. Цеховыми постановлениями определяется иногда, какое число учеников дозволяется иметь мастеру, и почти всегда—сколько лет должно продолжаться ученье. Цель постановлений того и другого рода,—ограничить конкуренцию гораздо меньшим числом лиц, чем сколько явилось бы охотников заняться мастерством без этого ограничения. Назначение числа учеников ограничивает конкуренцию непосредственно, а долгий срок обучения ограничивает ее более косвенным, хотя и не менее действительным образом, увеличивая расходы обучения мастерству.

В Шеффилде постановлением ножевого цеха воспрещается мастеру содержать более одного ученика. В Норфольке и Норвиче ни один мастер-ткач не может иметь более двух учеников, под страхом штрафа в 5 фунтов в месяц в пользу короля. Ни в одной части Англии, или английских колоний, мастер-шляпник не может иметь более двух учеников, под страхом также 5 фунтов штрафа в месяц, при чем одна половина его идет королю, а другая доносчику. Хотя эти два последние постановления были утверждены законом королевства, однако, они были, очевидно, продиктованы тем же духом корпоративного эгоизма, под внушением которого был создан шеффилдский статут. Едва только фабриканты шелковых изделий в Лондоне устроили цех, как на другой же год издали постановление, которым было воспрещено держать более двух учеников зараз, и для отмены этого постановления потребовался особый акт парламента.

Обыкновенным сроком для обучения в большей части цехов всей Европы с давних пор было, кажется, установлено семь лет. Все цеховые корпорации назывались некогда университетами—от латинского слова, означавшего корпорацию вообще. У самого учреждения тех специальных корпораций, которые называются теперь именем университетов, срок продолжительности обучения, установленный для получения степени магистра, был, кажется, определен применительно к срокам обучения в тех ремеслах, корпорации которых были гораздо древнее. Как необходимо было семь лет проработать у патентованного мастера, чтобы получить право самому сделаться мастером обыкновенного цеха и держать там учеников, точно так же требовалось проучиться семь лет у соответственного магистра, прежде

чем самому сделаться, в какой-нибудь свободной профессии, учителем, магистром или доктором (названия эти были синонимами) свободных искусств и получить право держать и обучать студентов или учеников (тогда это были тоже синонимы).

Пятым статутом Елисаветы, который назывался уставом об ученичестве, было установлено, чтобы впредь в Англии никто не занимался каким-нибудь ремеслом или художеством, не пробыв наперед по-крайней мере семи лет в ученьи. Таким образом, то, что прежде было лишь частным постановлением некоторых отдельных корпораций, сделалось теперь общим государственным законом для всех ремесл в городах Англии. Хотя выражения в этом статуте были очень общи и, повидимому, относились ко всему королевству без различия, однако, путем толкования этого закона, действие его было ограничено только городами: было признано, что в деревнях должно быть разрешено одному и тому же лицу заниматься различными ремеслами, не подвергаясь необходимости тратить семь лет на обучение каждому из них, ибо такие ремесленники необходимы для удобства жителей, а число последних недостаточно для того, чтобы каждое ремесло исполнялось особыми лицами. Сверх того, по строгому толкованию текста этого закона, действие его было ограничено теми ремеслами, которые существовали в Англии до пятого года правления Елисаветы, и никогда не распространялось на те, которые были введены после этого времени. Это ограничение, между прочим, подало повод ко многим различиям, которые, если смотреть на них как на полицейские правила, представляются в высшей степени нелепыми. Например: было установлено, что каретник не имеет права ни сам, ни через рабочих-поденщиков работать колес для своих экипажей, а должен покупать их у особого мастера колесного дела, так как это последнее мастерство существовало в Англии задолго до пятого года правления Елисаветы: Но колесный мастер, не бывший никогда в ученьи у каретного мастера, имел, однако, право работать кареты как лично, так и через рабочих-поденщиков, потому что каретное мастерство не было подведено под статут, как не существовавшее до того времени в Англии. По той же причине в Манчестере, Бирмингаме и Вольвергамптоне было много таких ремесл, которые не были подведены под статут только потому, что их не было в Англии ранее пятого года правления Елисаветы.

Во Франции срок учения различен по разным городам и мастерствам. В Париже для многих назначено пять лет. Но прежде, чем кто-либо мог получить право работать как мастер, он должен был еще пять лет проработать в качестве наемника; в продолжение этого срока он называется товарищем мастера, или подмастерьем, и самое время искуса называлось товариществом (*corporation*).

Между тем, самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный труд, потому что он есть первоначальный источник всех других видов собственности. Все достояние бедняка заключается в силе и ловкости его рук, и мешать ему пользоваться этою силою и этою ловкостью так, как он сам считает для себя удобным, если только он никому не причиняет вреда,— это явное насилие над этою священнейшею собственностью. Такое насилие является возмутительным посягательством на законную свободу как самого рабочего, так и тех, кто хотел бы дать ему работу; оно одновременно мешает одному—работать, как он находит для себя выгодным, а другому—употреблять его в работу, как ему заблагорассудится. Судить, способен ли человек к занятию, которое ему хотят предложить, должно быть предоставлено всецело нанимателю, заинтересованному в этом. Чрезмерная же заботливость законодателя о том, чтобы не употреблялись в дело люди неспособные, очевидно, также нелепа, как и стеснительна. Установление продолжительного ученичества не может дать никакой гарантии в том, что на продажу не будут часто поступать недоброкачественные изделия. Если это случается,—это обыкновенно бывает следствием недобросовестности, а не неумения,—и никакое, даже самое продолжительное, ученичество не может дать гарантии против недобросовестности. Для предупреждения этого зла нужны совсем другие правила: выставка пробы на серебряной посуде или клеймо на льняной или шерстяной ткани дают покупателю гораздо большее ручательство доброкачественности товара, нежели какие угодно правила об ученичестве; покупатель обыкновенно обращает внимание на наличность пробы или клейма, но ему в голову не придет наводить справки, прошел ли мастер семилетнее ученичество.

Институт продолжительного ученичества вовсе не обладает способностью готовить молодых людей к промышленному труду: подмастерье, работающий поштучно, будет, вероятно, весьма усерден, потому что он получает выгоду от своего старания; напротив, ученик, скорее всего, будет ленив, и чаще всего бывает ленив, потому что для него нет непосредственного интереса не быть ленивым. В низших родах занятий приятность труда заключается исключительно в вознаграждении за труд; поэтому те, кто скорее всего получает возможность получить вознаграждение за свой труд,—те скорее всего могут приобрести и вкус к труду, и привычку к работе. И напротив—юноша естественно проникается отвращением к труду, если он долго не получает от него никакой выгоды; например, мальчики, отдаваемые в обучение общественными благотворительными учреждениями, обыкновенно обязываются ученичеством на более продолжительные сроки,—и как раз они, в конце концов, оказываются наиболее ленивыми и наименее ценными работниками.

Продолжительное ученичество совершенно бесполезно. Искусство работать стенные и карманные часы, конечно, гораздо выше обыкновенного мастерства,—однако, и в нем нет таких секретов, которые требовали бы долгого курса учения. Правда, изобретение этих прекрасных снарядов, и даже инструментов, которыми они работают, требовало без сомнения много времени и глубоких соображений и по праву может считаться одним из самых счастливых изобретений человеческого ума. Но раз они изобретены и всем хорошо известны, то об'яснить молодому рабочему, до мельчайших подробностей, как надо применять инструменты, и как сработать эти снаряды, можно в несколько недель, а может быть, для этого было бы достаточно и нескольких дней. В простых ремеслах для такого обучения было бы, конечно, достаточно нескольких дней. Правда, что даже в самых простых производствах ловкость руки приобретает лишь долгою практикой и опытом. Но молодой человек работал бы с большим усердием и вниманием, если бы с самого начала был поставлен к делу, как рабочий, и не только получал бы плату соразмерно тому немногому, что успел бы сработать, но, в свою очередь, платил бы за материалы, испорченные им по неловкости или непривычке к делу. При таком порядке обучение его было бы вообще действительнее, притом оно было бы менее продолжительно и стоило бы не так дорого. Конечно, при этом потерпел бы хозяин: он потерял бы весь заработок ученика, который теперь остается в его руках в продолжение целых семи лет. Может быть в конце концов потерял бы несколько и сам ученик, потому что при полной доступности изучения мастерства явилось бы больше конкурентов, и к тому времени, когда ученик сделался бы полным работником, заработная плата его была бы гораздо меньше, чем теперь. То же увеличение конкуренции понизило бы и прибыли хозяев, как понизило бы заработок рабочих. Но оказались бы в выигрыше потребители, потому что все изделия продавались бы на рынке гораздо дешевле.

Цеховые корпорации и большая часть их правил были установлены именно с тою целью, чтобы предупредить понижение цен, а следовательно, и заработной платы и прибылей, а средством для этого послужило ограничение свободы конкуренции.

Вот каким образом регламентация, ограничивая в разных промыслах конкуренцию меньшим числом лиц, чем сколько обратилось бы к занятию промыслами без этого запрещения, вызывает очень большое неравенство в общей сумме выгод и невыгод в разных помещениях труда и капиталов.

Далее, европейская регламентация усиливает соперничество в известных отраслях сверх естественного размера и этим способом приводит к неравенству, только в обратном направлении, во

всей совокупности выгод и невыгод в различных их помещениях труда и капитала.

Так, подготовка значительного числа молодых людей к некоторым профессиям признавалась делом настолько важным, что иногда государства, а иногда—частные лица, основывали для этой цели специальные пенсии, стипендии и т. п., которые и привлекали к соответственным профессиям гораздо больше людей, чем было бы иначе. Так, я думаю, что в большинстве христианских стран этим именно путем оплачивается подготовка духовенства,—лишь очень немногие из лиц этого класса готовятся к своей профессии на собственные средства. Благодаря именно этому, продолжительная, трудная и дорого стоящая подготовка тех, кто готовится на собственные средства, далеко не всегда доставляет им достаточное вознаграждение, потому что церковь переполнена людьми, которые, чтобы получить какое-нибудь место, соглашаются на гораздо меньшее вознаграждение, чем на какое они, при иной постановке дела, имели бы право по характеру полученной ими подготовки; и таким способом соперничество бедняков отнимает вознаграждение за труд у лиц более состоятельных. Конечно, было бы не совсем прилично сравнивать приходского священника или капеллана с подмастерьем в каком-нибудь ремесле; но плата, получаемая первыми, с полным основанием может быть рассматриваема как явление одного и того же порядка с заработной платой подмастерья: все они трое одинаково получают плату за свой труд, устанавливаемую по соглашению с лицами, от которых они зависят. И вот, сравнение данных о вознаграждении духовных лиц в Англии, в прежнее время с данными о заработной плате ремесленников позволяет прийти к заключению, что заработная плата этих последних была даже значительно выше вознаграждения духовных лиц. И подобно тому, как закон многократно пытался понизить заработную плату простых рабочих, так же точно он неоднократно пытался повысить вознаграждение приходского духовенства и ради поддержания достоинства церкви принудить попечителей приходов платить духовенству больше, нежели тот жалкий минимум, на который оно само охотно соглашалось. Но в обоих случаях закон оказался одинаково бессильным,—он так же мало был в состоянии повысить вознаграждение духовенства, как и понизить до определенного уровня заработную плату простых рабочих; потому что он не мог воспрепятствовать представителям первого, под влиянием собственной нужды и соперничества многочисленных конкурентов, соглашаться на меньшие, нежели полагалось по закону, оклады, а вторым—получать повышенную заработную плату, благодаря соперничеству тех, кто имел в виду извлечь выгоду из их труда или удовлетворить при его помощи своим потребностям.

Высокие оклады, присвоенные высшим церковным должностям, поддерживают достоинство церкви, не взирая на бедственное положение многих из низших ее представителей; с другой стороны, даже и они получают в том уважении, которым пользуется их профессия, некоторое возмещение за недостаточность их материального вознаграждения. В виду этого приходится признать, что как в Англии, так и в римско-католических странах, лотерея церкви в действительности гораздо выгоднее, чем это было бы необходимо. Пример шотландской, женеvской и некоторых других протестантских церквей доказывает, что профессия, пользующаяся таким почетом и обставленная такими удобствами в смысле получения должной подготовки, привлекала бы и при гораздо более умеренных видах на вознаграждение достаточное число образованных, приличных и порядочных людей к принятию священного сана.

В профессиях, где нет должностных окладов, как, например, в медицине или юриспруденции, если бы так же много народу получало образование на общественный счет, соперничество скоро оказалось бы столь значительным, что понизило бы вознаграждение за труд до крайне низкого уровня. В таком случае никто не находил бы для себя расчета готовить своих детей к этим профессиям на собственные средства,—они достались бы целиком в удел лицам, обучавшимся на общественный счет, и многочисленность лиц этого рода, при настоятельной для них необходимости в заработке, заставила бы их довольствоваться самым жалким вознаграждением, что и привело бы к совершенному падению, в общественном уважении, таких ныне уважаемых профессий, как медицина и юриспруденция.

Приблизительно в таком положении, в каком, при наличности предположенных только что условий, оказались бы врачи и адвокаты, находятся в действительности те злосчастные люди, которых обыкновенно называют учеными. Значительное большинство их, во всей Европе, готовилось к церковному служению, но в силу тех или других обстоятельств не приняло священного сана; они, поэтому, в большинстве случаев обучались на общественный счет, и число их везде столь значительно, что вознаграждение их за труд (учительский), обыкновенно, падает до самого ничтожного уровня. Надо, однако, заметить, что это обстоятельство, в общем, скорее выгодно, нежели вредно для общества. Оно, может быть, несколько принижает профессию общественного преподавателя, но зато дешевизна научного обучения представляет собою, несомненно, такое преимущество, которое далеко перевешивает только что отмеченное незначительное неудобство. И, конечно, публика извлекала бы из этого обстоятельства еще гораздо большие выгоды, если бы

постановка школ и других учебных учреждений была бы более разумна, чем это ныне наблюдается в большей части Европы.

В третьих, европейская регламентация, препятствуя свободному обращению как капитала, так и труда, в смысле перемещения их как от одного занятия к другому, так и из одной местности в другую, создает, в некоторых случаях, весьма нецелесообразное неравенство в общей совокупности выгод и невыгод, связанных с приложением и труда и капитала. Правила об ученичестве — как мы видели — препятствуют свободному переходу труда от одного занятия к другому, даже в одной и той же местности; исключительные привилегии цеховых корпораций задерживают перемещение его из одной местности в другую, даже в том же промысле или профессии.

Но все, что препятствует свободному перемещению труда от одного занятия к другому, тем самым препятствует перемещению капитала, — ибо размеры капитала, могущего найти помещение в каждой отрасли промышленности, очень сильно зависят от количества труда, которое может быть использовано в этой отрасли. Тем не менее, цеховые правила в гораздо меньшей степени препятствуют свободному обращению и перемещению капитала из одной местности в другую, чем они препятствуют перемещению труда: ибо гораздо легче зажиточному торговцу приобрести право торговли в городе с корпоративным устройством, чем бедному рабочему приобрести право заниматься своим ремеслом.

Те препятствия свободе обращения труда, которые проистекают из цеховой организации, наблюдаются, я думаю, во всей Европе. Но те препятствия, которые создаются законами о бедных, являются, сколько мне известно, исключительною особенностью Англии. Они заключаются в затруднениях, которые встречает неимущий человек при выборе места жительства, и даже при получении разрешения работать в каком-либо ином приходе, кроме того, к которому он приписан. В то время как цеховые правила препятствуют свободному обращению труда одних только ремесленников и мануфактуристов, — затруднения, связанные с выбором местожительства, препятствуют свободному перемещению даже простого черного труда. И то крайнее неравенство в заработной плате, какое мы часто наблюдаем в Англии, в местностях, недалеко отстоящих друг от друга, вероятно, проистекает именно от тех препятствий, которые законы о бедных ставят неимущему человеку, который пожелал бы переходить на заработки из одного прихода в другой, не запасшись соответственным сертификатом. Еще одинокому человеку, если он здоров и трудолюбив, иногда удается водвориться в чужом приходе без сертификата, благодаря снисходительности приходских властей; но семейный человек, с женою и детьми, если бы он сделал такую попытку, наверно, подвергся бы удалению из большинства приходов,

и то же случилось бы с человеком, который вступил бы в брак после водворения в чужом приходе. Вследствие этого, недостаток рабочих рук в одном приходе далеко не всегда может быть устранен перемещением избытка рук из другого; между тем это постоянно делается в Шотландии и, я думаю, в каждой стране, где нет затруднений с правом жительства. В таких странах, хотя и существуют местные различия в размерах заработной платы,—но никогда не встречается таких резких и необъяснимых различий в высоте заработной платы в смежных местностях, какие мы встречаем иногда в Англии; бедному человеку гораздо труднее здесь перейти искусственно созданную границу соседнего прихода, чем перебраться через морской пролив или через хребет высоких гор — естественные границы, которые иногда отделяют друг от друга, в других странах, местности с сильно отличающимися размерами заработной платы.

Между тем, удалить человека, не совершившего никакого проступка, из прихода, где он желает водвориться,—это явное нарушение естественной свободы и справедливости. Английское простонародье, так ревниво оберегающее свою свободу, но никогда, подобно простонародью других стран, не знающее толком, в чем она состоит, в течение более нежели столетия терпит этот гнет, не пытаясь найти средство избавления от него. Правда, мыслящие люди иногда нападали на законы о водворении, как на общественное зло; но этот вопрос никогда не вызывал такого всеобщего народного вопля, как, например, общие приказы о заарестовании, которые, конечно, тоже являлись злоупотреблением, но никогда не могли иметь своим последствием такого всеобщего притеснения народных масс. Едва ли в Англии найдется хоть один неимущий человек, достигший сорокалетнего возраста, я это смело утверждаю, который в какой-либо момент своей жизни не потерпел бы самым жестоким образом от этих нелепых законов о водворении.

Я закончу эту главу замечанием, что хотя некогда было в обычае нормировать заработную плату, сначала общими для целого королевства законами, позже — специальными приказами мировых судей в отдельных местностях, но такого рода распорядки ныне уже совершенно вышли из употребления. „Как показывает опыт более, чем четырехсот лет,—говорит доктор Бэрн, уже пора оставить всякие попытки подчинить строгой регламентации то, что по самой своей природе не подчиняется детальной регламентации: ибо если бы все лица, делающие одну и ту же работу, должны были получать одинаковое вознаграждение, то не было бы повода для соревнования, и не оставалось бы места для усердия и таланта“.

В старинные времена, кроме того, довольно обычным явлением были попытки урегулировать прибыли кушцов и других капитали-

стов путем установления такс на жизненные продукты и прочие товары. Единственным остатком этого старого обычая является, сколько мне известно, такса на хлеб. Где существуют цеховые корпорации с исключительными правами, там, может быть, и целесообразно нормировать цены предметов первой необходимости. Но где таких корпораций нет, там конкуренция гораздо лучше урегулирует цены, нежели какая бы то ни было такса.

XI.

О земельной ренте.

Рента, рассматриваемая как плата за пользование землею, естественно стремится к наивысшему размеру, какой только может выплачивать арендатор при существующих в стране, в данное время, обстоятельствах: устанавливая условия арендного договора, землевладелец всегда стремится оставить арендатору не больше того, что необходимо для восстановления капитала, за счет которого он составляет семена, оплачивает труд и поддерживает в исправности скот и прочий инвентарь в хозяйстве, вместе с обычною в данной местности прибылью на фермерский капитал. Это, очевидно, наименьшая доля, какую может удовлетвориться арендатор, не терпя убытков,—с другой же стороны, землевладелец редко соглашается оставить ему больше. Затем, всю ту часть продукта или—что то же самое—всю ту часть продажной цены его, которая составляет избыток сверх этой доли, землевладелец естественно стремится оставить себе в качестве земельной ренты, которая, очевидно, будет наивысшею, возможною для арендатора при данной совокупности условий. Правда, случается, что великодушие, а чаще — незнание обстоятельств, заставляет землевладельца довольствоваться несколько меньшею рентою; и наоборот—случается, хотя и значительно реже, что незнакомство с положением вещей заставляет арендатора соглашаться на большую ренту и, следовательно, довольствоваться несколько меньшею, против обычной в данной местности прибылью фермера. Тем не менее, именно указанная доля может быть рассматриваема как естественная рента, или как такая, за которую обыкновенно соглашаются сдавать землю.

Можно подумать, что рента часто представляет не более, как справедливую прибыль на капитал, вложенный землевладельцем в улучшение земли. И действительно, в некоторых случаях это отчасти и бывает так, — но и в таких случаях это может быть не более, нежели отчасти. В виде правила, однако, землевладелец требует ренты и за не подвергавшуюся никаким улучшениям, некуль-

турную землю, и предполагаемая прибыль на вложенный в улучшение капитал является, обычно, лишь некоторою прибавкой к первоначальной ренте. С другой стороны, и самые улучшения отнюдь не всегда делаются на средства землевладельца; нередко они делаются на средства арендатора, — а между тем, когда приходит срок возобновления арендного договора, землевладелец обыкновенно требует повышения ренты за улучшения, как если бы они были сделаны на его, землевладельца, счет. В то же время, землевладелец, нередко, требует ренты и за то, что по самому существу своему и недоступно какому бы то ни было улучшению, — примером чего являются заросли морской травы у шотландских побережий, или береговые полосы, необходимые для производства рыбного промысла в прилегающих к берегу водах.

Таким образом, земельная рента, рассматриваемая как плата за пользование землей, является, естественно, монополюющей платой; она совершенно не зависит от того, что землевладелец мог затратить на улучшение земли, или от того, чем он мог бы удовольствоваться, — она зависит единственно от того, что фермер может согласиться платить. Дело в том, что, в виде правила, в продажу могут поступать только такие части продукта земли, которых цена достаточна, чтобы восстановить затраченный фермером на производство капитал вместе с обычною прибылью; если обычная цена выше указанного размера, излишек естественно поступит в пользу землевладельца в виде ренты; если она не выше, то продукт может поступать в продажу, но он не в состоянии будет давать ренты землевладельцу. Будет ли цена выше или нет — это зависит от спроса. Между тем, есть такие виды продукта, спрос на которые всегда должен быть достаточен для того, чтобы обеспечить цену, превышающую необходимый минимум; и есть такие, спрос на которые может быть, а может и не быть, достаточен для того, чтобы обеспечить продукту такую повышенную цену; продукты первой категории должны всегда давать землевладельцу ренту, продукты второй могут давать или не давать ее, в зависимости от различных обстоятельств.

Из изложенного — надо заметить — следует, что земельная рента входит в состав цены продукта иным способом, нежели заработная плата и прибыль на капитал. Высокий или низкий уровень заработной платы или прибыли являются причиной высокой или низкой цены продукта, высокая или низкая рента является ее последствием. Необходимость выплачивать прибыль или заработную плату в высоком размере, при изготовлении известного продукта, обуславливает необходимость продавать последний дорого; при низком же уровне прибыли и заработной платы можно довольствоваться низкой ценой. Взаимоотношение между ценами и рентами обратное:

продукт дает высокую ренту, или умеренную ренту, или вовсе не дает ренты, потому что цена его высока или низка,—что она значительно выше, немногим выше или совсем не выше того, что требуется для оплаты, в существующем размере, заработной платы и прибыли.

РАЗДЕЛ I.

О продукте земли, который всегда дает ренту.

Люди, подобно всем прочим живым существам, естественно размножаются в зависимости от средств их существования. Поэтому на пищу всегда существует больший или меньший спрос; в обмен на пищу всегда можно купить или получить в свое распоряжение большее или меньшее количество труда, и всегда найдется кто-нибудь, кто согласится взять на себя какую-нибудь работу, чтобы заработать пищу. Правда, количество труда, какое можно приобрести на известное количество пищи, не всегда точно равно тому количеству труда, существование которого может быть поддержано при наиболее экономном расходовании пищи, в виду высокого уровня платы, какую иногда получают работники; но за пищу всегда можно приобрести такое количество труда известных низших видов, какое может существовать за счет данного количества пищи, в соответствии с нормами содержания, в данной местности, данной категории работников. Между тем земля, где бы она ни была расположена, производит гораздо большее количество пищи, чем сколько необходимо для содержания всего труда, затрачиваемого на ее производство, как бы щедро ни был оплачиваем этот труд; избыток, притом, всегда более чем достаточен, чтобы восстановить затраченный капитал, вместе с причитающеюся на его долю прибылью,—и следовательно, известный излишек всегда должен остаться на долю земельной ренты.

Земельная рента изменяется и при равном количестве продукта, в зависимости от плодородия земли, и при равном плодородии—в зависимости от ее местоположения. Земля в ближайших окрестностях города дает большую ренту, чем земля равного плодородия в какой-либо удаленной части страны: обработка той и другой обходится одинаково, но доставка продукта на рынок с удаленного участка земли всегда должна стоить дороже; значит, за счет этого продукта должно получить свое содержание большее количество труда, и следовательно, соответственно уменьшится избыток, из которого получают прибыль фермера, и рента землевладельца. Между тем в отдаленных частях страны, как было объяснено, размер прибылей фермера обычно выше, чем в окрестностях больших городов,—и следовательно, и из только-что упомянутого, меньшего по своим

размерам, избытка соответственно меньшая доля достанется землевладельцу.

Конечно, хорошие дороги, каналы и судоходные реки, сокращая издержки перевозки грузов, ставят более отдаленные части страны в положение более близкое к положению окрестностей больших городов,—в виду чего хорошие пути сообщения и следует рассматривать как величайшее из улучшений. Они поощряют обработку земли в более отдаленных частях страны, которые, естественно, являются и наиболее обширными; они выгодны для города, который они освобождают от подчинения монополии его ближайших окрестностей; мало того—они выгодны даже и для этих окрестностей; они, правда, облегчают ввоз конкурирующих товаров в пределы прежнего рынка, но зато открывают много новых рынков для их продуктов. В то же время монополия—величайший враг хорошего ведения хозяйства, которое может повсеместно установиться не иначе, как под влиянием той всеобщей свободной конкуренции, которая заставляет каждого прибегать к хорошему ведению дела, в целях самозащиты от конкурентов.

Пашня умеренного плодородия всегда производит значительно большее количество пищи для людей, чем лучшее пастбище того-же размера: хотя обработка первой требует гораздо большей затраты труда, но избыток, который получается за вычетом семян и за оплатою всего затраченного труда, также бывает значительно больше. Если бы, поэтому, предположить равными цены мяса и хлеба, то этот больший по количеству продукта избыток везде имел бы и большую ценность и составил бы больший фонд, из которого могли бы быть почерпаемы и прибыль фермера, и рента землевладельца. Так, повидимому, и было повсеместно в первобытные времена зачаточного земледелия.

В действительности, однако, в различные периоды развития сельского хозяйства относительная ценность этих двух видов пищи—хлеба и мяса, весьма различна. В раннюю эпоху начатков земледелия все необработанные пустыри, которые в такие периоды занимают большую часть страны, целиком предоставлены под выпас скота; в стране, поэтому, имеется больше мяса, чем хлеба, а потому хлеб является тем видом пищи, из-за которого возникает наибольшая конкуренция спроса, который поэтому дает наибольшую цену. Совсем иначе, когда культура распространилась по большей части территории страны: тогда в стране оказывается уже больше хлеба, а благодаря распространению земледельческой культуры необработанные пустыри становятся уже недостаточными для того, чтобы покрыть спрос на мясо; поэтому, значительную часть культурной земли приходится обратить на выращивание и откармливание скота, цена которого поэтому должна быть достаточна не только для того,

чтобы покрыть издержки по уходу за скотом, но и ту ренту, которую мог бы получить землевладелец, и ту прибыль, которую мог бы получить фермер, если бы такая земля была занята под запашкой. Между тем и скот, выращенный на самых некультурных болотах, продается, раз он только доставлен на тот же самый рынок, по той же цене, как и выращенный на наиболее культурных землях, с учетом, конечно, веса и качества мяса; отсюда, конечно, извлекают выгоду владельцы таких болот, которые повышают ренту в соответствии с повышением цен на скот. И таким-то образом, по мере прогресса сельского хозяйства и обработки земель, рента и прибыль, получаемые с необработанных земель, до некоторой степени регулируются рентою и прибылью культурных земель, а эта рента и прибыль—рентою и прибылью, получаемыми при производстве зерновых хлебов.

Однако, это приблизительное равенство ренты и прибыли с земли под травой и с земли под хлебом имеет место лишь в виде общего правила. При известной совокупности местных условий дело обстоит совсем иначе, и рента, и прибыль, получаемая с лугов, бывают далеко выше того, что можно нажить на зерновом хлебе. Так, в окрестностях большого города спрос на молоко и сено для лошадей, вместе с высокими ценами на мясо, нередко приводит к тому, что ценность травы поднимается гораздо выше того, что можно назвать ее естественным соотношением к цене на зерновой хлеб,—но очевидно, что это местное преимущество земель под травой не может быть передаваемо землям, расположенным далеко от города. Иногда, однако, совершенно особые условия приводили к такому сгущению населения в целых странах, что вся территория таких стран, подобно окрестностям большого города, оказывалась недостаточною для снабжения населения всем необходимым количеством хлеба и сена,—и в таком случае земля обращалась по преимуществу под производство трав, как громоздкого товара, который не может быть подвозим из отдаленных стран с таким удобством, как подвозится хлеб. В таком положении, повидимому, находится современная Голландия,—в таком же была большая часть Италии в эпоху процветания Рима: не даром, по приводимому Цицероном свидетельству Катона старшего, наиболее выгодным занятием для землевладельца считалось хорошо откармливать скот, вторым по выгоды — откармливать посредственно, третьим — откармливать плохо, а земледелие ставилось, по выгоды, уже на четвертом месте.

Во всех больших странах большая часть культурных земель занята для производства либо пищи для людей, либо корма для скота,—а потому рента и прибыль, получаемые на этих землях, регулируют ренту и прибыль, получаемые на землях, занятых под

все другие виды культуры. Если бы какой-либо отдельный продукт давал меньше, земля была бы скоро обращена под производство хлеба или под выпас—и наоборот, если бы он давал больше, то под производство его была бы обращена часть земли, занятой раньше под хлебом или пастбищем.

На первый взгляд, производства, требующие значительных либо первоначальных, либо текущих затрат на подготовку и обработку земли, дают обычно: первые—большую ренту, вторые—большую прибыль, чем производство зерновых хлебов или корма для скота. В действительности, однако, этот избыток дохода лишь редко превышает умеренный процент или вообще—возмещение повышенных издержек. Например, хмельник, плодовый сад или огород дают обычно и большую ренту землевладельцу, и большую прибыль фермеру, чем поле под хлебом или сенокосный луг; но для приведения почвы в соответственное состояние требуются гораздо большие издержки—откуда повышенная рента землевладельца; самое ведение хозяйства требует гораздо больше внимания и умения—откуда большая прибыль, причитающаяся фермеру, наконец, урожай—по крайней мере в хмельнике и плодовом саду—подвержен большим случайностям, а потому цена продукта должна не только покрывать все случайные потери, но и давать некоторую премию на риск. В конце концов и оказывается, что выгоды владельца от такого рода улучшений хозяйства никогда не превышают того, что необходимо для погашения связанных с ними первоначальных затрат.

Иногда случается, однако, что все то количество земли, какое может быть обращено под какую-нибудь определенную культуру, недостаточно для покрытия действительного спроса на ее продукты. В таком случае вся масса последнего пойдет на удовлетворение потребности тех, кто готов заплатить несколько дороже естественной цены; избыточная часть цены продукта, остающаяся за покрытием всех издержек по улучшению и обработке земли, может в таком случае—но именно только в таком случае!—не стоять ни в каком определенном соотношении с соответственной ценой избытка, получаемого в производстве хлеба или корма для скота, иначе сказать, может превышать ее почти-что в какой угодно степени,—и большая часть этого превышения поступает в ренту землевладельца. Например, обычное и естественное соотношение между рентою и прибылью, получаемыми при виноделии, и рентою и прибылями в хлебопашестве и производстве трав, будет иметь место лишь на тех виноградниках, которые дают обыкновенное простое вино, какое может быть получено более или менее везде, на всякой легкой, хрящеватой или песчаной почве. Но этого соотношения совершенно не будет наблюдаться на тех виноградниках, где производятся особо доброкачественные вина. Виноградная лоза в гораздо большей

степени подчиняется влиянию почвы, чем какое-бы то ни было плодородное дерево — она заимствует от почвы вкус, какого не может дать никакое хозяйство и никакой уход, — и этот особый вкус иногда бывает присущ или считается присущим продукту лишь немногих виноградников. В таком случае все предложение вина известного сорта остается далеко позади действительного спроса; все наличное количество этого вина может быть размещено между теми, кто готов заплатить дороже естественной цены, что естественно, поднимает цену такого вина выше цены обыкновенного вина; разница может быть больше или меньше, смотря по тому, насколько мода и редкость данного сорта вина обостряют соревнование покупателей; но каков бы ни был избыток цены, большая часть его поступает в ренту землевладельца. Аналогичные условия создают в колониях повышенную ренту земель под сахарным тростником и под культурою табака, и таким образом рента той части обработанной земли, продуктом которой является человеческая пища, регулирует ренту и большей части остальных культурных земель: ни один специальный продукт не может долго давать меньше, потому что земля была бы тотчас же обращена под другой род культуры; и если некоторые специальные продукты дают больше, то это потому, что количество земли, могущей быть использованною для данного рода культуры, недостаточно для того, чтобы удовлетворить действительному спросу.

Если затем в какой-либо стране обычно и излюбленно растительною пищею населения служит растение, которого самая обыкновенная земля дает гораздо больше, чем сколько самая плодородная земля дает зернового хлеба, при одинаковых или почти одинаковых затратах на культуру, то рента землевладельца, т. е. избыточное количество пищи, какое останется в его пользу за оплатою труда и за погашением капитала фермера вместе с обычною его прибылью, необходимо будет значительно выше. Так, рисовое поле производит гораздо больше пищи, чем самое плодородное поле под хлебом, — и хотя эта культура требует значительно большей затраты труда, но за покрытием всех издержек по оплате рабочих остается еще того больший излишек. В рисовых странах поэтому, на долю землевладельца достанется гораздо большая часть избыточного продукта, чем в странах, питающихся зерновым хлебом. Но рисовое поле — это во все времена года болото, а в известное время года — болото, затопленное водою; оно не годно ни под зерновой хлеб, ни под производство травы, ни под виноградник, ни под производство какого бы то ни было другого растительного продукта, полезного для людей, — а земли, пригодные для производства всех таких продуктов, негодны под рис. Поэтому даже в рисовых странах рента рисовых полей не может регулировать ренты других обработанных

земель, которые ни при каких условиях не могут быть обращены под производство этого растения. Иначе дело обстоит с картофелем.

По сходным причинам, он дает гораздо более высокую ренту, чем зерновой хлеб. Но земля, которая годна под картофель, годна и почти под всякое другое полезное растение; поэтому, если бы картофель занимал такую же часть обработанных земель, какую теперь занимает зерновой хлеб, он подобным же образом регулировал бы ренту большей части остальных культурных земель.

О Т Д Е Л II.

О продукте земли, который иногда дает ренту, а иногда не дает ее.

Пищевые продукты для людей представляют собою, повидимому, единственный род произведений земли, которые всегда и необходимо дают какую-нибудь ренту землевладельцу; продукты других категорий, смотря по обстоятельствам, иногда дают ренту, а иногда не дают ее.

После пищи, двумя главными потребностями человечества являются одежда и жилище. Земля в первобытном ее состоянии может доставить материал для жилища и одежды гораздо большему числу людей, чем сколько она может прокормить; в обработанном состоянии она, иногда, может прокормить больше людей, чем сколько она может снабдить материалами этого рода, — по крайней мере в том виде, как люди этого желают, и как они соглашаются заплатить за них. В первобытном состоянии, поэтому, всегда бывает значительный избыток материалов, могущих служить для изготовления жилища и одежды, которые, поэтому, в такие эпохи имеют лишь ничтожную ценность или вовсе не имеют ее; в культурном состоянии, напротив, в таких материалах испытывается недостаток, который необходимо повышает их ценность. В первом случае большая часть этих материалов отбрасываются, как бесполезные, и цена той их части, которая идет в дело, равна лишь стоимости труда и издержек для приведения ее в надлежащий вид и, следовательно, не может дать никакой ренты землевладельцу; во-втором все наличное количество материалов рассматриваемых категорий может найти себе употребление, и нередко спрос на них превышает наличный их запас; при таких условиях всегда найдутся люди, которые согласятся платить за эти материалы дороже, чем во сколько они обошлись, а потому их продажная цена всегда даст некоторую ренту землевладельцу.

Необходимо, однако, отметить, в данном отношении, известную разницу между материалами, служащими для постройки жилищ, и материалами, служащими для изготовления одежды. Первые да-

леко не всегда можно перевезти на столь значительные расстояния, как вторые, а потому они не столь легко становятся предметом иностранной торговли. Поэтому, если они имеются в избытке в какой-либо отдельной местности, то нередко, даже при нынешнем развитии мировой торговли, случается, что они не имеют никакой ценности для землевладельца. Так, сухой строевой лес, годный для построек, имеет большую ценность в густо-населенной культурной стране, а пространства, производящие такой лес, дают значительную ренту; напротив, во многих местностях Северной Америки землевладелец был бы очень обязан тому, кто взял бы на себя труд удалить большую часть больших деревьев, растущих на его земле, — и при расчистке последней, срубленные деревья остаются гнить. Когда строительные материалы данной категории имеются в таком избытке, то ценность той части их, которая идет в дело, не превышает труда и издержек на приведение их в пригодный для пользования вид; она не оставляет ренты землевладельцу, который обыкновенно предоставляет право пользоваться такими материалами всякому, кто попросит позволения, и только спрос более состоятельных наций дает ему иногда возможность получать ренту.

Населенность каждой страны пропорциональна не тому количеству людей, какое она может одеть и снабдить жилищем, а тому, какое она может накормить: если имеется на лицо пища, то без затруднений удастся найти необходимое для одежды и жилища, и напротив — при наличности последних нередко может оказаться затруднительным найти пищу. Это, в частности, имеет место в некультурном состоянии, в особенности же у диких и варварских племен: какая-нибудь сотая доля ежегодно затрачиваемого труда оказывается достаточною, чтобы снабдить людей одеждой и жилищем, остальные девяносто девять сотых едва достаточны для того, чтобы добыть необходимую пищу. Но когда в результате повышения производительности земли и улучшения культуры труд одной семьи оказывается достаточною, чтобы прокормить две, совокупный труд одной половины общества становится достаточною, чтобы снабдить все общество пищею; оставшая половина труда, или по крайней мере значительная часть ее, может быть обращена на добычу других предметов или на удовлетворение других потребностей и прихотей, которых главными объектами являются, как раз, одежда и жилище, а также всякая домашняя утварь и обстановка. Богатый человек потребляет, в сущности, не больше пищи, нежели его бедный сосед, хотя его пища, конечно, гораздо разнообразнее по качеству, а приготовление ее может требовать гораздо больше труда и искусства.

Но сравните обширные палаты и разнообразный гардероб богача с лачугою и несколькими тряпками бедняка, и вы увидите, что

разница в их жилище, одежде и домашней утвари одинаково велика и по количеству, и в качестве; потребность в пище ограничена вместимостью желудка каждого человека,—тогда как потребность в предметах удобства и в украшении жилища, в одежде, домашней утвари и обстановке не имеет, повидимому, никакой определенной границы. Поэтому те, кто имеет возможность распоряжаться большим количеством пищи, чем сколько они могут потребить сами, всегда готовы отдать избыток или—что тоже—цену этого избытка—за предметы, способные удовлетворить только что указанным потребностям других категорий. А бедняки, ради приобретения необходимой пищи, трудятся, чтобы удовлетворить прихотям богатых, и чтобы вернее достигнуть своей цели, они соперничают друг с другом в дешевизне и совершенстве своей работы. Количество таких работников возрастает вместе с количеством пищи, следовательно,—с ростом культуры и улучшением сельского хозяйства; а так как характер их работы допускает чрезвычайно широкое разделение труда, то количество материала, какое они могут переработать, растет еще гораздо скорее, чем число самих работников. Отсюда возникает спрос на всякого рода материалы, какие может использовать человеческая изобретательность, в целях улучшения или украшения построек, одежды, домашней утвари и обстановки,—иначе сказать спрос, на ископаемые и минералы, скрытые в недрах земли, и на драгоценные камни и металлы. И таким образом пища является не только первоначальным источником ренты, но и все другие виды произведений земли, которые впоследствии начинают давать ренту, заимствуют соответственную часть своей ценности от усиления производительности труда, затрачиваемого на добывание пищевых продуктов путем улучшения обработки земли.

Однако, эти другие виды произведений земли, позже начинающие давать ренту, дают такую не всегда. Даже в цивилизованных и культурных странах, спрос на эти продукты не всегда достаточен, чтобы дать большую цену, чем необходимо для оплаты затраченного труда и для восстановления капитала с обычною прибылью;—будет ли он достаточным для этого или нет—это зависит от различных обстоятельств. Так, например, наличие или отсутствие ренты с каменноугольной копи зависит частью от степени ее богатства, частью от ее местоположения.

Рудник или копи всякого рода признаются богатыми или бедными, смотря по тому, дают ли они, при данной затрате труда, большее или меньшее количество минерала, чем дают, при той же затрате труда, большинство рудников или копей данной категории. Есть выгодно расположенные копи, которые, однако, не обрабатываются вследствие их бедности,—продукт их не оплачивает издержек, и, следовательно, они не дают ни прибыли, ни ренты. Есть такие, производительность

которых едва достаточно, чтобы оплатить рабочих и восстановить капитал с обычными процентами,—они дают известную прибыль предпринимателю, но не дают особой ренты землевладельцу; они могут быть, поэтому, с выгодой вырабатываемы только земледельцем, который, будучи в то же время предпринимателем, будет получать соответствующую прибыль на затраченный капитал. Другие каменноугольные копи, достаточно богатые, однако, не могут эксплуатироваться в виду их местоположения: они могли бы дать с обычной или даже с меньшею, нежели обычная, затратою труда количество минерала, достаточное для покрытия издержек разработки; но в удаленной от моря и редко населенной стране, лишенной хороших дорог и водных сообщений, это количество не могло бы найти себе сбыта.

В свою очередь, цены лесных материалов изменяются вместе с изменениями в состоянии земледелия, приблизительно так же, и по той же самой причине, как цены скота. В эпохи зачаточного состояния земледелия большая часть пространства каждой страны покрыта лесом, являющимся лишь обременением для землевладельца, который охотно соглашается отдать его даром, на сруб. По мере развития земледелия площадь лесов постепенно сокращается, частью под влиянием расчисток под пашню, частью—благодаря вреду, наносимому насаждениям пастью увеличивающегося скота. Недостаток леса поднимает его цену; лес дает, поэтому, значительную ренту, и землевладелец, иногда, не находит более выгодного употребления для своих лучших земель, как выращивать на них строевой лес, высокие цены которого с избытком возмещают продолжительность оборота капитала; таково, повидимому, современное положение дел в некоторых частях Великобритании, где разведение леса дает одинаковые выгоды с хлебопашеством и скотоводством. Выгоды от лесоразведения никогда не могут превышать—по крайней мере на продолжительное время, ренты с данной земли,—но в высококультурной стране, удаленной от моря, они часто будут немногим ниже ренты.

Какова бы ни была, однако, цена лесных материалов,—максимумом цены угля будет та, при которой стоимость отопления углем будет приблизительно та же, что отопление дровами.—А в странах, производящих каменный уголь, цена последнего далеко не достигает этого максимума. Если бы это было иначе, уголь не мог бы вынести издержек дальней перевозки, все равно, водою или сухим путем, и, следовательно, лишь небольшое количество угля находило бы себе сбыт. Поэтому руководители работы, владельцы копей находят для себя более выгодным продавать большое количество угля по цене, несколько превышающей необходимый минимум, чем продавать небольшое количество, хотя бы и по самой высокой цене. При этом

наиболее богатая копь регулирует цену угля, добываемого на всех копиях данной местности: как собственник, так и предприниматель этой копи одинаково находят для себя наиболее выгодным продавать несколько дешевле, чем продают соседи, и этим путем получать первый большую ренту, второй—большую прибыль. Они вынуждают этим и соседей продавать по той же цене, хотя им гораздо труднее идти на такую цену, и хотя цена, постепенно понижаясь, в конце концов уносит у них и ренту, и прибыль; известная часть копей, при таком положении дел, забрасывается, другие перестают давать ренту, и следовательно, могут разрабатываться только владельцами. Понятно, что низшая цена, по какой может быть продаваем каменный уголь в течение сколько-нибудь продолжительного времени, как и всякого другого товара,—это та, которая лишь восстанавливает затраченный на эксплуатацию капитал, с обычно на него прибылью; этому уровню приблизительно соответствует цена угля в копи, владелец которой не может получить ренты, и которую он поэтому вынужден или забрасывать, или обрабатывать сам.

Если сравнить каменноугольную копь с металлическими рудниками, то мы увидим, что ценность угольной копи для ее владельца определяется в одинаковой мере и местоположением и богатством ее; ценность рудника, напротив, в большей мере определяется богатством, чем местоположением. Дело в том, что даже грубые, а тем более—драгоценные металлы, раз они очищены от посторонних примесей, приобретают столь высокую ценность, что могут, обычно, вынести очень продолжительную сухопутную и самую продолжительную морскую перевозку; рынок сбыта их, поэтому, не ограничен ближайшими к руднику местностями, но распространяется на весь мир. Но в таком случае цена всякого металла на всяком руднике регулируется, некоторым образом, ценою его на самом богатом из разрабатываемых в данное время рудников всего мира; а раз это так, то цена металла на большей части рудников может дать разве только небольшой излишек сверх издержек разработки, и, следовательно, она лишь редко может дать владельцу значительную ренту. И в самом деле—рента, повидимому, для большинства рудников составляет лишь небольшую часть цены даже грубых металлов, и еще гораздо меньшую часть цены драгоценных металлов; главную часть цены тех и других составляют оплата труда и прибыль на капитал.

Что касается, в частности, цен драгоценных металлов, то самая низкая цена, по какой они могут продаваться, или—что то же—наименьшее количество других полезностей, на какое они могут промениваться в течение более или менее продолжительного времени,—регулируется теми-же самыми началами, как и обычная низшая цена всех других товаров: она определяется тем капиталом,

который должен быть затрачен, тем количеством пищи, и одежды, и материалов для устройства жилища, какое должно быть потреблено при добыче драгоценного металла и при доставке его на рынок,—она должна быть по меньшей мере достаточна для восстановления капитала с обыною на него прибылью. Что касается затем до высшей их цены, то она едва-ли определяется чем-либо иным, кроме изобилия или недостатка их в данное время. Спрос на эти металлы происходит частью от их полезности, частью от их красивого вида. Драгоценные металлы, пожалуй, приносят большую пользу, нежели какие бы то ни было другие металлы, кроме, конечно, железа: они менее подвержены ржавчине и загрязнению, а потому легче могут быть содержимы в чистоте,—что делает их, во многих случаях, особенно пригодным материалом для изготовления кухонной и столовой утвари. Но, конечно, главный источник их ценности—это их красивый вид, который делает их особенно пригодными для украшения одежды и домашней утвари,—никакая окраска или лакировка не может придать чему-либо такого великолепного цвета, как позолота. А затем, конечно, достоинства драгоценных металлов, вытекающие из их красивого вида, значительно повышаются благодаря их редкости. Главное наслаждение, которое доставляет большинству богатых людей их богатство,—это возможность похвастаться перед другими своим богатством, которое никогда не имеет в их глазах столь большого значения, как когда они обладают такими предметами, какими никто, кроме них, не обладает.

Перечисленные качества—полезность, красота и редкость, являются первоначальным источником высокой ценности драгоценных металлов; эта их ценность предшествовала их употреблению в качестве денежных знаков и не зависит от этого употребления,—напротив, именно эта высокая ценность есть то их свойство, которое сделало драгоценные металлы особенно пригодными для употребления в качестве денег. Но, конечно, это употребление, являясь источником нового спроса на драгоценные металлы и сокращая то количество их, которое может быть использовано для других целей, легко могло, впоследствии, способствовать поддержанию или даже повышению их ценности.

Так как цена драгоценных металлов регулируется во всем свете ценою их на наиболее богатых рудниках, то рента, приносимая владельцу каким-либо рудником, определяется не его абсолютным, а тем, что можно назвать его относительным богатством,—иначе сказать, избытком его производительности над производительностью других рудников той же категории. С имуществами на поверхности земли дело обстоит иначе—ценность как их продукта, так и их ренты зависит от их абсолютной, а не от их относительной производительности. Участок земли, который производит известное количество продуктов, служащих для изготовления пищи, одежды или жилища, всегда

может прокормить, одеть и поместить соответствующее число людей; и какова бы ни была доля, которая достанется землевладельцу, этот участок всегда даст ему возможность распоряжаться трудом этих людей, и теми полезностями, которыми может снабдить его этот труд. Наиболее бесплодные земли не обесцениваются от соседства наиболее плодородных,—напротив, ценность первых от этого даже повышается: те люди, которые существуют в большом числе насчет произведений плодородных земель, образуют рынок для многих видов продукта менее плодородных земель; иначе эти продукты не могли бы найти себе сбыта среди того немногочисленного населения, которое собственно эти земли могли бы прокормить. Поэтому все, что увеличивает плодородие земель, производящих пищевые продукты, повышает не только ценность тех земель, которые подвергаются таким образом улучшению, но способствует повышению ценности и многих других земель, создавая новый спрос на их продукты. Являющийся результатом земельных улучшений избыток пищи, которым многие люди получают возможность свободно распоряжаться сверх того, что необходимо для их потребления, представляет собою главный источник спроса на драгоценные металлы и драгоценные камни, равно как и на все прочие удобства и украшения в одежде, жилище, домашней утвари и обстановке. Пищевые продукты, таким образом, не только представляют собою основную часть мирового богатства, но изобилие пищевых продуктов является вместе с тем и источником значительной части ценности многих других видов богатства.

Заключение. Я окончу эту главу замечанием, что всякое улучшение в состоянии общества прямо или косвенно подымает действительную земельную ренту и увеличивает действительное богатство землевладельца, т. е. дает ему большую возможность покупать чужой труд или произведения чужого труда.

Распространение улучшений в сельском хозяйстве и более совершенной обработки земли действует непосредственно: чем более увеличивается количество продуктов, тем, непременно, больше возрастает и доля земледельца.

Возвышение действительной цены этих сырых продуктов, сначала являющееся последствием улучшения земли и ее обработки, а потом вызывающее дальнейшие улучшения,—например, возвышение цены на скот, также непосредственно поднимает, и при том еще в больших размерах, ренту землевладельца. С возрастанием ценности земледельческих продуктов увеличивается не только действительный размер дохода, который приходится на долю земледельца, или возможность для него располагать трудом других, но растет и отношение этой доли к общему количеству добытых продуктов. И после-

повышения цены и продуктов,—чтобы собрать их, не требуется больше труда, чем прежде. А следовательно, употребленный в дело капитал, вместе с обычными прибылями, может быть возмещен сравнительно меньшею долею продукта,—и следовательно, большая доля достанется землевладельцу.

Всякое повышение производительной силы труда, непосредственно действуя на понижение действительной цены продуктов обрабатывающей промышленности, косвенно увеличивает действительную земельную ренту. На эти продукты обрабатывающей промышленности обменивает землевладелец ту часть своих сырых продуктов, которая остается у него от личного потребления или, что то-же самое, на них он обменивает цену этой части. Все, что понижает действительную цену первых, увеличивает действительную цену последних; то-же количество сырых продуктов соответствует уже большему количеству подешевевших фабричных изделий, и землевладелец получает возможность купить больше предметов удобства или роскоши, в которых он нуждается.

Всякое увеличение действительного богатства общества, всякое увеличение количества затрачиваемого в его среде полезного труда косвенно подымает действительную ренту с земли. Некоторая часть этого вновь затрачиваемого труда естественно идет на культуру земли; на ее обработку употребляется большее число рабочих рук и скота; количество добытых продуктов возрастает по мере того, как увеличивается затрачиваемый на культуру земли капитал, а вместе с ростом продуктов растет и самая рента.

Противоположные обстоятельства, то-есть небрежение к улучшениям земли, плохая культура, падение действительной цены сырых продуктов, вздорожание фабричных изделий, вызванное упадком промышленности, наконец, сокращение действительного богатства общества,—все это ведет к уменьшению действительной ренты с земли, к сокращению действительного богатства землевладельца, т. е. сокращает для него возможность располагать трудом других или произведениями этого труда.

Общая масса ежегодного продукта земли и труда в стране, или, что то же самое, общая сумма цен этого годового продукта, естественно распадается, как было объяснено выше, на три части: ренту с земли, заработную плату и прибыль с капитала, и каждая из этих трех частей составляет доход трех различных классов народа: тех, кто живет рентою, тех, кто живет заработной платою, и тех, кто живет прибылью с капитала. Эти три большие группы составляют первоначальные и основные составные

части каждого развитого общества; из доходов их, в конце концов, получают свой доход остальные классы.

Из того, что было сказано выше, видно, что интерес первого из этих трех классов тесно, неразрывно связан с интересом целого общества. Все, что полезно или вредно одному из этих интересов, непременно полезно или вредно другому. Когда обсуждаются какие-нибудь меры в отношении торговли или торговой политики, землевладельцы никогда не могут сбить общество с толку, даже если будут думать исключительно о личных интересах своего класса, конечно, при предположении, что им доступно самое элементарное понимание того, в чем состоит их личный интерес. Надо, однако, признаться, что им слишком часто недостает этого простого понимания. Из всех трех классов общества это—единственный, которому получаемый им доход не стоит ни труда, ни хлопот, и которому он достается, так сказать, сам собой, не требуя от него никакого предварительного плана и программы деятельности. Вследствие беззаботности, составляющей естественный результат столь спокойного и удобного положения землевладельцев, они часто не только пребывают в совершенном непонимании последствий, к которым может привести какая-нибудь принимаемая мера, но даже теряют способность поразмыслить над такими вопросами.

Выгоды второго класса, живущего заработной платой, также тесно, как и выгоды первого, связаны с общим интересом народа. Уже было указано раньше, что заработная плата бывает выше всего тогда, когда спрос на рабочих постоянно усиливается, т. е. когда год от году сильно увеличивается количество труда, употребляемого на производство. Когда же действительное богатство общества перестает увеличиваться, то заработная плата скоро падает до размера, достаточного лишь для того, чтобы рабочие могли вырастить детей и таким образом продлить существование класса рабочих. Когда же состояние общества клонится к упадку, заработная плата падает даже ниже этого размера. При процветании общества класс землевладельцев может выиграть, пожалуй, и больше, чем рабочие, но ни один класс не испытывает таких жестоких бедствий при его упадке, как именно класс рабочих. Хотя интерес рабочего тесно связан с интересами целого общества, однако, этот класс не способен ни понять этого общего интереса, ни уразуметь связи его с своим собственным интересом. Положение рабочего таково, что не оставляет ему достаточно времени, чтобы приобрести необходимые для этого сведения; да если даже и предположить, что он вполне располагает ими, то его воспитание и привычки все-таки не дадут ему возможности верно судить о своем положении. Вот почему, при обсуждении общественных вопросов, его голос мало слышится и еще менее обращает на себя внимание, за исключением разве особых

случаев, когда его жалобы вызваны и поддерживаются людьми, которые пользуются трудом рабочего и, оказывая ему свою поддержку, руководствуются скорее собственными, нежели его выгодами.

Те, которые нанимают рабочих, составляют третий класс — людей, живущих прибылью. Во всяком обществе наибольшая часть полезного труда приводится в движение капиталом, который употребляется в дело с целью получения прибыли. Все самые важные работы предпринимаются и направляются по планам и расчетам тех, кто употребляет в дело капитал, причем конечная цель таких планов и расчетов состоит в том, чтобы получить прибыль с этих капиталов. Но величина прибыли не возрастает, как величина ренты или заработной платы, вместе с благосостоянием общества, и не понижается вместе с его упадком. Напротив, прибыли естественно бывают низки в странах богатых и высоки в странах бедных, и они нигде не бывают так велики, как в странах, которые быстрее всего идут к разорению. Следовательно, интерес третьего класса не имеет той связи с общим интересом страны, как интерес двух первых классов. Купцы и фабриканты составляют в этом классе два разряда людей, которые обыкновенно употребляют в дело самые крупные капиталы и пользуются, по своему богатству, наибольшим уважением. Так как они всю свою жизнь заняты проектами и расчетами, то и отличаются часто более тонкою сообразительностью, чем большая часть землевладельцев.

Но, постоянно изощряя свой ум на интересах своего специального дела, а не на общем благе, они всегда будут, даже при полной добросовестности (которая, однако, не всегда встречается), склонны руководствоваться скорее первым, нежели вторым из этих интересов. Их превосходство перед землевладельцами состоит не в том, что они лучше их сознают общественное благо, а в том, что они гораздо точнее землевладельцев понимают свои собственные интересы. Прекрасное понимание собственных интересов часто помогало капиталистам обманывать землевладельцев, действуя на их великодушие: последние нередко отказывались от своих личных выгод, и следовательно, связанного с ними общественного блага под влиянием простодушного, но честного убеждения, что общественное благо совпадает с интересами капиталистов, а не землевладельцев. В действительности же интерес тех, кто занимается какою-нибудь отдельною отраслью торговли или промышленности, в некоторых отношениях не только не имеет ничего общего с общественным благом, но и прямо противоположен ему. Так, интерес торговца состоит всегда в расширении рынка и в сокращении конкуренции. Если расширение рынка часто может совпадать с интересами публики, то сокращение конкуренции продавцов всегда прямо противоположно им, и только может дать торговцам возможность поднять свою при-

быль гораздо выше ее естественного размера и, стало быть, наложить несправедливый налог в свою пользу на своих сограждан. Всякое, делаемое этим классом людей, предложение о введении какого-нибудь нового закона или торгового устава должно быть всегда встречаемо с величайшим недоверием и принимаемо лишь после продолжительного, тщательного и даже подозрительного рассмотрения его. Не надо забывать, что предложение идет от того класса людей, интерес которого никогда не может совпадать с интересом целого общества, и который вообще находит свою выгоду в том, чтобы обманывать публику и эксплуатировать ее, что он во многих случаях и прodelывал.

СПбГУ

КНИГА ВТОРАЯ.

О природе капитала, его накоплении и употреблении.

Введение.

Пока общество находится в младенческом состоянии, когда еще нет никакого разделения труда, когда не происходит почти никакой мены, и каждый принужден сам запасаться всем, что ему нужно, тогда для того, чтобы дела шли своим чередом, нет надобности ни в каких заранее накопленных запасах. Каждый находит в своем собственном труде средства для удовлетворения своих потребностей по мере того, как они дают себя чувствовать ему. Если он чувствует голод, то идет в лес на охоту; если износилось его платье, он одевается в шкуру первого, крупного, убитого им зверя, а если начинает разваливаться его хижина, то он сам исправляет ее, как умеет, при помощи древесных ветвей и земли, которые у него окажутся под рукой.

Но как только вошло в общее употребление разделение труда, человек может своим личным трудом удовлетворить лишь самую малую часть своих потребностей, а наибольшую часть их он удовлетворяет произведениями чужого труда, которые приобретает в обмен на то, что произвел собственными руками, или, что тоже самое, на цену произведений своего труда. Но такая покупка не может состояться раньше, чем когда его работа будет закончена и продана. Необходимо, следовательно, чтобы на это время где-нибудь были на-готове заранее накопленные запасы разных предметов в таком количестве, чтобы он мог не только сам просуществовать на них, но и приобрести материалы и орудия, необходимые ему для работы. Ткач, например, не может заняться всецело своим специальным делом, если нет наготове, в его ли собственном распоряжении, или у третьего лица, запаса предметов, на которые он

мог бы существовать и из которого мог бы получить орудия и материалы, необходимые для его работы на все то время, пока он успеет не только сработать, но еще и продать свою ткань. Очевидно, что такие запасы должны быть заготовлены раньше, чем он засядет надолго за свою специальную работу.

Далее, так как, по естественному ходу вещей, накопление запаса непременно предшествует разделению труда, то все большее подразделение последнего на отдельные отрасли может происходить лишь пропорционально все усиливающемуся накоплению запасов. По мере того, как усиливается разделение труда, в значительной степени увеличивается и количество материалов, перерабатываемых тем-же самым числом рабочих, а так как работа каждого из них постепенно сводится к все простейшим операциям, то в результате изобретается множество новых машин для облегчения и упрощения этих операций. Следовательно, для того, чтобы при усиливающемся разделении труда то-же число рабочих могло постоянно находить себе работу, необходимо, чтобы заранее были заготовлены в прежнем количестве средства существования, а необходимые для работы материалы и орудия — еще в большем количестве, чем сколько их нужно было при прежних условиях труда. Между тем, и число рабочих в общем увеличивается в каждой отрасли промышленности по мере того, как усиливается разделение труда, или, вернее сказать, именно увеличение числа рабочих дает им возможность распределиться соответственно усиливающемуся разделению труда.

Как производительная сила труда не может значительно развиваться без помощи заранее накопленных запасов, точно также и накопление запасов, в свою очередь, естественно вызывает такое развитие. Человек, употребляющий свой запас на то, чтобы заставить работать других, непременно старается распорядиться им так, чтобы за его счет исполнилось как можно больше работы; он старается, следовательно, как можно целесообразнее распределить занятия между рабочими и снабдить их наилучшими машинами, какие только может придумать или приобрести. Способы для успешного достижения той и другой цели зависят, в общем, от размеров его запаса или от числа людей, которых он может занять работою. Таким образом, в каждой стране, соответственно умножению запасов, не только увеличиваются размеры производства, но производство данного размера дает гораздо большее, чем прежде, количество продукта.

Вот в чем состоит, в общем, влияние умножения запасов на промышленность и производительную силу труда.

В настоящей книге я старался объяснить природу запасов, влияние, которое имеет накопление их в форме капиталов разного

рода, и результаты разнообразного применения этих капиталов. Книга эта разделена на пять глав.

В первой главе я старался выяснить отдельные части, на которые естественно делятся накопленные запасы как отдельного лица, так и целого общества.

Во второй главе я рассматриваю природу и обращение денег, как особой части совокупного капитала общества.

Запасы, накопленные в виде капитала, могут быть употреблены в дело тем самым лицом, которому они принадлежат, или отданы им в ссуду другому лицу: способы их обращения в том и другом случае рассмотрены в третьей и четвертой главе.

В пятой и последней главе объясняется влияние разных помещений капиталов как на размеры производства в стране, так и на годовичное количество продуктов земли и труда.

I.

О разделении накопленного запаса.

Когда накопленного запаса, которым владеет человек, достает только на то, чтобы просуществовать несколько дней или недель, то он, конечно, только в очень редких случаях станет думать о получении с него какого-нибудь дохода. Он просто тратит его как можно бережливее на собственные нужды, при чем старается своим трудом восполнить его прежде, чем он совершенно истощится; весь доход свой он получает, в этом случае, только с своего труда. В таком положении находится наибольшая часть неимущих рабочих в каждой стране.

Если же кто-нибудь обладает таким запасом накопленных произведений, которого ему достаточно для того, чтобы прожить месяцы или даже годы, то он, конечно, старается извлечь какой-нибудь доход из большей части своего запаса, оставляя для своего потребления лишь столько, сколько нужно, чтобы прожить до тех пор, пока начнет получаться этот доход. Таким образом, весь его запас делится на две части. Одна часть, с которой владелец рассчитывает получить доход, называется его капиталом, а другая часть идет непосредственно на его собственное потребление и состоит: во-первых, из той части накопленного запаса, которая была первоначально назначена на это потребление; во-вторых, из его дохода, по мере поступления последнего, из какого бы источника он ни поступал; в третьих, наконец, из предметов, купленных им в предшествовавшие годы на ту или другую часть его запаса, но еще не потребленных окончательно, как, например,

из платья, домашней утвари и подобных им предметов. Каждая из этих трех частей, или все три части вместе, составляют тот запас предметов, который обыкновенно сохраняется людьми для их непосредственного личного потребления.

Есть два различных способа использования капитала, назначенного владельцем для получения дохода или прибыли. Во-первых, капитал можно употребить на производство сырья, на его переработку или на покупку товаров, с целью перепродажи с барышом. Капитал, употребленный таким способом, не может приносить своему владельцу дохода или прибыли, пока остается в его обладании и сохраняет свою прежнюю форму. Товары какого-нибудь торговца не дадут ему никакого дохода или прибыли, пока он не обратит их в деньги, и деньги не дадут ему никакого барыша, пока он опять не обменяет их на товары. Его капитал постоянно выходит из рук своего владельца в одной форме и возвращается к нему в другой форме, и, если он может доставить ему прибыль, то лишь в результате такого постоянного обращения, или таких последовательных обменов. Капиталы такого рода, по всей справедливости, могут быть названы оборотными капиталами. Но капитал может быть употреблен также и на улучшение земли, на покупку полезных машин и инструментов или других подобных им предметов, могущих дать доход или прибыль без перехода из рук в руки и без дальнейшего обращения. Такие капиталы могут быть названы капиталами постоянными.

В различных промыслах и производствах соотношение между постоянным и оборотным капиталом бывает весьма разнообразно.

Так, весь капитал купца состоит исключительно из одного оборотного капитала. Купцу совсем не нужны ни машины, ни орудия, если не причислять к ним его лавки или амбара.

Но хозяину-ремесленнику или мануфактуристу необходимо всегда иметь некоторую часть постоянного капитала в виде орудий промысла. В одних производствах эта часть капитала весьма незначительна, тогда как в других она очень велика. Орудия производства портного заключаются только в нескольких иглоках; орудия сапожника стоят несколько дороже, орудия ткача—значительно дороже, чем орудия сапожника. Но наибольшая часть капитала всех этих ремесленников находится в постоянном обороте—то в заработной плате рабочих, то в цене сырых материалов, и в конце-концов возвращается с прибылью в выручке за проданные продукты.

Но есть другие производства, требующие гораздо большего постоянного капитала. На железо-делательном заводе, например, печь для плавки руды, горн и железо-резные станки представляют собою такие орудия производства, которые не могут быть установлены без больших затрат. В каменно-угольных коях и рудниках всякого

рода машины для откачивания воды и для других операций часто стоят еще несравненно дороже.

Та часть капитала, которую фермер затрачивает на сельскохозяйственные орудия, составляет постоянный капитал, а та часть, которую он употребляет на заработную плату и продовольствие рабочих,— капитал оборотный. С первого он получает прибыль, не выпуская его из своих рук, а со второго он получает эту прибыль, постоянно расходуя его. Цена или стоимость рабочего скота—такой же постоянный капитал, как и сельскохозяйственные орудия, а корм для скота—такой же оборотный капитал, как и продовольствие рабочих. Фермер получает прибыль со своего скота и инвентаря, сохраняя их в своих руках, а с корма для скота—постоянно выпускающая его из рук. Что же касается до скота, который он покупает и откармливает не для того, чтобы им работать, а для того, чтобы его перепродать, то покупная цена и корм этого скота составляют оборотный капитал, ибо он получает с них прибыль, не сохраняя их в своих руках. В скотоводческих странах стадо овец или крупного рогатого скота, приобретенное не для работ и не для перепродажи, а для получения прибыли на шерсти, молоке и приплоде, составляет постоянный капитал. Доход с этих животных фермер получает, сохраняя их в своих руках; корм же этого скота есть капитал оборотный,—доход с него получается вследствие его обращения, при чем представляемый им капитал возвращается с прибылью с него самого и со стоимости целого стада, в выручке от проданной шерсти, молока и приплода. Стоимость семян, строго говоря, также составляет постоянный капитал. Хотя они беспрестанно то поступают с поля в амбар, то опять выходят из него, однако, они никогда не меняют своего хозяина, который получает доход не от продажи их, а от размножения зерна.

Накопленный запас произведений страны или общества представляет собою то же, что и запас всех жителей этой страны или членов этого общества, и естественно разделяется на те же три части, из которых каждая имеет свое особое назначение.

Первая часть — та, которая предназначена непосредственно для потребления, и отличительное свойство ее состоит в том, что она не приносит дохода или прибыли. Она состоит из запаса продовольствия, платья, мебели, домашней утвари и пр.,— из всего, что закуплено, но еще не прожито потребителями. В состав этой первой части запаса входят еще все существующие в стране здания, назначенные собственно для жилья. Если дом назначен под квартиру владельца, то с этого самого времени капитал, употребленный на постройку дома, перестает быть капиталом и приносить владельцу доход. Жилой дом, как таковой, не дает дохода тому, кто его занимает, и хотя неоспоримо, что такой дом чрез-

вычайно полезен своему обитателю, однако, в этом случае он представляет то же, что его платье, мебель, домашняя утварь, которые хотя также очень полезны ему, однако, составляют часть его расхода, а не дохода. Положим затем, что дом предназначен к отдаче в наем; так как сам по себе такой дом ничего произвести не может, то очевидно, что наниматель должен оплатить наемную плату за квартиру из какого-нибудь другого дохода, получаемого с труда, капитала или земли. Следовательно, хотя дом и может давать доход своему владельцу и тем самым служить ему капиталом, однако он не может ни давать прибыли целому обществу, ни исполнить по отношению к последнему роли капитала, ибо он никогда не может прибавить даже самой ничтожной частицы к совокупному доходу народа. Одежда, мебель, домашняя утварь также приносят иногда доход своим владельцам, для которых они тогда имеют значение капитала. Так, в странах, где в большом ходу маскарады, отдача на прокат костюмов на одну ночь составляет своего рода промысел. Обойщики часто отдают внаймы мебель помесечно и погодно. Гробовщики отдают на прокат подневно или понедельно все принадлежности похоронных процессий. Многие отдают внаймы меблированные комнаты и получают доход от сдачи не только квартир, но и всей их обстановки.

Но доход, получаемый со всех подобных предметов, в конце-концов вытекает из какого-нибудь постороннего источника.

Из всех частей накопленного запаса, назначаемого отдельным лицом или обществом для его непосредственного потребления, та часть, которая вложена в дома, потребляется медленнее всего: запас одежды может прослужить несколько лет; запас мебели и домашней утвари—полстолетия или целое столетие, а запас, состоящий из домов, прочно выстроенных и хорошо содержимых, может существовать несколько столетий.

Но хотя сроки полного потребления домов и весьма продолжительны, однако в действительности они представляют собою такие же предметы непосредственного потребления, как одежда, мебель и пр.

Вторую из трех частей, на которые делится совокупный запас общества, составляет постоянный капитал, отличительное свойство которого заключается в том, что он приносит доход или прибыль, без обращения, не меняя владельца. Он состоит главным образом из следующих 4 статей:

1. Всех полезных машин и орудий, облегчающих и сокращающих труд.

2. Всех доходных построек, если они приносят доход не только владельцу, получающему плату за наем, но и тому, кто их занимает и платит наемную плату. Таковы: лавки, магазины, мастер-

ские, сельско-хозяйственные постройки со всеми их принадлежностями—конюшнями, ригами и пр. Эти постройки резко отличаются от домов, назначенных только для жилья: они—своего рода орудия производства, и на них можно смотреть с той же точки зрения, как и на эти последние.

3. Улучшений земли, под которыми разумеется все, что было производительно израсходовано на расчистку, осушение, городьбу, унавожение и вообще на приведение земель в состояние, наиболее удобное для культуры. На ферму, таким образом улучшенную, можно с полным правом смотреть так же, как на полезные машины, облегчающие и сокращающие труд, при помощи которых один и тот же оборотный капитал может дать владельцу гораздо больший доход. Благоустроенная ферма так же выгодна, как и эти машины, и притом она гораздо долговечнее каждой из них: очень часто такая ферма не требует никакого ремонта, кроме наиболее выгодного применения к делу капитала, вложенного фермером на его эксплуатацию.

4. Полезных способностей, приобретенных жителями страны или членами общества. Для приобретения этих способностей требуются всегда не малые расходы на содержание того, кто старается приобрести их, во все время его воспитания, обучения или ученичества, и все эти расходы составляют как бы постоянный капитал, реализованный, так сказать, в личности учащегося. Если эти дарования составляют часть его личного богатства, то они в то же время составляют и часть богатства целого общества, к которому он принадлежит. На ловкость, приобретенную рабочим, можно смотреть точно так же, как на машину или орудие, которые облегчают и сокращают труд, возвращая владельцу с прибылью все сделанные на них расходы.

Последняя из трех частей, на которые естественно делится совокупный запас, принадлежащий обществу, это—оборотный капитал, отличительное свойство которого состоит в том, что он дает доход только переходя из рук в руки и меняя хозяина. Этот капитал состоит также из четырех статей.

1. Денег, при помощи которых остальные три статьи обращаются и распределяются между соответственными потребителями.

2. Запасов продовольствия, которые находятся в распоряжении мясника, скотопромышленника, фермера, хлебного торговца, пивовара и др., от продажи которых они надеются получить прибыль.

3. Сырых запасов или полуфабрикатов, назначенных на приготовление одежды, мебелировку и постройку домов, если они еще не приведены в окончательный вид и находятся в руках сельских хозяев, мануфактуристов, швецов, суконных торговцев, лесопромышленников, плотников, столяров, каменщиков и пр.

4. Наконец, из таких изделий, готовых и вполне оконченных, которые находятся еще в руках кушцов и мануфактуристов и не поступили в распоряжение потребителей, т.-е. не проданы. Таковы все товары, которые выставляются на продажу в лавках слесарей, мебельщиков, золотых дел мастеров, ювелиров, фабрикантов фарфора и др.

Итак, оборотный капитал состоит из продовольствия, сырых материалов и всякого рода изделий, пока они не вышли из рук соответствующих продавцов, и, наконец, из денег, которые необходимы для обращения всех этих предметов и для доставления их в распоряжение тех, кто в конце всего должен использовать или потребить их. Из этих четырех статей три—сестные припасы, материалы и готовые изделия, обыкновенно в течение года, или в срок более или менее продолжительный, извлекаются из оборотного капитала и поступают или в капитал постоянный, или в запас, назначенный для непосредственного потребления.

Всякий постоянный капитал первоначально происходит из капитала оборотного и постоянно должен быть пополняем за его счет. Все машины, например, и орудия производства в сущности изготовляются за счет оборотного капитала, доставляющего как нужный материал, так и средства существования рабочих, их приготовляющих. Чтобы содержать их в порядке, опять нужно обращаться к помощи того же капитала. Никакой постоянный капитал, затем, не может давать дохода иначе, как при помощи оборотного капитала. Самые полезные машины и орудия производства сами по себе не могут произвести ничего, без помощи оборотного капитала, который доставляет им материал для переработки и средства для содержания рабочих, на них работающих. Как бы хорошо ни была обработана земля, но и она не даст дохода без оборотного капитала, на который содержатся рабочие, ее возделывающие и снимающие с нее жатву.

Как постоянные, так и оборотные капиталы не имеют иной цели и иного назначения, как содержание и умножение запасов потребления. На счет этих запасов народ кормится, одевается и имеет помещение. Его богатство или бедность зависит от того, обильно или скудно пополняются за счет того или другого рода капиталов запасы, назначенные для непосредственного потребления.

Так как весьма большая часть оборотного капитала постоянно извлекается из него и поступает в ту или другую из остальных двух частей совокупного запаса общества, то этот капитал должен, в свою очередь, возобновляться новыми в него поступлениями, иначе он иссякнет очень скоро. Эти поступления притекают к нему из трех главных источников—земледелия, рудников и рыболовства. Эти источники доставляют постоянно новые запасы сестных припасов

и сырых материалов, часть которых обращается потом в обработанные изделия, и таким образом восполняется в оборотном капитале то, что постоянно извлекается из него потреблением с'естных припасов, сырых материалов и обработанных изделий. Из рудников, кроме того, добывается все, что необходимо для сохранения и увеличения той части оборотного капитала, которая состоит из денег. Хотя, при обычном ходе вещей, эта последняя часть и не извлекается непременно из оборотного капитала, чтобы поступить в состав двух остальных частей совокупного запаса общества, однако и она разделяет общую судьбу всех предметов—она постепенно изнашивается и, наконец, совсем разрушается. Кроме того, деньги могут просто затеряться или быть высланы за пределы страны, а следовательно, и запасы денег должны постоянно восполняться, хотя бесспорно в гораздо меньшей степени.

Земля, рудники и рыбные ловли—все они нуждаются для своей разработки в постоянном и оборотном капитале, и доставляемые ими продукты с избытком восполняют как эти, так и все другие капиталы общества. Так, фермер ежегодно восстанавливает фабриканту затраченные им с'естные припасы и переработанное им в предыдущем году сырье, а фабрикант, в свою очередь, снабжает фермера новыми изделиями взамен тех, которые износились у него или совсем разрушились за тот же срок. Так, в действительности, ежегодно совершается взаимный обмен между этими двумя классами производителей, хотя и редко бывает, чтобы сырой продукт первого из них и мануфактурный товар второго прямо менялись один на другой,—трудно представить себе, чтобы фермеру удалось продать свой хлеб или скот, свой лен или шерсть именно тому самому фабриканту, у которого ему пришлось купить нужные ему платье, мебель или домашнюю утварь. Поэтому он продает свои сырые продукты на деньги, а с помощью денег он может купить себе нужные мануфактурные товары везде, где только пожелает. Земля же восполняет, по крайней мере отчасти, капиталы, служащие для рыбной ловли и разработки рудников: при помощи продуктов земли извлекается рыба из воды, при помощи продуктов, получаемых с поверхности земли, из недр ее извлекаются минералы.

При одинаковой производительности земель, рудников и рыбных угодий, количество доставляемых ими продуктов всегда пропорционально размеру капиталов, употребляемых на их эксплуатацию, и целесообразности применения этих капиталов. И наоборот, при одинаковых капиталах и при одинаково разумном применении их, количество получаемых продуктов прямо пропорционально естественному плодородию земель и богатству рудников и рыбных угодий.

Во всякой стране, где личность и собственность достаточно обеспечены, каждый человек, обладающий здравым смыслом, ста-

рается употребить находящийся в его распоряжении запас накопленных произведений, в чем бы они ни заключались, так, чтобы извлечь из него или какое-нибудь удовлетворение в настоящем, или какую-нибудь прибыль для будущего. Если он пользуется этим запасом, чтобы получить на него непосредственное удовлетворение, то значит, этот запас назначен для непосредственного потребления. Если же он употребляет этот запас с целью получить с него прибыль в будущем, то он может получить ее только двумя способами: или сохраняя этот запас в своем распоряжении, или отдавая его в чужие руки. В первом случае это—капитал постоянный, во втором—оборотный. В стране, где достаточно обеспечена общественная безопасность, надо быть лишенным всякого здравого смысла, чтобы не использовать один из указанных способов находящегося в распоряжении данного лица запаса—все равно, будет ли он принадлежать лично ему, или будет занят у другого лица.

Правда, в таких несчастных странах, где люди постоянно ожидают какого-нибудь насилия со стороны выше стоящих, поневоле приходится, часто, зарывать или скрывать большую часть накопленных запасов, дабы во всякое время иметь их у себя под рукою и быть в состоянии унести с собою в безопасное место, когда одно из таких обычных злополучий разразится над владельцем.

Говорят, что такое положение вещей очень обыкновенно в Турции, в Индостане и, без сомнения, в большей части других государств Азии. Повидимому, оно было очень обыкновенно и у наших предков, в жестокую эпоху господства феодализма. Открывшиеся клады составляли в то время немаловажную часть дохода даже для самых могущественных государей Европы. Под именем „кладов“ разумелись в то время сокровища, которые откапывались в земле, и на которые никто не мог доказать своего права. Они составляли в те времена настолько важную статью дохода, что право на них признавалось всегда принадлежащим государю, а не тому, кто открыл такой клад, и не тому, кому принадлежала земля, где он был открыт, если только особою статьею государственной грамоты на владение землею это право не было уступлено владельцу последней. Открытие кладов было приравнено открытию золотых и серебряных рудников, которые, вообще, не включались в общее право владения землею, если только об этом не было оговорено в владенной грамоте; тогда как рудники свинцовые, медные и оловянные, а также каменно-угольные копи, как менее важные, входили в состав права владения землей.

II.

О деньгах, как особой части общего запаса страны.

Вся сумма ценности годового продукта земли и труда в каждой стране распределяется между отдельными ее обитателями и составляет их доход. Но подобно тому, как в ренте владельческого имения мы различаем валовую и чистую ренту, — так же точно мы должны различать валовой и чистый доход всех жителей обширной страны.

Валовая рента владельческого имения обнимает все, что платит фермер; чистая — то, что остается в распоряжении землевладельца, за покрытием издержек по управлению и по ремонту и других необходимых расходов; иначе сказать — то, что он может, не ухудшая состояния своего имения, обратить в состав запаса, предназначенного для его непосредственного потребления, т. е. израсходовать на свой стол, обстановку, украшение своего дома и своей мебели, на свои забавы и развлечения. Действительное богатство землевладельца пропорционально его чистому, а не валовому доходу. Валовой доход всех обитателей обширной страны обнимает весь годовой продукт их земли и труда: чистый доход — то, что остается свободным в их распоряжении за покрытием расходов по восстановлению, во-первых, их постоянного, и во-вторых, их оборотного капитала; иначе сказать — то, что они могут, не затрачивая своего капитала, обратить в запас, предназначенный для непосредственного потребления, т. е. израсходовать на свое содержание, на свои удобства и развлечения. И в данном случае действительное благосостояние пропорционально не валовому, а чистому доходу.

Совершенно ясно, что из чистого дохода общества должны быть исключены все издержки, связанные с восстановлением постоянного капитала, — в состав его не могут войти ни материалы, необходимые для ремонта их машин и орудий, или построек, служащих производительным целям, ни продукт труда, необходимого для приведения этих материалов в соответственный вид. Назначение постоянного капитала — повысить производительные силы труда, т. е. дать возможность тому же количеству рабочих выполнить большее количество работы. Поэтому, издержки, целесообразно вложенные в постоянный капитал всякого рода, всегда возвращаются с большою лихвой, и увеличивают годовой продукт на значительно большую ценность, чем сколько требуется на поддержание в исправности постоянного капитала. Но, конечно, для этой последней цели также приходится затрачивать известную долю продукта, — и потому всякого рода улучшения в способах производства, позволяющие данному количеству

рабочих выполнить то же количество работы при помощи более дешевых и простых орудий, чем требовалось прежде, всегда признаются выгодными для общества.

Издержки, требуемые для поддержания в исправности основного капитала в большой стране, вполне могут быть уподоблены издержкам на ремонт в частном хозяйстве, — и в том, и в другом случае издержки необходимы для повышения валового, а вместе с тем — чистого дохода; и в том, и в другом случае сокращение издержек представляется выгодным, если оно, при неизменном размере валового дохода, способствует повышению чистого дохода. Несколько иначе дело обстоит с оборотным капиталом: из четырех видов последнего — деньги, жизненные продукты, материалы и готовые изделия — три последних, как было объяснено, последовательно извлекаются из состава оборотного капитала и поступают либо в состав постоянного капитала, либо в состав запасов, предназначенных для непосредственного потребления, и в этом последнем случае входит в состав чистого дохода общества. Поэтому, восстановление этих трех видов оборотного капитала лишь постольку сокращает чистый доход, поскольку это необходимо для поддержания в исправности постоянного капитала.

Деньги составляют единственную часть оборотного капитала общества, поддержание которой может вызвать некоторое уменьшение в чистом доходе страны.

Постоянный капитал и часть оборотного капитала, заключающаяся в деньгах, очень сходны между собою по тому влиянию, какое они имеют на совокупный доход общества.

Во-первых, как машины, орудия и проч. требуют известных расходов сначала на изготовление, а потом на содержание, — расходов, которые, хотя и входят в состав валового дохода общества, однако, должны быть покрыты из его чистого дохода; точно также и запас монеты, обращающейся в стране, требует известных расходов сначала на накопление, а потом на поддержание, — расходов, которые должны быть покрыты также из чистого дохода общества, хотя они и делаются из его валового дохода. Для приготовления монеты требуется известное количество драгоценных металлов, золота и серебра, а также известное количество труда, и притом весьма тонкого. Эти металлы и труд, вместо того, чтобы содействовать увеличению запаса предметов потребления, т. е. средств существования, удобства и удовольствий отдельных лиц, употребляются на содержание этого великого, но дорогостоящего орудия обращения, при помощи которого средства существования, удобства и удовольствия отдельных лиц в обществе правильно распределяются между ними соответственно тому, на что каждое из них имеет право.

Во-вторых, как машины, орудия и проч., образующие постоянный капитал отдельного лица или целого общества, не составляют части ни валового, ни чистого дохода, ими получаемого, точно так же не составляют, сами по себе, части дохода и те деньги, при помощи которых весь доход общества правильно распределяется между его различными членами. В этом отношении великий двигатель обращения совсем не похож на товары, которые он приводит в движение. Доход общества состоит единственно в этих товарах, а никак не в деньгах, которые приводят их в движение. Поэтому, при определении валового и чистого дохода общества должно всегда вычитать из общей массы денег и товаров, образующих его ежегодное обращение, полную стоимость денег, из которых ни одна копейка никогда не может войти в состав ни того, ни другого дохода.

Это положение может показаться сомнительным или парадоксальным разве только по сбивчивости выражений; если же правильно развить это положение и хорошенько понять его, то оно станет до очевидности ясным.

Когда мы говорим о какой-нибудь определенной сумме денег, то при этом подразумеваем иногда только количество металлических кружков, их составляющее; иногда же мы включаем в наше понимание этого слова какое-то неясное отношение денег к предметам, которые могут быть приобретены на данную сумму, или к доставляемой ею возможности что-нибудь купить. Например, когда мы говорим, что в Англии обращается денег на 18 милл. фунт. стерл., то этим мы хотим только обозначить количество металлической монеты, которое по вычислениям, или скорее, по предположению некоторых писателей, обращается в стране. Но когда мы говорим, что такой-то получает 50 или 100 фун. дохода, то обыкновенно хотим выразить этим не только количество металлической монеты, которое ему ежегодно выплачивается, но и ценность предметов, которые он ежегодно может купить или потребить. При этом мы обыкновенно хотим дать понять, как человек живет, или как он мог бы жить, или как велико количество и качество предметов необходимости и удобства, которые он может себе позволить потребить.

Когда, называя какую-нибудь определенную сумму денег, мы не только хотим выразить количество металлических монет, составляющее эту сумму, но и думаем еще указать на содержащееся в этом слове смутное отношение монет к предметам, которые могут быть приобретены на них, то богатство или доход, которые обозначаются, в данном случае, этою суммою, равняется только одной из двух ценностей, разумеемых, по сбивчивости выражения, под одним и тем же словом, и притом второй ценности скорее, чем первой, т. е. ценности денег более, чем самим деньгам, как металлу. Так, если кто-нибудь получает по гинее в неделю, то он может, в продолже-

ние этой недели, купить себе известное количество предметов необходимости, удобства или удовольствия. Его действительное богатство, его действительный доход за неделю будет велик или мал, смотря по тому, велико или мало количество приобретаемых на гинею предметов. Само собою разумеется, что недельный доход такого лица не может быть равен в одно и то же время и гинею, и тому, что может быть приобретено на нее; но он будет равен или той, или другой из этих двух равных ценностей, и скорее последней, нежели первой, т. е. скорее тому, чего стоит гинея, нежели самой гинею.

Если бы содержание этого лица выплачивалось ему не золотом, а векселем стоимостью в гинею, с платежом через неделю, то, конечно, не этот клочок бумаги составлял бы собственно его доход, а то, что можно на него приобрести. На гинею можно смотреть как на вексель, пред'явителю которого местные купцы выплачивают известное количество товаров, могущих удовлетворить потребностям и удобствам жизни этого лица. Собственно говоря, доход получающего эту гинею состоит не столько в куске золота, сколько в том, что можно купить или получить в обмен на него. Если бы в обмен на такую гинею ничего нельзя было получить, то она стоила бы столько же, сколько вексель, выданный на банкрота, то-есть не имела бы ровно никакой цены, как никуда негодный лоскуток бумаги.

Точно также, хотя все жители страны могут получить и в действительности, чаще всего, и получают свой недельный или годовой доход деньгами, однако их действительное богатство, их действительный недельный или годовой доход, взятый в совокупности, будет велик или мал, смотря по количеству предметов потребления, которые можно купить на эти деньги. Доход всех жителей, взятый в совокупности, очевидно равен не деньгам и предметам потребления, взятым вместе, но какой-нибудь одной из этих двух ценностей, и скорее последней, чем первой.

Таким образом, если мы и выражаем часто чей-нибудь доход в металлической монете, которою он ежегодно выплачивается, то только потому, что количеством этой монеты определяется степень возможности для такого лица покупать нужные ему предметы, или ценность товаров, которые он может ежегодно потреблять. Тем не менее мы признаем, что доход его заключается именно в этой способности покупать или потреблять, а не в монете, которая только дает эту способность.

Но если это положение достаточно ясно по отношению к одному человеку, то оно еще очевиднее по отношению к целому обществу. Количество металлической монеты, ежегодно выплачиваемой отдельному лицу, часто бывает совершенно равно его доходу, и в таком случае оно служит самым простым и наилучшим выражением цен-

ности этого дохода. Что же касается до целого общества, то количество обращающейся монеты никогда не может равняться совокупному доходу всех его членов. Так как одною и тою-же гинеей оплачивается сегодня недельное содержание одного лица, завтра—другого, а после-завтра—третьего, то очевидно, что количество металлических монет, ежегодно обращающихся в стране, всегда будет представлять собою гораздо меньшую ценность, чем совокупность всех денежных доходов, ежегодно выплачиваемых этими монетами. Напротив, покупательная способность, или сумма предметов, которые могут быть куплены, одни вслед за другими, на общую сумму денежных доходов, по мере того как они выплачиваются последовательно, одни за другими, должна быть всегда безусловно одинаковой ценности, как со всеми этими доходами, вместе взятыми, так и с совокупным доходом тех лиц, которым они выплачиваются. А, следовательно, совокупный доход общества заключается не в металлической монете, количество которой всегда настолько меньше ценности этого дохода, а в покупательной способности, т. е. в тех предметах, которые могут быть куплены, одни вслед за другими, на эти деньги, по мере того, как последние переходят из рук в руки.

Таким образом, деньги, этот великий двигатель обращения, это великое орудие торговли, хотя и составляют подобно всем другим орудиям промышленности, часть, и притом очень ценную часть, капитала общества, которому он принадлежит, однако сами безусловно несколько не входят в состав дохода с него, и хотя именно эти куски металла, из которых он образуется, ежегодно обращаясь в стране, распределяют доходы, доставляя каждому то, что ему причитается, однако сами по себе не образуют никакой части этого дохода.

Наконец, в-третьих, часть капитала, заключающаяся в деньгах, имеет еще и дальнейшее сходство с машинами, орудиями производства и пр., составляющими постоянный капитал: как всякое сбережение в расходах по оборудованию и содержанию этих машин, если только оно не уменьшает производительной силы труда, увеличивает чистый доход общества, точно так же и всякое сбережение в расходах на собиранье и содержание части оборотного капитала, заключающейся в деньгах, вызывает такое же увеличение.

Достаточно ясно (впрочем, это уже было отчасти объяснено выше), каким образом всякое сбережение в расходах по содержанию постоянного капитала увеличивает чистый доход общества. Весь капитал всякого предпринимателя непременно делится на капитал постоянный и оборотный. Пока весь этот капитал остается в одном и том-же размере, одна из этих двух частей его неизбежно уменьшается, соответственно тому, как увеличивается другая. Между

тем, назначение оборотного капитала состоит в том, чтобы доставлять материал для производства, оплачивать рабочих и пускать в ход самое производство. А потому всякое сбережение расходов по содержанию постоянного капитала, если только оно не уменьшает производительности труда, должно увеличивать средства, на которые приводится в движение производство, следовательно, увеличивать годовой продукт земли и труда, т. е. действительный доход всякого общества.

Бумажные деньги, введенные вместо золотой и серебряной монеты, заменили одно чрезвычайно дорогое орудие торговли другим, несравненно более дешевым, а иногда и не менее удобным. Таким образом, было введено новое орудие обращения, оборудование и содержание которого стало обходиться гораздо дешевле прежнего. Но как совершается эта операция, и чем именно она содействует увеличению валового или чистого дохода общества? Вот вопрос, который на первый взгляд не совсем ясен и потому требует более подробного объяснения.

Есть много разных родов бумажных денег, но из них более известны билеты, которые выпускаются в обращение банками и банкирами и которые, кажется, лучше других достигают указанной цели. Когда население страны достаточно доверяет богатству, честности и благоразумию какого-нибудь банкира и вполне уверено, что он во всякое время готов оплатить металлическими деньгами свои билеты, в каком бы количестве они ни были за-раз пред'явлены к размену, то эти билеты начинают обращаться так же свободно, как золотая и серебряная монета, в силу общей уверенности, что за них во всякое время можно получить наличные деньги.

Положим, какой-нибудь банкир роздал своим клиентам в ссуду своих билетов на сумму 100 тыс. фунт. Так как эти билеты исполняют всюду назначение денег, то заемщики платят банкиру тот же процент, какой они заплатили бы ему за наличные деньги. Этот процент и есть источник его барыша. Хотя часть этих билетов постоянно возвращается к банкиру для обмена, но другая часть продолжает свободно обращаться в продолжение многих месяцев и годов. Поэтому, хотя, как мы предположили, таких билетов находится в обращении на сумму до 100 тыс. фун., однако, часто бывает достаточно иметь наготове 20 тыс. фун. золотой и серебряной монетой, для удовлетворения всех требований, которые могут быть пред'явлены банкиру. Следовательно, благодаря такой операции, 20 тыс. фун. золотой и серебряной монетой, исполняют то же назначение, для которого иначе требовалось бы 100 тыс. фун. На выпущенные банкиром билеты на сумму 100 тыс. фунт. может совершаться точно такой же обмен, может обращаться на рынке и распределяться между потребителями точно такое же количество

предметов потребления, какое обращалось прежде на ту же сумму золотой и серебряной монетой. Стало быть, при такой замене звонкой монеты билетами, можно сократить на 80 тыс. фун. количество обращающейся в стране звонкой монеты; а если бы, в то же время, операции такого же рода были предприняты разными другими банками и банкирами, то все обращение страны могло бы быть осуществлено с помощью какой-нибудь пятой части того количества золота и серебра, которое было необходимо прежде, до введения бумажных денег.

Предположим, например, что общая сумма денег, обращающихся в известной стране в данное время, достигает 1 милл. фун. стерл., и что эта сумма достаточна для обращения всего годового продукта земли и труда. Предположим еще, что через несколько времени разные банки и банкиры выпустили на тот же миллион фун. стерл. своих билетов на предъявителя, при чем припасли в своих кассах наличных денег на сумму 200 тыс. фун., собственно на удовлетворение требований размена билетов. В таком случае в обращении страны находилось бы на 800 тыс. фунт. золотом и серебром и на 1 милл. банковых билетов, — а всего, стало быть, 1.800.000 фунт. звонкою монетою и билетами. Но ведь прежде, т. е. до выпуска билетов, одного миллиона фунт. было достаточно для обращения и распределения между потребителями всей суммы продуктов земли и труда, и, конечно, эта сумма не может сразу увеличиться под влиянием новых банковых операций; стало быть, миллиона будет достаточно для обращения и после введения банковых билетов. Так как количество товаров, подлежащих покупке и продаже, остается прежнее, то для всех покупок и продаж потребуется то же количество денег. Канал обращения, если позволительно так выразиться, останется совершенно тот же, что был прежде, и так как, по нашему предположению, одного миллиона достаточно для его наполнения, то все, что будет влито в него сверх этой суммы, не потечет по нем свободно, а выльется вон. По нашему предположению в канал влито 1.800 тыс. фунт., — следовательно 800 тыс. фунт. непременно выльются из него, потому что эта сумма составит излишек против необходимого для всех оборотов страны. Но если эта сумма не может найти себе употребления дома, внутри страны, то она слишком ценна, чтобы остаться без всякого употребления; ее перешлют за-границу, искать себе выгодного помещения, которого не оказалось для нее дома. Но этого нельзя сделать с бумажными деньгами, потому что они не будут приниматься, как обычное платежное средство вдали от банков, которые их выпустили, и вдали от страны, где в случае неуплаты можно произвести взыскание силою закона. Следовательно, уйдет за-границу золото и серебро, в количестве до 800 тыс. фунт., а канал внутрен-

него обращения останется наполнен на миллион фунт. бумажными деньгами, вместо прежнего миллиона фунт. металлических.

Но если такая большая сумма золота и серебра уходит за-границу, то из этого не следует заключать, что она пересылается туда даром, и что владельцы этих денег дарят их иностранным народам. Нет, они выменивают деньги на разные иностранные товары, назначенные для потребления какого-нибудь другого народа или собственной страны.

Если владельцы этого количества звонкой монеты употребят его за-границей на покупку в одной стране товаров, назначенных на потребление какой-нибудь другой, т.-е. на так называемую посредническую торговлю, то вся прибыль, какую они могут получить, увеличит собою чистый доход их страны. Явится как бы новый фонд, который послужит основанием для ведения новой торговли: все обороты внутри страны будут производиться на бумажные деньги, а все бывшее прежде в обращении золото и серебро будет превращено в фонд для этой новой торговли.

Если же владельцы золота и серебра обратят его на покупку иностранных товаров, назначенных для внутреннего потребления своей страны, то они либо купят товары, служащие предметами потребления для людей праздных, которые сами ничего не производят, как, например, иностранные вина, шелка и пр., или же купят дополнительный запас сырых материалов, орудий производства и средств продовольствия с целью доставления заработка и занятий добавочному числу рабочих, которые с избытком воспроизведут ценность всего, что они потребили в течение года.

В первом случае эти деньги послужат только к усилению расточительности, к увеличению расходов и расширению потребления; но не усилят производства и не создадут никакого постоянного запаса, из которого могли бы покрываться эти новые расходы, а следовательно, во всех отношениях принесут один только вред обществу.

Во втором случае они усилят промышленность, и хотя также увеличат и потребление общества, но в то же время откроют постоянный источник для его покрытия, потому что потребители с избытком воспроизведут все, что они потребили в течение года. При этом валовой доход общества, ежегодный продукт его земель и труда, увеличится на всю ту сумму ценностей, которую рабочие своим трудом прибавят к ценности материалов; ими переработанных, а с этим вместе увеличится и чистый доход общества на ту сумму, какая останется у него за вычетом расходов на содержание машин и орудий производства.

Мне представляется не только вероятным, но почти неизбежным, что большая часть золота и серебра, вытесненного за-границу

описанными банковыми операциями и назначенного на покупку иностранных товаров для внутреннего потребления страны, употребляется и должна быть употребляема на покупку товаров второго рода. Хотя всегда есть люди, способные значительно усилить свои расходы, не увеличивая в то же время ни на одну пядь своего дохода, однако, можно быть уверенным, что не найдется целого класса людей, или сословия, который стал бы таким способом вести свои дела: если принципами обычного благоразумия не всегда руководствуются отдельные лица, то эти принципы все-таки постоянно оказывают свое влияние на большинство людей, принадлежащих к какому-либо классу или сословию. Но доход праздных людей, если смотреть на них, как на отдельный класс или сословие общества, ни на волос не увеличится под влиянием этого рода банковых операций. Эти операции, поэтому, не могут значительно повлиять на увеличение общей массы их расходов, хотя, в частности, расходы некоторых из этих лиц не только могут увеличиться, но иногда и действительно увеличиваются. А раз спрос этих праздных людей на иностранные товары остается в том же, или почти в том же размере, как и прежде, то, весьма вероятно, что лишь очень малая часть денег, вытесненных банковыми операциями за границу и употребленных там на покупку иностранных товаров для внутреннего потребления, пойдет на покупку предметов, необходимых для удовлетворения этих людей. Большая же часть этих денег, без сомнения, будет назначена на нужды промышленности, а не на поддержание праздности.

Когда вычисляется количество производительного труда, содержимого за счет оборотного капитала общества, то необходимо всегда принимать во внимание только три части этого капитала, заключающиеся в продовольствии, материалах и изделиях, и исключать из счета четвертую часть, состоящую в деньгах, так как деньги служат лишь орудием обращения первых трех частей. Чтобы пустить в ход производство, необходимы три вещи: материалы, которые обрабатываются, орудия, которыми работают, и заработная плата, из-за которой работают. Деньги же не составляют ни материала, назначенного для обработки, ни орудий, которыми можно работать, и хотя заработная плата обыкновенно выплачивается деньгами, однако, действительный доход рабочего, как и всякого другого человека, заключается собственно не в деньгах, а в том, чего стоят эти деньги,—не в металлических кружках, а в том, что можно купить на них.

Количество труда, которое может быть занято на известный капитал, должно, очевидно, соответствовать числу рабочих, которых этот капитал может снабдить материалами, орудиями производства и соответствующими характеру труда средствами существо-

вания. Деньги могут быть необходимы для закупки материалов и орудий производства, а также продовольствия для рабочих. Но количество труда, которое может быть занято на общую сумму этого капитала, не может, конечно, равняться в одно и то же время и деньгам, на которые делаются закупки,—и материалам, орудиям производства и продовольствию, которые покупаются на эти деньги; оно будет равняться только одной из этих двух ценностей, и скорее ценности последних, нежели первых.

При замене золотой и серебряной монеты бумажными деньгами, количество материалов, орудий производства и средств существования, доставляемое всем оборотным капиталом в совокупности, может быть увеличено на всю ценность золота и серебра, какая обыкновенно употреблялась на покупку их. Полная ценность великого двигателя обращения и распределения присоединяется к массе обращающихся и распределяющихся при его помощи товаров. Такую операцию можно сравнить с операцией хозяина большой фабрики, который, вследствие какого-нибудь изобретения в механике, снимает свои старые машины и разность между ценою прежних и новых машин присоединяет к оборотному капиталу фабрики, т.-е. к тому фонду, из которого он почерпает средства для снабжения своих рабочих заработной платою.

Определить, в каком отношении сумма обращающихся в стране денег находится к общей ценности ежегодных продуктов, приводимых ею в обращение, может быть, и невозможно. Одни писатели определяли это отношение в одну пятую, другие—в одну десятую и даже в одну двадцатую и тридцатую часть этой ценности. Но как бы мало ни было отношение находящихся в обращении денег к общей сумме годового продукта страны,—но так как лишь часть, а часто даже очень малая часть этого продукта назначается на производительные цели, то сумма находящихся в обращении денег должна быть очень значительна собственно по отношению к этой части. Поэтому, если благодаря введению бумажных денег, количество золота и серебра, необходимое для обращения, уменьшилось хотя бы до пятой части прежнего количества, и если остальные четыре пятых, в большей своей части, поступили в общий запас, назначенный на производительные цели, то это составит весьма значительную прибавку к общему количеству занятого труда, а следовательно, и к годовому продукту земли и труда.

Подобное явление имело место двадцать пять или тридцать лет тому назад в Шотландии, благодаря возникновению новых банковых учреждений, почти во всех сколько-нибудь значительных городах и даже в некоторых деревнях. Последствия этого были те самые, какие я только-что описал. Почти все дела страны ведутся теперь на бумажки, которые выпускаются разными банковыми обществами,

и помощью которых совершаются покупки и платежи всякого рода. Серебра почти не видно, разве только при размене 20-шиллинговых банковых билетов, а золото встречается еще реже. И хотя эти различные компании вели свои дела и не совсем правильно, так что потребовался особый акт парламента, чтобы упорядочить их, тем не менее страна извлекла большие выгоды из их операций. Меня уверяли, что торговля Глазгова удвоилась в течение каких-нибудь пятнадцати лет со времени учреждения здесь первых банков, а торговля Шотландии более, чем учетверилась со времени учреждения первых двух общественных банков в Эдинбурге, из которых один, так называемый Шотландский банк, был учрежден актом парламента в 1693 г., а другой, королевский банк—королевскою грамотой в 1727 г. Я не стану утверждать, что торговля Шотландии вообще, или города Глазгова в частности, расширилась в такой короткий промежуток именно в такой сильной пропорции. А если она и сделала такие быстрые успехи, то они были слишком велики, чтобы позволительно было приписать их влиянию одной только этой причины. Но все-таки нельзя сомневаться в том, что торговля и промышленность Шотландии сделали, в то время, весьма значительные успехи, и что возникшие в то время банки во многом содействовали этим успехам.

Большая часть банков и банкиров выпускают свои банкноты, главным образом при помощи дисконтной операции, т.-е. выдавая вперед деньги по векселям ранее наступления срока платежа, причем из выдаваемой ими вперед суммы они удерживают в свою пользу законный процент по расчету времени, остающегося до срока. При наступлении срока банк получает всю выданную им вперед сумму, а удержанный процент составляет его чистую прибыль. Банкир, уплачивая кушцу, вексель которого принимается к учету, не золотом или серебром, а своими билетами, получает ту выгоду, что может расширить свою дисконтную операцию на всю сумму своих билетов, каковая, как он знает по опыту, обыкновенно находится в обращении, а это дает ему возможность получить в свою пользу настолько-же больший чистый барыш на процентах.

Общая сумма бумажных денег всякого рода, свободно обращающихся в стране, никогда не может превзойти ценности золотой и серебряной монеты, которую они заменяют, т.-е. которая обращалась бы (предполагая что размеры торговли остались те же), если бы не было бумажных денег. Если, например, билеты в 20 шиллингов—самые мелкие бумажные деньги, обращающиеся в Шотландии, то вся сумма бумажных знаков, каковая только может легко обращаться там, не может превышать суммы золота и серебра, которая была бы необходима для осуществления всех сделок, ценностью каждая в 20 шиллингов и более, обыкновенно совершающихся

в стране в течение года. Если бы случилось, что бумажные деньги превысили эту сумму, то весь излишек их непременно вернулся бы в банк для размена на золото и серебро, потому что он не мог бы ни уйти за границу, ни оставаться в обращении внутри страны: многие очень скоро заметили бы, что в распоряжении их находится больше бумажных денег, чем сколько им нужно для их дел внутри страны, и так как они не могли бы поместить их за-границею, то тотчас же обратились бы в банк и потребовали бы уплаты по ним наличными деньгами; обратив излишек бумажных денег в звонкую монету, они легко могли бы найти ему помещение за границей,—но они не могут найти ему применения, пока он остается в форме бумажных денег. Вследствие всего этого, немедленно оказался бы прилив в банки бумажных денег для размена, в полном размере излишка билетов, а если бы встретилась медленность или затруднение в размене билетов, то и в гораздо большем; возбужденная такою задержкою тревога необходимо усилила бы этот приток.

Каждый банк, кроме расходов, одинаковых со всяким другим торговым заведением, как наем помещения, жалование прислуге, конторщикам, бухгалтерам и пр., имеет еще свои особые расходы, состоящие главным образом из следующих двух статей: 1) расходов, необходимых для того, чтобы постоянно держать в кассе наготове, с потерю процентов, большую сумму денег, на случай требования размена по билетам; 2) расходов, необходимых для немедленного пополнения кассы, по мере того как она истощается веледствие таких требований. Банк, который выпускает билетов больше, чем нужно для обращения в стране, и к которому, поэтому, излишек беспрестанно возвращается для размена на звонкую монету, должен был бы увеличить постоянно имеющееся у него в кассе количество золота и серебра не только в размере, пропорциональном излишку выпущенных им билетов, но еще в гораздо большем, потому что эти билеты пред'являлись бы ему к уплате в гораздо большей пропорции, чем увеличился самый избыток билетов. Следовательно, такой банк должен был бы увеличить первую статью указанных расходов в гораздо большей степени, чем насколько он искусственно расширил свои операции излишним выпуском билетов. Сверх того, касса такого банка, хотя бы она и была обильнее снабжена деньгами, однако пустела бы гораздо скорее, чем если бы дела велись в более благоразумных размерах, а для пополнения ее потребовались бы не только более усиленные, но и более частые и постоянные расходы. Притом монета, постоянно извлекаемая из кассы банка, такими большими суммами, не найдет себе помещения во внутреннем обращении страны; она появляется взамен бумажных денег, выпущенных в большем количестве, чем сколько их нужно для внутреннего обращения, а потому и сама оказывается для него

излишнею. Но так как монете не дадут лежать без употребления, то придется переслать ее, в той и другой форме, за границу, чтобы там найти ей выгодное помещение, какого не оказалось внутри страны; а такой постоянный вывоз золота и серебра должен, в свою очередь, еще более затруднить банк и, следовательно, увеличить его расходы на приобретение новой звонкой монеты для пополнения кассы, пустеющей с такою быстротой. Поэтому банку, по мере того как он искусственно расширяет свои обороты, необходимо увеличивать расходы второго рода еще сильнее, чем расходы первого рода.

Представим себе, что обращение страны может легко поглотить и использовать билетов какого-либо банка на сумму ровно 40,000 фунт., и что банк, на случай требований размена, должен постоянно держать в кассе, наличными деньгами, 10,000 фунт. Если он выпустит билетов не на 40,000, а на 44,000 фунт., то 4,000 фунт., превышающие потребность обращения страны, возвратятся в банк почти тотчас же, как только они будут выпущены. И банк, для удовлетворения требований размена, принужден будет постоянно держать в кассе не 11,000, а 14,000 фунтов. Он не только не получит на излишне выпущенные 4,000 фунт. никакого барыша, но еще останется в чистом убытке на всю сумму расходов, необходимых для постоянного пополнения кассы четырьмя тысячами фунтов золотом и серебром, которые будут уходить из кассы так же быстро, как будут поступать в нее.

Если бы, поэтому, каждый банк всегда верно понимал свои выгоды и руководился ими, то обращение страны никогда не было бы переполнено бумажными деньгами; но в том то и беда, что эти учреждения не всегда ясно видят и понимают свои собственные выгоды, а вследствие этого бумажные деньги нередко переполняли обращение.

Действуя в пределах целесообразности, банк может ссужать торговцу или предпринимателю всякого рода отнюдь не весь тот капитал, на который он ведет свое дело, и даже не большую часть его, а только ту собственно часть капитала, которую ему иначе пришлось бы держать у себя, в виде наличных денег, без всякого помещения, для могущих потребоваться текущих платежей. Если банк выпускает не больше бумажных денег, чем необходимо собственно для этой цели, то сумма выпущенных бумажных денег никогда не будет превышать суммы золота и серебра, которая обращалась бы в стране при отсутствии бумажных денег; она не будет превышать того количества, какое обращение страны может легко поглотить и использовать.

Если банк учитывает торговцу реальный вексель, трасированный действительным кредитором на действительного должника и под-

лежащий, при наступлении срока, действительной оплате со стороны последнего, то он лишь ссужает торговцу известную часть той суммы, которую ему иначе пришлось бы держать у себя без использования в виде наличных денег, для могущих потребоваться платежей. Платеж по векселю, при наступлении срока, возмещает банку ссуженую им валюту вместе с процентами. Касса банка, пока его операции ограничиваются клиентами этого типа, может быть уподоблена бассейну, откуда постоянно вытекает одна струя, но куда постоянно же притекает другая, столь же сильная, как и первая, так что высота воды в бассейне, без каких-либо дальнейших забот или стараний, остается на том же или приблизительно на том же уровне. Для пополнения наличных запасов такого банка не может потребоваться никаких или потребуются лишь незначительные издержки.

Но торговец, даже и не форсируя своих оборотов, может часто нуждаться в наличных деньгах в такое время, когда у него нет векселей к учету. Если банк, кроме учета векселей, ссужает его деньгами также и в таких случаях, из открытого ему текущего счета, и принимает от него уплату по частям, по мере того, как ему удастся выручать деньги от продажи своих товаров, то он всецело освобождает его от необходимости держать в наличных деньгах, незанятою, какую-либо часть капитала, собственно для текущих платежей: когда ему представляются такие платежи, он может покрывать их из открытого ему текущего счета. Однако банк, имея дело с клиентами этого рода, должен очень внимательно следить за тем, равняется ли, или не равняется, за известный, не длинный промежуток времени, сумма взносов клиента на его текущий счет той сумме, какую он берет со счета. Если да, то банк может спокойно иметь дело с такого рода клиентом: как бы ни была сильна струя, вытекающая из кассы банка, струя, притекающая к кассе, будет не менее сильна, и потому касса банка, без дальнейших забот или стараний со стороны последнего, будет полна или приблизительно одинаково полна. Если, напротив, сумма платежей клиента значительно меньше того, что он берет по своему текущему счету, то банк не может продолжать, без риска, вести с ним дела, — по крайней мере продолжать вести их тем же способом: в этом случае струя, отливающая из его кассы, будет гораздо сильнее струи притока, и потому касса, если ее не будут пополнять с постоянными и значительными специальными на то затратами, очень скоро окончательно опустеет.

Когда купцы, пользуясь доверием, получают возможность кредитоваться в банке, как путем учета своих векселей, так и по текущим счетам, и тем освобождаются от необходимости держать на-готове часть своего капитала без движения, в наличных деньгах, на случай могущих потребоваться платежей, благоразумие требует

От них не ждать более широкой помощи от своих банков и банкиров, ибо последние, не могут идти дальше, не угрожая собственным интересам и безопасности. Никакой банк не может, не нарушая своих собственных интересов, ссудить купцу сумму, равную оборотному капиталу, на который он ведет свое дело, или даже только большую часть этого капитала: хотя этот последний постоянно возвращается к купцу в форме денег и потом снова выходит у него из рук в том же виде, однако, суммы, возвращающиеся к нему, могут далеко отставать от сумм, выходящих из его рук, а потому его платежи банку не будут уравнивать выбираемых им ссуд в такие короткие промежутки времени, как этого требуют интересы банка. Еще менее банк имеет возможность ссудить своему клиенту сколько-нибудь значительную часть его постоянного капитала, — например капитала, который железный заводчик затрачивает на постройку кузницы, плавильни, мастерских, магазинов, помещений для рабочих и пр.; — капитала, который владелец рудников употребляет на прорытие шахт, постройку водочерпательных машин, устройство путей для вывоза угля и пр.; — капитала, который землевладелец употребляет на мелиорацию: расчистку, осушку, орошение, удобрение и обработку некультурных земель, на постройку ферм со всеми их службами, — скотными дворами, амбарами и т. д. Воспроизведение постоянного капитала происходит всегда гораздо медленнее, чем оборотного капитала; расходы такого рода, как бы предусмотрительно и благоразумно они ни производились, не возмещаются предпринимателю раньше, чем по прошествии многих лет, — срок слишком продолжительный для банка.

Конечно, купцы и фабриканты могут вполне законно вести значительную часть своих дел и предприятий на занятые деньги. Но тогда во внимание к интересам их кредиторов их собственный капитал должен быть достаточным, чтобы, так сказать, застраховать капитал кредиторов, иначе сказать, сделать невозможным, чтобы кредиторы потерпели какой-нибудь убыток даже в случае, если бы дело далеко не оправдало ожиданий предпринимателей. Но даже и при такой осторожности, если кому-нибудь нужны деньги, по которым платеж может последовать не ранее, как через несколько лет, то такой заем должен быть сделан не в банке, а под залог какой-нибудь ценности или недвижимости у частных лиц, которые желают жить на проценты с своих денег, не трудясь сами искать для них производительного помещения, и потому охотно дадут займы кредитоспособным людям, сроком на несколько лет. Правда, банк, выдающий ссуды без всяких расходов на гербовую бумагу и на нотариальное свидетельство по закладной и получающий по ним платежи на таких удобных условиях, какие предоставляют им, например, шотландские банки, был бы, без сомнения, самым удоб-

ным кредитором для таких предпринимателей и торговцев,—но они были бы, конечно, самыми неудобными должниками для такого банка.

Прошло уже более 25 лет, как разные шотландские банки стали выпускать бумажные деньги в таком количестве, какое только может свободно вынести обращение страны; их было выпущено даже несколько больше, чем нужно. В течение довольно продолжительного времени эти банки, таким образом, оказали торговцам и предпринимателям в Шотландии такую широкую помощь, какая только была возможна для банков и банкиров без ущерба их собственным интересам. Они даже несколько форсировали свои обороты и понесли некоторую потерю, или по крайней мере потерпели некоторое сокращение прибылей, что в этой области бывает неминуемым последствием малейшего чрезмерного расширения оборотов.

Но торговцы и предприниматели, воспользовавшись такою широкою помощью банков и банкиров, старались получить еще больше; они воображали, кажется, что банки могли расширить их кредиты до любой суммы, какая бы только потребовалась, не подвергаясь при этом никаким другим расходам, кроме разве расхода на несколько стоп бумаги. Они жаловались на слишком узкие воззрения и малодушную робость директоров этих банков, которые, как они утверждали, не желали усилить кредиты соответственно расширявшимся оборотам страны; под расширением оборотов они разумели, без сомнения, расширение собственных предприятий, свыше как их собственных средств, так и размеров кредита, каким они могли пользоваться у частных лиц на общем основании—под залог каких-нибудь ценностей или недвижимости. Они, повидимому, воображали себе, что достоинство банков обязывало их покрыть этот недочет и снабдить их полностью капиталом, какой им был нужен для их предприятий. Но банки были иного мнения, и когда они отказались расширять кредиты, то некоторые из этих предпринимателей обратились к средству, которое на время послужило их целям, правда, с гораздо большими для них расходами, но таким же действительным образом, как самое неумеренное расширение кредитов банка. Средство это заключалось ни в чем другом, как в известном фокусе взаимной т р а с и р о в к и, выдачи друг на друга векселей,—средство, к которому прибегают иногда несчастные торговцы накануне своего банкротства. Этот способ добывать деньги с давних пор был известен в Англии, и говорят, что им пользовались там очень широко в продолжение последней войны, когда высокий уровень прибыли служил для многих соблазном к расширению оборотов выше средств, которыми они располагали. Из Англии этот обычай перешел в Шотландию, где, по сравнению с очень ограниченными размерами торговли и меньшим количеством капиталов в стране, он развился скоро еще гораздо сильнее, чем в Англии.

Способ взаимной трасировки векселей настолько хорошо известен всем деловым людям, что собственно для них не было бы надобности в дальнейших объяснениях. Но так как эта книга может почасти в руки многих людей, не принадлежащих к разряду деловых, и так как влияние этой операции на банковое дело может быть не вполне ясно понимается даже и деловыми людьми, то я попытаюсь с возможною для меня отчетливостью объяснить, в чем дело.

Положим, коммерсант А. в Эдинбурге трасирует вексель на Б. в Лондоне, подлежащий уплате через два месяца. В действительности Б. ничего не должен А.; но он соглашается акцептовать вексель, выговаривая себе, однако, право до наступления срока платежа по векселю трасировать вексель на А., на ту же сумму, с прибавлением процентов и комиссионной платы, сроком также на два месяца. И действительно—незадолго до истечения первых двух месяцев Б. в Лондоне трасирует вексель на А. в Эдинбурге; А., в свою очередь, до истечения вторых двух месяцев, трасирует второй вексель на Б., сроком опять-таки на два месяца,—до истечения же третьих двух месяцев Б. трасирует на А. новый вексель, на такой же двухмесячный срок. Таким порядком дело нередко продолжается не только несколько месяцев, но несколько лет подряд—вексель постоянно возвращается к А. в Эдинбурге, отягощенный процентами и комиссионными платами по всем прежним векселям. Проценты исчислялись из 5⁰/₀, комиссионная же плата не бывала ни в коем случае меньше 1/2⁰/₀ за каждую трасировку. Если операция эта повторялась более, чем шесть раз в год, то деньги, которые А. добывал этим способом, обходились ему дороже, и иногда значительно дороже 8⁰/₀,—значительно дороже, если комиссионная плата поднималась выше 1/2⁰/₀, или если приходилось платить сложные проценты на проценты и комиссию по предшествовавшим векселям. Вот это-то и называлось добывать деньги посредством циркуляции.

В стране, где обычная прибыль с капиталов, в большей части торговых операций, составляет от 6 до 10⁰/₀, только исключительно удачное предприятие может дать такой доход, который не только покрыл бы такие огромные расходы по займу денег на его ведение, но и дал бы еще хорошую прибыль спекулянту. Несмотря на это, было проектировано и велось в течение нескольких лет много очень обширных предприятий без всяких других средств, кроме тех, которые были заняты за такие огромные проценты. Без сомнения, проектиеры в своих радужных мечтаниях ясно видели огромные прибыли. Но я думаю, что весьма немногим из них выпадало счастье в минуту пробуждения увидеть осуществление этих мечтаний, все равно—наступала ли эта минута при осуществлении

их проектов, или тогда, когда оказывалось невозможно вести дальнейшие предприятия.

Те векселя, которые А. в Эдинбурге трасировал на Б. в Лондоне, регулярно учитывались им, за два месяца до срока, в каком-нибудь банке или у какого-нибудь банкира в Эдинбурге; также точно векселя, которые Б. трасировал на А., регулярно учитывались им в Английском банке или у кого-либо из лондонских банкиров. Все, что ссужалось под такие циркулирующие векселя, выдавалось в Эдинбурге в бумажках шотландских банков, в Лондоне, если учет производился в Английском банке, в билетах этого банка. Хотя при этом те векселя, под которые выдавались бумажки, все погашались при наступлении соответственных сроков,—но та сумма, которая была выдана под учет первого векселя, в действительности никогда не возвращалась в банки которые ее выдали, потому что при наступлении срока каждого векселя сейчас же трасировался новый вексель, на несколько большую сумму против того векселя, который подлежал в скором времени оплате; и учет этого нового векселя был существенно необходим для возможности уплаты по старому, при наступлении его срока. Эта уплата, таким образом, была совершенно фиктивной,—струя, которая вытекла однажды из кассы банка благодаря циркулирующим векселям, в действительности не возмещалась какою-либо струей действительного притока.

Во многих случаях количество бумажных денег, выпущенных по таким циркулирующим векселям, доходило до полной суммы капиталов, на которые организовались обширные предприятия земледельческие, торговые или фабричные, и отнюдь не ограничивались тою частью капиталов, которую предприниматели, при отсутствии бумажных денег, должны были бы иметь наготове, наличными деньгами, на случай могущих возникнуть требований платежа. Вследствие этого, выпущенные бумажные деньги, в значительной своей части, превышали то количество золота и серебра, какое обращалось бы в стране, если бы в ней не существовало бумажных денег. Оказывался, стало быть, излишек последних против того, что могло быть поглощено обращением страны, и этот излишек немедленно возвращался назад в банки для размена на золото и серебро, которое банкам и приходилось добывать во что бы то ни стало. Аферисты умели так искусно выудить капиталы из банков, без их ведома или их формального согласия, что банки в течение некоторого времени может быть даже и не подозревали, что такие капиталы ими действительно были выданы.

Когда два лица взаимно трасируют один на другого векселя и учитывают их все в одном и том же банке, то банк, конечно, очень скоро заметит их проделку и увидит, что они ведут дело не

на свой собственный капитал, а на деньги, которыми банк их снабжает. Но разоблачить такую проделку совсем не так легко, когда эти лица учитывают свои векселя то в одном, то в другом банке, когда при этом в выдаче обоюдных векселей участвуют не постоянно два только лица, а целая компания спекулянтов, находящихся взаимную выгоду поддерживать друг друга в этом способе добывания денег и старающихся вести дело так, чтоб нельзя было отличить настоящего векселя от фиктивного—векселя, выданного действительным кредитором на действительного должника, от векселя, по которому действительным кредитором является один только банк, который учел его, а действительным должником—аферист, воспользовавшийся его деньгами. Если банкиру даже и удавалось открыть их проделку, то нередко это удавалось слишком поздно; тогда банкиру приходилось считаться с тем, что он уже учел на слишком большую сумму векселей таких аферистов; что поэтому внезапным отказом в учете новых векселей он мог бы довести их до банкротства, и что их разорение могло бы, пожалуй, повлечь за собою и его собственное крушение. И вот, в таких критических обстоятельствах, банку поневоле приходится, ради собственных интересов и безопасности, продолжать кредитовать их в течение некоторого времени, стараясь, однако, понемногу отделаться от них; для этой цели банк все более и более затрудняет дисконт, чтобы заставить их постепенно или обратиться к другим банкирам, или выискать иные способы добывания денег, и самому как можно скорее выпутаться из создавшегося безысходного круга. А между тем как только Английский банк, важнейшие лондонские банки и даже более осторожные шотландские банки заметили, что зашли в учетной операции слишком далеко, и стали затруднять ее, то они не только подняли тревогу в среде аферистов, но и возбудили против себя их сильнейшее негодование. Собственное разорение, бывшее, конечно, прямым результатом благоразумной и необходимой сдержанности банков, эти господа называли разорением страны, и этим разорением—говорили они—страна обязана ничему другому, как невежеству, малодушной трусости и недобросовестности банков, которые не оказали достаточно широкой помощи прекрасным предприятиям людей, старавшихся ради славы, благосостояния и богатства страны. Они, как будто, вообразили себе, что банки во что бы то ни стало обязаны были постоянно снабжать их деньгами на такой срок и такими большими суммами, какие им казались желательными. Между тем банки, закрыв под подобные операции кредит людям, которым они и без того уже выдали слишком много денег, воспользовались в этом случае единственным оставшимся в их распоряжении средством спасти как свой собственный, так и государственный кредит своей страны.

В то время, среди общих воплей и разорения, возник в Шотландии новый банк, учрежденный с специальною целью отвести угрожавшее стране разорение. Намерение было благородно, но исполнение его безрассудно; сами учредители этого банка, кажется, не сознавали ясно, в чем собственно заключалось зло, и в чем состояли причины бедствий, против которых они хотели действовать. Новый банк стал открывать текущие счета и учитывать векселя еще щедрее, чем прежние банки. Что касается до векселей, то он, кажется, не делал никакого различия между действительными и безденежными документами и учитывал те и другие без всякого разбора. Основным принципом банка было выдавать сполна, под надежное обеспечение, весь капитал, нужный для предприятий с самым медленным и продолжительным оборотом,—даже для таких предприятий, как улучшение земель. Говорилось даже, что поощрение подобных улучшений составляло одну из главных патриотических задач, вызвавших учреждение этого банка. Благодаря легкости, с какою этот банк открывал текущие счета и учитывал векселя, ему пришлось выпустить громадное количество своих билетов. Но так как эти билеты в большей части составляли излишек против того количества, какое могло свободно найти себе помещение в стране, то они тотчас же, как только выпускались, возвращались в банк для размена на золото и серебро. Касса банка с самого его открытия не была достаточно снабжена деньгами. Хотя капитал банка по двум подпискам должен был составить 160,000 фун., однако действительно внесенные по акциям деньги не превышали 80% этой суммы. Акционеры должны были внести подписную сумму в несколько сроков; но большая часть этих акционеров, сделав свои первые взносы, завела в банке текущие счета, а правление банка, считая себя обязанным обращаться с своими акционерами-собственниками так же предупредительно, как оно обращалось со всеми другими клиентами, дало многим из них возможность занять по текущим счетам суммы, нужные для дальнейших взносов по акциям. Такими уплатами, значит, было внесено в один ящик кассы только то, что только что было вынуто из другого. Но если бы даже касса банка и была превосходно снабжена деньгами, то и тогда чрезмерный выпуск билетов истощил бы ее так быстро, что для банка не осталось бы другого средства пополнять ее, кроме крайне разорительного способа: выдавать векселя на Лондон и, по наступлении сроков, производить по ним платежи с начислением процентов и комиссии, при помощи новых трат на тот-же город. А так как касса этого банка с самого учреждения его не была полна, то и говорили, что он принужден был обратиться к этому средству уже через несколько месяцев по своем открытии. Недвижимая собственность, принадлежавшая акционерам банка, ценилась в несколько миллионов, и на

основании подписки, данной учредителями под учредительным договором банка, она служила вещественным обеспечением того, что банком будут исполнены все принятые им на себя обязательства. Большой кредит, которым он пользовался, благодаря такому крупному обеспечению, дал ему возможность, несмотря на слишком широкое ведение дела, продержаться более двух лет. Когда же он вынужден был остановить свои операции, то оказалось, что им было выпущено билетов почти на 200,000 фунт. Чтобы поддержать обращение этих билетов, возвращавшихся для размена тотчас-же, как только они выпускались, банк постоянно обращался к способу выдачи на Лондон векселей, количество которых все увеличивалось и ко дню прекращения платежей превышало 600,000 фунт. Таким образом, этот банк, в течение двух с небольшим лет, выдал разным лицам в ссуду из 5% более 800,000 фунт. Эти 5% на 200,000 фун., действительно обращавшихся в билетах банка, могли бы, может быть, составить его чистую прибыль, за исключением из них разве расходов по содержанию управления; но на сумму свыше 600,000 фун., на которую банк беспрестанно трасировал векселя на Лондон, ему приходилось платить процентов и комиссии более 8%, и таким образом он оказывался в постоянном убытке, свыше 3%, по крайней мере на три четверти своих оборотов.

Результаты операций этого банка были, кажется, совершенно противоположны тому, чего ожидали лица, задумавшие и учредившие его. Намерение их состояло, повидимому, в том, чтобы поддержать гениально задуманные предприятия,—по крайней мере они считали их такими—которые возникли тогда в разных частях страны; в то же время, стянув к себе все банковые дела, они думали заменить собою все другие учреждения этого рода в Шотландии и в особенности Эдинбургский банк, возбудивший такое сильное неудовольствие затруднениями, которые он ставил учету векселей. Без сомнения, неудавшийся банк временно оказал некоторую помощь аферистам и даже дал им возможность протянуть их предприятия почти на два года дольше, чем они могли бы продержаться без его помощи. Но этим он только дал им возможность увеличить свою задолженность, и когда наступил крах, он тем тяжелее разразился над ними и над их кредиторами. Таким образом, банк, вместо того, чтобы своими операциями облегчить тягостное положение, в которое эти аферисты поставили и себя, и страну, в действительности, в конце концов, его только усилил. Как для этих людей, так и для их кредиторов и для всей страны, было бы гораздо лучше, если бы большая часть их была поставлена в необходимость прекратить свои дела двумя годами раньше. Но, конечно, это временное облегчение, доставленное банком этим аферистам, принесло действительную и прочную помощь другим

шотландским банкам. Все дельцы, работавшие на безденежные векселя, которые так неохотно стали приниматься к учету другими учреждениями, обратились к новому банку, который принял их с распростертыми объятиями. Благодаря этому обстоятельству, для всех других банков явилась возможность в короткое время выкарабкаться из пагубного круга, из которого они не могли бы, без этого, высвободиться иначе, как с значительными убытками, а, может быть, даже с некоторою потерей своего кредита.

Таким образом, этот банк, в конце концов, своими операциями только увеличил действительные затруднения страны, которой он хотел помочь,—и действительно вывел из большого затруднения соперничавшие с ним банки, которые он намеревался вытеснить.

Если вполне благоразумные операции банков могут усилить производительность страны, то не тем, что увеличивают ее капитал, а тем, что переводят в деятельное и полезное состояние более значительную часть этого капитала, чем это было бы без их содействия. Та часть капитала, которую торговец принужден постоянно держать наготове, в наличных деньгах, на случай требования платежей, составляет мертвый запас, не приносящий никакой выгоды ни владельцу, ни стране, пока он находится в этом положении. Банк же своими благоразумными операциями обращает этот мертвый запас в деятельный и производительный капитал, а именно: в материалы, служащие объектом для труда, в орудия, помогающие труду, в продовольствие и средства существования, ради которых затрачивается труд,—вообще, в запас, который дает некоторую выгоду и владельцу капитала, и целой стране. Золотая и серебряная монета, которая обращается в стране, приводя в движение и распределяя между соответственными потребителями продукты земли и народного труда, составляет в сущности, такой же мертвый капитал, как и наличные деньги торговца. Это—весьма ценная часть капитала страны, которая остается совершенно непроизводительною. Если банк своими благоразумными операциями заменит большую часть золота и серебра бумажными деньгами, то это дает возможность превратить значительную часть этого мертвого запаса в такой деятельный и производительный капитал, который приносит выгоду стране. Золото и серебро, обращающееся в стране, можно сравнить с большою дорогой, по которой развозится и провозится на рынок зерно и сено, но которая сама не производит ни одной горсти ни того, ни другого. Благоразумные банкирские операции, открывая,—да позволено мне будет употребить эту смелую метафору—как бы большую дорогу по воздуху, дают стране возможность превратить большую часть площади, занятой под существующими большими дорогами, в хорошие пастбища и хлебные поля, и тем в значительной степени увеличить ежегодный продукт

земель и народного труда. Надо, однако, признать, что если торговля и промышленность страны могут быть при помощи бумажных денег несколько расширены, то все-таки, поднявшись, так сказать, на дедаловых крыльях бумажных денег, они никогда не будут так уверены в своем движении вперед, как если они двигаются по прочному грунту из золота и серебра.

Не говоря уже о случайностях, которым могут оказаться подверженными торговля и промышленность страны благодаря неумелости лиц, заведующих выпуском бумажных денег, они могут страдать еще и от таких случайностей, от которых не может предохранить их никакое благоразумие и никакое умение этих лиц. Так, несчастная война, во время которой неприятель овладел столицей, а вместе с нею — и теми металлическими запасами, на которых основывается обращение бумажных денег, причинила бы гораздо большие замешательства в стране с исключительно бумажным обращением, нежели в стране, где большая часть обращения происходит при помощи золота и серебра: обычное орудие обмена утратило бы свою ценность, и следовательно, всякий обмен мог бы происходить лишь в форме натуральной мены, либо в кредит; государь, получавший все налоги в виде бумажных денег, лишился бы средств для уплаты жалованья войскам и для наполнения провиантских магазинов; и все вообще положение страны оказалось бы гораздо более непоправимым, чем при металлическом обращении. Поэтому, государь, заботящийся о том, чтобы его владения всегда были в состоянии наиболее удобном для обороны, должен очень остерегаться не только такой степени умножения бумажных денег, которая может привести к разорению банки, выпускающие их, но даже и такой, при которой бумажные деньги заполняют большую часть обращения страны.

Обращение всякой страны как бы распределяется на две различные отрасли: обращение, совершающееся между торговцами, и обращение между торговцами и потребителями. Правда, одни и те же деньги, бумажные или металлические, могут быть употребляемы то в одном, то в другом обращении, но так как оба эти обращения совершаются в одно и то же время, то каждое из них нуждается для своего безостановочного движения в известном количестве денег того или другого рода. Ценность товаров, обращающихся между разными торговцами, не может превышать ценности товаров, обращающихся между торговцами и потребителями, потому что все, что покупается первыми, в конце концов назначается для продажи последним. Так как товары обращаются между торговцами обыкновенно оптом, то для каждой отдельной сделки требуется довольно крупная сумма. Напротив, так как между торговцами и потребителями обмен происходит обыкновенно в розницу, то для него часто

бывает достаточно очень маленьких сумм—какого-нибудь шиллинга и даже иногда полпенса. Но маленькие суммы обращаются гораздо быстрее больших. Шиллинг чаще меняет хозяина, чем гиней, а полпенса еще чаще, чем шиллинг. Таким образом, хотя ежегодные покупки всех потребителей по ценности своей по крайней мере равны всем покупкам торговцев, но, говоря вообще, они могут совершаться при помощи гораздо меньшего количества денег, потому что одни и те же монеты, при более быстром обращении, могут служить гораздо большему числу сделок первого рода, чем второго.

Выпуск бумажных денег может быть организован таким образом, что обращение их ограничится областью взаимных отношений между торговцами, или так, что оно распространится и на большую часть отношений между торговцами и потребителями. Где, как в Лондоне, не выпускается банкнот ниже десяти фунт. стерл., там бумажные деньги обращаются почти исключительно между торговцами: если десятифунтовый билет попадает в руки потребителя, он обыкновенно оказывается вынужденным разменять его в первой же лавке, где ему приходится купить на пять шиллингов товаров, и таким образом билет возвращается в руки торговца, прежде чем потребитель успел израсходовать сороковую часть стоимости монеты. Где, напротив, как в Шотландии, билеты выпускаются на такие мелкие суммы, как 20 шиллингов, там бумажно-денежное обращение охватывает и значительную часть отношений между торговцами и потребителями; в еще большей мере бумажные деньги заполняли эту область обращения до издания закона, прекратившего выпуск билетов в 5 и 10 шиллингов. В Северной Америке, где бумажки выпускались даже в один шиллинг, они заполняли, можно сказать, все денежное обращение.

Там, где дозволяется и обычно практикуется выпуск столь мелких бумажек, для очень многих людей, обладающих ничтожными средствами, является и соблазн, и возможность делаться банкирами и выпускать билеты. Но частые банкротства, которым подвержены такие нищенские банкиры, могут причинить немало затруднений и даже разорение многим бедным людям, принявшим в платеж их билеты. Поэтому было бы, пожалуй, лучше, если бы банкноты нигде не выпускались мельче, чем в пять фунтов. В таком случае бумажное обращение во всем королевстве ограничилось бы, как оно теперь ограничивается в Лондоне, областью отношений между торговцами.

Бумажные деньги, состоящие из банкнот, выпущенных несомненно кредитоспособными лицами, подлежащих размену и действительно размениваемых безусловно, тотчас же по предъявлении, во всех отношениях равноценны звонкой монете,—ибо в обмен на них во всякую минуту можно иметь золото или серебро; поэтому, все,

что покупается или продается на такие бумажные деньги, непременно будет покупаться или продаваться так же дешево, как если бы покупка совершалась на золото или серебро. Выше было сказано, что увеличение количества бумажных денег, увеличивая массу, а следовательно — понижая ценность всего вообще денежного обращения страны, непременно повышает денежную цену всех товаров. Но так как из обращения, в рассматриваемом случае, всегда извлекается столько же золота и серебра, сколько выпускается бумажек, то бумажные деньги не влекут за собой, с необходимостью, увеличения массы денег в обращении.

Совершенно иначе было бы при бумажных деньгах, состоящих из обязательств, немедленная оплата которых зависела бы, либо от усмотрения эмитентов, либо от условий, выполнение которых не всегда было бы во власти владельца билетов, — или из таких, по которым платеж не мог бы быть потребован ранее истечения известного числа лет, и которые тем временем не приносили бы процентов. Ценность таких бумажных денег непременно упала бы ниже ценности металлических денег. Но в таком случае падение ценности бумажных знаков ниже ценности золотой и серебряной монеты не понизит ценности металлов, иначе сказать — не будет иметь своим последствием понижение покупательной силы данного количества металла. Отношение между ценностями золота и серебра и ценностью других товаров зависит, во всяком случае, не от природы или количества бумажных денег, обращающихся в известной стране, а от богатства или бедности рудников, снабжающих металлом, в данное время, весь мировой рыночный оборот; оно зависит от отношения между количеством труда, необходимым, чтобы доставить на рынок известное количество золота и серебра, и количеством труда, необходимым, чтобы доставить туда известное количество всякого рода иных товаров.

Если банкиры лишены возможности выпускать циркулирующие банкноты или билеты на пред'явителя мельче известной суммы, и если они связаны безусловным обязательством размена их тотчас по пред'явлении, то банкирские операции без ущерба населению могут быть предоставлены во всех остальных отношениях, полному усмотрению банкиров. Увеличение числа банкирских компаний не только не угрожает общественной безопасности, но напротив — лучше гарантирует ее. Если данная масса обращения, благодаря этому, распределяется на большее число частей, то несостоятельность какой-либо одной из банкирских компаний — случай, который, в общем ходе вещей, рано или поздно может случиться, оказывает меньшее влияние на интересы публики. С другой стороны, свободная конкуренция заставляет банкиров быть более предупредительными по отношению к своим клиентам, которых, в противном случае, перехватят их

соперники. И вообще, во всякой отрасли торговли, как и во всяком подразделении общественного труда, раз это выгодно для публики, размеры этой выгоды будут тем больше, чем более свободна конкуренция.

III.

О накоплении капитала, или о труде производительном и непроизводительном.

Есть вид труда, который увеличивает ценность предмета, к которому он прилагается, и есть другой, который такого действия не имеет. Первый вид труда, производящий ценность, может быть назван производительным, второй — непроизводительным. Так, труд фабричного рабочего, говоря вообще, прибавляет к ценности перерабатываемого им материала ценность его содержания и прибыли хозяина. Наоборот, труд прислуги не прибавляет ни к чему никакой ценности. Хотя первый получает от своего хозяина заработную плату, однако, в сущности он не стоит ему никаких расходов, потому что стоимость его содержания, вместе с прибылью, воспроизводится в повышенной ценности предмета, над которым трудился рабочий. Содержание же прислуги не возвращается хозяину ни в каком виде. Человек богатеет, давая занятие массе рабочих, и разоряется, содержа многочисленную прислугу. Конечно, и труд этой последней имеет свою ценность и заслуживает вознаграждения, как и труд первых. Но дело в том, что труд рабочего воплощается или овеществляется в каком-нибудь материальном предмете, в подлежащей продаже вещи, которая продолжает существовать хоть некоторое время после того, как закончен обращенный на нее труд. Это — известное количество труда, как бы накопленное и отложенное про запас, с тем, чтобы быть использованным, если будет необходимо, при каком-нибудь другом случае. На такой предмет, или, что то же самое, на цену такого предмета можно потом, если понадобится, привести в движение новое количество труда, равное тому, какое первоначально было затрачено на этот предмет. Наоборот, труд прислуги не воплощается ни в каком определенном предмете, ни в какой такой вещи, которую потом можно было бы продать. Услуги этого рода исчезают в тот самый момент, как они оказаны, и почти никогда не оставляют после себя никакого следа в виде ценности, на которую потом можно было бы приобрести такое же количество услуг.

Труд некоторых наиболее почтенных классов общества, как и труд прислуги, также не производит никакой ценности: он также не воплощается ни в каком предмете или вещи, которые могли бы

быть проданы и продолжали бы существовать после того, как закончен труд, и на которые можно было бы потом приобрести такое же количество труда.

Так, например, государь и с ним — все гражданские, военные и другие должностные лица, вся армия, весь флот являются работниками непроизводительными. Все они — слуги государства и содержатся на счет годового продукта труда других. Служба их, как бы она ни была почтенна, полезна и необходима, не производит ничего такого, на что можно было бы потом приобрести такое же количество труда. На охрану, спокойствие, защиту государства, составляющие результат их труда в течение одного года, нельзя купить охраны, спокойствия и защиты, необходимых в следующем году. Некоторые весьма серьезные и важные профессии, точно так же, как и некоторые самые легкомысленные занятия, должны быть также отнесены к этому разряду труда непроизводительного; таковы: духовенство, юристы, врачи, ученые всякого рода, а также актеры, шуты, музыканты, певцы, танцовщики и проч. Труд самой последней из этих профессий имеет свою ценность, которая устанавливается согласно тем же законам, как и ценность всякого другого труда; но самое благородное и полезное из этих занятий не производит ничего, на что впоследствии можно было бы купить, или произвести такое же количество труда. Труд всех таких людей, как декламация актера, речь оратора или аккорды музыканта, исчезают в ту самую минуту, как они произведены.

Как производительные и непроизводительные работники, так и лица, совсем не работающие, одинаково содержатся на счет годового продукта земли и труда. Но этот годовой продукт, как бы он ни был велик, не может, однако, быть бесконечно большим и должен иметь свои границы. Смотря по тому, какая — меньшая или большая — часть этого продукта употреблена в течение года на содержание людей, не занятых производительным трудом, большая (в первом случае) или меньшая часть его (во втором случае) останется на долю занятых производительным трудом, и, стало быть, больше или меньше будет продукт в будущем году, ибо общая сумма годового продукта, за исключением лишь даровых произведений земли, есть всегда результат производительного труда.

Хотя весь годовой продукт земли и труда в стране, в конце концов, несомненно предназначен для покрытия потребительных нужд населения и для доставления им дохода, но когда он только получается из земли или выходит из рук производительных работников, он естественно распределяется на две части. В первую очередь одна из них, и притом нередко большая, предназначается для восстановления капитала, т. е. возобновления запасов предметов продовольствия, материалов и готовых изделий, которые за дан-

ное время были извлечены из состава капитала; другая—для образования дохода либо в виде прибыли владельцев капитала, либо в виде ренты владельцев земли.

Та часть годового продукта земли и труда, которая восстанавливает капитал, служит исключительно для содержания производительных рабочих, — из нее выплачивается заработная плата исключительно за производительный труд. Та, из которой образуется прибыль на капитал или земельная рента, может идти на содержание как производительных, так и непроизводительных работников. Какую бы часть своих запасов кто-либо ни использовал в качестве капитала, он, конечно, рассчитывает, что она восстановится с прибылью в его пользу; он поэтому затрачивает эту часть на содержание производительных рабочих, которым эта часть служит доходом, выполнив функции капитала по отношению к своему владельцу. Если он использует какую-либо часть своих запасов для содержания людей, не принадлежащих к числу производительных рабочих, — эта часть, тем самым, устраняется из состава капитала и поступает в состав запасов, предназначенных для непосредственного потребления владельца.

Те, кто работает непроизводительно, равно как и те, кто вовсе не работает, все содержатся за счет дохода, а именно—либо за счет той части годового продукта, которая сразу поступает в доход отдельных лиц, в виде ренты или прибыли на капитал; либо за счет той части, которая, хотя первоначально и предназначается для восстановления капитала, т. е. для содержания производительных рабочих, но которая, понав в их руки, оказывается избыточною сверх необходимых издержек их существования: эта собственно избыточная часть может быть израсходована, безразлично, на содержание производительных и непроизводительных работников. В виду этого, отношение между числом производительных и непроизводительных работников в стране зависит, в значительной мере, от отношения между тою частью годового продукта земли и капитала, которая поступает на восстановление капитала, и тою, которая поступает в доход, в виде ренты или прибыли; а это отношение очень различно в богатых и бедных странах. Та, именно, часть годового продукта, которая, как только она вышла из почвы или из рук производительных работников, предназначается на восстановление капитала, не только значительно больше в богатой стране, чем в бедной, но составляет и гораздо большую долю по сравнению с тою, которая поступает непосредственно в доход, в виде прибыли и ренты. Поэтому и запасы, предназначенные на содержание производительного труда, не только гораздо больше в богатой стране, нежели в бедной, но составляют и гораздо большую долю по сравнению с теми, которые, хотя и могут быть затрачены на содержание как

производительных работников, так и людей непроизводительных, но имеют, в общем, тенденцию расходоваться на содержание лиц последней категории. А отношение между этими двумя категориями запасов с необходимостью определяет характер населения страны, его трудолюбие или, наоборот, склонность к праздности. Мы трудолюбивее, чем были наши предки, — это потому, что в настоящее время запасов, предназначенных на содержание труда, в сравнении с теми запасами, которые предназначены скорее на содержание праздности, значительно больше, чем это было два или три столетия назад. В торговых и промышленных городах, какими являются многие английские и большинство голландских городов, где низшие классы населения содержатся, главным образом, за счет производительного капитала, они в большей части трудолюбивы, трезвы и способны улучшать свое положение, — тогда как в таких, которых благосостояние основывается, главным образом, на постоянном или временном пребывании двора и в которых поэтому низшие классы существуют, главным образом, благодаря расходованию дохода (таковы, например, Рим, Версаль, Компьень и др.); они, говоря вообще, склонны к праздности, распушены и бедны.

Таким образом, отношение между капиталом и доходом везде регулирует отношение между трудом и праздностью: где преобладает капитал, там преобладает и труд; где доход — там праздность. Поэтому всякое увеличение или сокращение капитала естественно стремится увеличить или сократить действительное количество труда, иначе сказать — число рук, занятых производительным трудом, а следовательно, и меновую ценность годового продукта земли и труда в стране, действительное богатство и доход всех ее обитателей.

Капиталы умножаются сбережением и уменьшаются вследствие расточительности и дурного ведения дел. Все, что человек сберегает из своего дохода, он присоединяет к своему капиталу, и либо сам употребляет это сбережение на то, чтобы содержать лишнее число производительных рабочих, либо дает другому возможность делать это, ссужая его своим капиталом за известный процент, то-есть за известную часть его будущей прибыли. Как капитал отдельного лица может умножаться только на ту сумму, какую он сберег из своего годового дохода или из своих годовых барышей, точно также только этим путем может умножаться и капитал целого общества, представляющий собою совокупность отдельных капиталов частных лиц.

Непосредственною причиною умножения капиталов является бережливость, а не труд. Правда, труд доставляет материал для сбережения, но как бы много труд ни зарабатывал, без экономии, сберегающей и накапливающей, капитал никогда не увеличивался бы. Бережливость, умножая запасы, назначенные на содержание производительных рабочих, стремится увеличить число этих последних,

а труд их увеличивает ценность предмета, к которому он прилагается. Следовательно, бережливость стремится увеличить меновую ценность годового продукта земли и труда и приводит в движение новое количество труда, который, в свою очередь, увеличивает ценность добытых в течение года продуктов.

Что ежегодно сберегается, то также регулярно и потребляется, как и то, что ежегодно расходуется, — и почти в такое же время; но только потребляется оно другим классом общества. Та часть дохода, которую богач ежегодно расходует, чаще всего потребляется праздными гостями и прислугой, ничего не оставляющими в возврат того, что они потребили. Другая часть дохода богача, которую он в течение года сберег, используется, как капитал, чтобы получить с него какую-нибудь прибыль, она потребляется также и почти в то же время, как и первая часть, но только совсем другим классом людей: земледельцами, рабочими, ремесленниками, которые потом с избытком воспроизводят ценность своего годового потребления. Предположим, что доход этого богача выплачивается ему денгами. Если он истратит их все сполна, то средства пропитания, одежда, помещение, все, что можно купить на эти деньги, распределится между людьми первого из этих двух классов. Но если богач сбережет часть своего дохода, то эта часть ради получения прибыли будет обращена, им ли самим или кем-нибудь другим, в капитал; тогда всем, что будет куплено на эти деньги, продовольствием, одеждою, помещением, воспользуется другой класс людей. Потребление останется то же, но потребители будут другие.

Расчетливый человек своими ежегодными сбережениями не только доставляет содержание добавочному числу производительных рабочих на тот же или на следующий год, но, подобно основателю общественной мастерской, он как бы закладывает особый фонд для содержания на вечные времена одинакового числа производительных рабочих. Правда, назначение и употребление такого фонда не обеспечено навсегда точным законом, завещанием или актом укрепления. Тем не менее полезное употребление такого фонда гарантируется одним могущественным принципом: прямым и очевидным интересом каждого отдельного лица, которому впоследствии может принадлежать какая-нибудь часть этого фонда. Никакая часть его в будущем не может быть обращена на какое-нибудь другое употребление, кроме содержания производительных рабочих, без очевидной потери для того, кто позволил бы себе изменить настоящее назначение фонда.

Так поступает только расточитель. Не соразмеряя своих расходов с доходами, он растрчивает свой капитал. Подобно человеку, расточающему на недостойные дела доходы какого-нибудь благотворительного учреждения, он оплачивает тунеядство за счет

фонда, который воздержностью его предков был, так сказать, посвящен на содержание труда. Уменьшая фонд запасов, назначенных на содержание производительного труда, он непременно уменьшает, насколько это от него зависит, сумму труда, увеличивающего ценность предмета, к которому он прилагается, а следовательно уменьшает и ценность годового продукта земли и труда целой страны, богатство и действительный доход всех ее жителей. Если бы расточительность одних не возмещалась бережливостью других, то всякий мот, прокармливая ленивцев хлебом трудолюбивых, своим способом действий разорил бы не только себя, но и страну.

Если бы даже весь доход такого расточителя заключался в потреблении предметов, приготовленных внутри страны, а не иностранных товаров, влияние его расточительности на производительные запасы общества оставалось бы то же. Ежегодно известное количество с'естных припасов и одежды, на которое можно было бы содержать производительных рабочих, уходило бы на то, чтобы кормить и одевать людей непроизводительных. А следовательно, ежегодно оказывалось бы некоторое уменьшение в ценности годового продукта земли и труда. Могут сказать, что раз эти расходы не состояли из иностранных товаров и не потребовали никакого вывоза золота и серебра, то в стране осталось то же количество звонкой монеты, что и прежде; но все-таки, если бы это количество с'естных припасов и одежды, потребленное людьми непроизводительными, распределилось между производительными рабочими, то они с избытком восстановили бы все, что потребили. В стране и в этом случае оставалось бы то же количество денег, но, сверх того, была бы воспроизведена новая ценность, равная ценности потребленных предметов; таких ценностей было бы две, вместо одной.

Последствия плохого ведения дел часто те же, что и последствия расточительности. Всякое безрассудное и безуспешное предприятие в области земледелия, горного дела, рыбного промысла, торговли или мануфактуры таким-же точно образом стремится сократить запасы, предназначенные для содержания производительного труда. Хотя в такого рода предприятиях капитал потреблен и производительными работниками, но, благодаря неправильному использованию их труда, они не воспроизводят полной ценности своего потребления, и следствием этого должно явиться известное сокращение того, что при иных условиях поступило бы в состав производительных запасов общества.

Однако, в действительности редко может случиться, чтобы положение большой нации значительно ухудшилось, благодаря расточительности отдельных лиц или дурному ведению дел отдельными-же лицами,—ибо расточительность или неблагоприятие одних всегда более чем уравниваются бережливостью других и их умелостью

в ведении дел. Великие народы никогда не беднеют от расточительности частных лиц и дурного ведения ими дел, но они беднеют иногда от расточительности и плохого управления своих правительств. В большей части государств весь или почти весь общественный доход идет на содержание непроизводительных людей. Таковы все, кто составляет многочисленный и блестящий двор, громадное церковное управление, обширный флот и большие армии, которые ничего не производят в мирное время, а во время войны не приобретают ничего в возмат расходов, сделанных на их содержание даже за время войны. Все эти люди сами ничего не производят и содержатся сполна на счет труда других. Поэтому, если они размножаются больше, чем нужно, то они могут в течение одного года потребить такую большую часть годового продукта страны, что его не достанет на содержание производительных рабочих, которые должны воспроизвести его в следующем году. Производство следующего года окажется меньше производства предыдущего; если бы такой беспорядок продолжался далее, то производство третьего года было бы менее производства второго и т. д. Этот непроизводительный класс людей, который должен бы был содержаться только на меньшую часть сбережений общества, может, таким образом, потребить большую часть народного дохода и тем заставить столь многих затронуть свои капиталы—запасы, назначенные на содержание производительного труда, что никакой бережливости, никакой умелости ведения дел частных лиц, не хватит для того, чтобы возместить убытки и потери, нанесенные производству таким вынужденным расточением капиталов.

Впрочем, опыт доказывает нам, что в большинстве случаев частной бережливости и благоразумия бывает достаточно для восстановления того, что расточено не только мотовством и безрассудством отдельных лиц, но и расточительностью правительств. Постоянное, никогда не прерывающееся стремление каждого человека к улучшению своего положения—это первоначальный источник как общегосударственного и народного, так и частного благосостояния; оно часто бывает настолько могущественно, что, несмотря на расточительность правительства и на все ошибки администрации, направляет естественное течение жизни к улучшению и развитию. Подобно неведомому еще началу жизни в животных организмах, это стремление часто восстанавливает здоровье и силу вопреки не только болезни, но даже и нелепым предписаниям врачей.

IV.

О запасах, отдаваемых в рост.

На запасы, отданные в рост, владелец смотрит всегда, как на капитал. Он рассчитывает, что в договоренный срок капитал будет возвращен ему, и что до тех пор должник будет платить ему известный процент за пользование им. Должник может воспользоваться занятыми запасами или как капиталом, назначенным для производства, или как запасом для непосредственного потребления. Если он пользуется ими как капиталом, то употребляет их на содержание производительных рабочих, которые с прибылью восстанавливают ценность запасов; в этом случае он может вернуть капитал и уплатить проценты, не отчуждая и не трогая никакого источника своих доходов. Если же он воспользуется этими запасами для личного потребления, то он поступит как мот и расточит на содержание бездельников то, что было предназначено на содержание производительного труда. В этом случае он не может ни вернуть занятого капитала, ни платить за него процентов, если не продаст чего-нибудь из своего имущества, или не тронет какою-нибудь другого источника дохода, например, недвижимого имущества или земельной ренты.

Запасы, отдаваемые в рост, без сомнения, употребляются, смотря по обстоятельствам, и тем и другим способом, но гораздо чаще первым, чем вторым. Кто занимает деньги, чтобы прожить их, скоро разорится, и лицо, снабдившее его этими деньгами, будет раскаиваться в своей опрометчивости. Поэтому, во всех случаях, кроме грубого ростовщичества, для обеих сторон не выгодно как занимать, так и давать займы с такою целью, и хотя, без сомнения, иногда случается и то и другое, однако, вследствие свойственной вообще человеку заботливости о своих собственных выгодах, можно быть уверенным, что такие случаи повторяются не так часто, как это иногда думают. Спросите любого богача, обладающего обычно степенью расчетливости: кому он роздал займы большую часть своего капитала,—тем ли, кто, по его мнению, имеет в виду дать им выгодное употребление, или тем, кто привык просто тратить их без расчета? Он, наверное, рассмеется вам в лицо. Даже между должниками—род людей, не отличающийся особою бережливостью—число расчетливых и трудолюбивых значительно превышает число расточителей и тунеядцев.

Единственная категория людей, которым обыкновенно дают деньги займы, не рассчитывая, что они воспользуются ими особенно выгодно, это—землевладельцы, делающие займы под залог своих

имений. Но даже они редко делают займы просто для того, чтобы истратить занятые деньги; про них можно сказать, что они растратили их раньше, чем заняли. Этим господам обыкновенно приходится занимать деньги за проценты для того, чтобы, наконец, расплатиться за товары, которые они забрали в долг у поставщиков и ремесленников. Занятый ими капитал восстанавливает капиталы поставщиков и ремесленников, с которыми землевладельцы иначе никак не могли бы расплатиться из доходов со своих имений. Следовательно, они занимают деньги не для того, чтобы просто прожить их, а для того, чтобы восстановить капитал, прежде истраченный.

Почти все ссуды из процентов выдаются в деньгах, либо металлических, либо бумажных. Но в чем действительно нуждается заемщик, и чем снабжает его заимодавец,—это не деньги, а ценность денег, т. е. товары, которые можно приобрести на них. Если должник думает воспользоваться деньгами для непосредственного потребления, то для этого могут быть использованы только товары, способные удовлетворить этой потребности. Если ему нужны деньги, как капитал, чтобы занять на него труд, то для этого, могут быть использованы, опять-таки, только товары, которые могут служить рабочими орудиями производства, материалом и провиантом. Заимодавец, давая деньги займа, передает так-сказать в полное распоряжение должника свое право на известную часть годового продукта земли и труда.

Следовательно, количество запасов или, как обыкновенно говорят, количество денег, которое может быть в известной стране роздано займам из процентов, определяется не ценностью денег бумажных или металлических, служащих средством для совершения займов, но ценностью той части годового продукта труда, которая, при самом выходе из земли или из рук производительных рабочих, предназначается к тому, чтобы восстановить капитал, но не всякий, а во избежание забот и хлопот такой капитал, которого владелец не расположен использовать лично. Так как такие капиталы ссужаются и выплачиваются деньгами, то они и составляют то, что принято называть „денежным интересом“ (monied interest). Последний отличается не только от „земельного интереса“ (landed interest), но и от „интереса торговли и промышленности“, поскольку их представители сами употребляют в дело свои капиталы. Тем не менее даже в денежном интересе или денежном капитале деньги служат, так сказать, лишь ассигновкой для передачи из одних рук в другие таких капиталов, которых владельцы не хотят лично использовать в дело. Эти капиталы могут быть во сколько угодно раз больше, чем сумма денег, служащая средством для их перемещения, потому что одни и те же монеты могут последовательно служить и для нескольких разных ссуд, и для многих различных

покупок. Так, например, *A* дает займы *W* 1.000 фун., на которые *W* немедленно покупает у *B* на 1.000 фун. товаров. *B*, сам не нуждаясь в этих деньгах, дает те же самые монеты займы *X*, который тотчас же покупает у *C*, также на 1.000 фунтов, других товаров; *C* опять, по той-же причине, дает эти деньги займы *U*, который опять покупает на них товаров у *D*. Таким образом, одни и те же денежные знаки, металлические или бумажные, могут, в течение немногих дней, служить средством для совершения трех различных ссуд и трех различных покупок, из которых каждая равна по ценности полной сумме этих знаков. Три капиталиста, *A*, *B* и *C*, передают трем заемщикам *W*, *X* и *U* только возможность сделать три покупки; в этой-то возможности и заключается ценность и польза ссуд. Капитал, отданный займы тремя капиталистами, равен ценности товаров, которые можно купить на него, и втрое больше ценности денежных знаков, на которые сделаны покупки. Несмотря на это, все три ссуды могут быть вполне обеспечены, если товары, купленные заемщиками, будут употреблены в дело так, что к условленному сроку вернут звонкою монетою или бумажными деньгами равную ценность и прибыль на нее. Но если при помощи одних и тех-же денежных знаков могут быть совершены займы на сумму в три, и также точно и в тридцать раз большую против их собственной ценности, то они, разумеется, могут столько же раз послужить, последовательно, и средством для уплаты долга.

Таким образом, на капитал, отданный займы из процентов, можно смотреть как на ассигновку от заимодавца заемщику на известную часть годового продукта страны, под условием, что должник будет ежегодно платить заимодавцу, во все время пользования ссудой, небольшую часть, называемую процентом, а по наступлении срока возвратит заимодавцу всю сумму, какая первоначально была занята у него, что и называется „уплатою долга“. Хотя деньги, звонкою ли монетою или билетами, служат вообще средством для уплаты как процентов, так и самого капитала,—однако, они совсем не похожи на предметы, которые передаются при их посредстве.

По мере того, как увеличивается в стране та часть годового продукта, которая при выходе из земли или из рук производительных рабочих, назначается на восполнение капитала, умножается в то-же время и „денежный интерес“—количество так называемых денежных капиталов или денег, даваемых займы. Увеличение капиталов, из которых владельцы желают извлекать доход, не трудясь сами употреблять их в какое-нибудь дело, составляет естественное последствие общего умножения капиталов; или, говоря иначе, по мере умножения запасов вообще, увеличивается и количество запасов, раздаваемых в ссуду из процентов.

Но по мере того, как увеличиваются раздаваемые в ссуду запасы, процент или цена, которую приходится платить за пользование ими, необходимо уменьшается, не только на основании общих причин, в силу которых, вообще, цена товаров на рынке падает по мере увеличения их предложения, но и в силу совершенно особых причин, действующих только в этом частном случае. По мере умножения капиталов в стране, уменьшается прибыль, которую можно получить от применения их в дело, потому что становится все труднее и труднее находить в стране выгодное помещение для новых капиталов.

Вследствие этого, обыкновенно возникает соперничество между различными капиталами, потому что каждый капиталист старается овладеть для своего капитала помещением, занятым другим. Но обыкновенно капиталист может вытеснить чужой капитал из производства не иначе, как ведя дело на более льготных условиях. При этом он бывает вынужден не только продавать товар несколько дешевле, но, чтобы найти случай продать, должен иногда и покупать дороже. С увеличением запасов, назначенных на содержание производительного труда, усиливается и спрос на такой труд: рабочие легко находят себе работу, но владельцам капиталов все труднее найти рабочих. Соперничество между капиталистами подымает заработную плату и понижает прибыль с капитала. Но если прибыль, которую можно получить от пользования капиталом, урезывается, так сказать, с двух концов, то вместе с тем неизбежно уменьшается и плата, какую можно дать за пользование этим капиталом, т. е. процент.

Г.г. Локк, Монтескье и Ло, как и многие другие писатели, по видимому, думали, что увеличение массы золота и серебра, явившееся следствием открытия испанской Вест-Индии, было действительною причиною понижения процента в большей части Европы. Так как эти металлы—рассуждают они—потеряли в своей ценности, то должна была понизиться и ценность пользования любым количеством этих металлов, а следовательно, и плата за такое пользование.

Этот взгляд, по первому впечатлению кажущийся весьма основательным, был настолько обстоятельно изложен г. Юмом, что подробнее останавливаться на нем нет необходимости. Между тем, нижеследующее короткое и простое рассуждение с очевидностью покажет его ошибочность. Ведь каковы бы ни были причины, понизившие ценность денежного капитала, они непременно должны были понизить и ценность платимых за него процентов—понизить, притом, совершенно в той же пропорции. Поэтому, отношение между стоимостью капитала и стоимостью процентной платы должно было остаться неизменным, хотя бы не изменились нормы процента, и наоборот, при изменении этой последней неизбежно должно было

бы измениться и упомянутое отношение. Всякое увеличение количества серебра, пока остается неизменным количество обращающихся при его посредстве товаров, не могло иметь других последствий, кроме уменьшения стоимости этого металла; повысились бы номинальные цены всех товаров, но реальные цены остались бы без изменения; без изменения остался бы и капитал страны, хотя для перемещения какой-либо части его из одних рук в другие потребовалась бы большая сумма денег. А раз неизменным остался бы капитал страны, то неизменным осталось бы и соперничество между индивидами, среди которых распределен этот капитал.

При таком положении дел, осталось бы без изменения и обычное отношение между капиталом и прибылью, а следовательно, и обычный процент на занятые деньги,—ибо то, что можно платить за занятые деньги, регулируется тем доходом, который может быть получен от пользования этими деньгами.

Напротив, всякое увеличение количества товаров, ежегодно обращающихся в стране, при неизменности количества обращающихся денег, не только повысило бы ценность последних, но имело бы и многие другие весьма важные последствия. Капитал страны, хотя номинально был бы тот же, в действительности возрос бы,—он мог бы попрежнему выражаться в том же количестве монеты, но в действительности распорядился бы большим количеством труда. Проявляющееся отсюда возрастание спроса на труд привело бы к возрастанию реальной заработной платы, при кажущемся (номинальном) ее понижении. Напротив, прибыль на капитал понизилась бы как номинально, так и реально: благодаря возрастанию капитала страны, соперничество между отдельными капиталами естественно усилилось бы в соответствующей степени; владельцы этих отдельных капиталов были бы вынуждены довольствоваться меньшей долей продукта того труда, которому их капиталы давали бы занятие; значительно понизился бы, благодаря этому, и процент, который всегда колеблется в соответствии с колебаниями уровня прибыли, несмотря на то, что ценность денег, т. е. количество товаров, которое можно приобрести за определенную сумму, значительно возросло бы.

В некоторых странах рост был запрещен законом. Но так как пользование капиталом везде доставляет известные выгоды, то за это пользование везде следует платить. Как показал опыт, подобное запрещение, вместо того, чтобы предотвратить, только усиливало зло ростовщичества, потому что должнику приходилось платить не только за пользование капиталом, но и за риск, которому подвергался кредитор, соглашаясь предоставить ему, за вознаграждение, пользование капиталом; должнику приходилось, если можно так выразиться, страховать кредитора против наказаний за ростовщичество.

В странах, где рост дозволен, закон, в целях предотвращения вымогательств ростовщиков, обыкновенно устанавливает высший процент, какой можно брать, не подвергаясь наказанию. Этот законный процент должен бы быть всегда несколько выше нижней рыночной цены, т. е. той цены, которую обычно платят за пользование деньгами те, чей кредит является наиболее обеспеченным. Если бы этот законный процент был ниже, то последствия были бы приблизительно те же, что при запрещении взимания роста. С другой стороны, законный процент не должен быть и значительно выше низшего рыночного процента: если бы, в самом деле, законный процент был установлен для Великобритании в 8 или 10%, то большая часть денег, которые могут быть даны в займы, раздавалась бы в займы расточителям и аферистам, которые одни только соглашались бы платить такой высокий процент, — благоразумные же люди, которые не согласятся платить за пользование деньгами более чем часть того, что они могли бы приобрести при их помощи, не рискнули бы вступить с последними в соревнование.

Надо заметить, что рыночная цена земель везде зависит от рыночной величины процента. Кто владеет капиталом, с которого хочет получать доход, не трудясь самому употреблять его в какое-нибудь дело, обыкновенно соображает, что ему выгоднее — купить ли землю, или отдать свой капитал в рост за проценты. Большая обеспеченность помещения капитала в землю и некоторые другие преимущества, доставляемые почти везде земельною собственностью, побудят капиталиста довольствоваться меньшим доходом с земли, нежели какой он мог бы получить, отдавая свои деньги в рост. Эти преимущества землевладения уравнивают известную разницу в доходах; но если земельная рента упадет много ниже процента с капитала, отдаваемого в рост, то никто не захочет покупать земель, которые, поэтому, скоро упадут в цене до своего обычного размера. Наоборот, если выгоды землевладения более, чем вознаграждают владельца за разницу в доходах, в сравнении с процентом на капитал, то все станут покупать земли, вследствие чего рыночная цена их скоро подымется. Когда процент стоял на 10, то земли продавались обыкновенно за цену, равную 10-ти—12-ти летней капитализации дохода. По мере того, как процент падал до 6, 5 и 4 со 100, цена земель поднялась до 20-ти и 30-ти летней капитализации. Рыночная величина процента во Франции выше, чем в Англии, и потому земли продаются там дешевле: во Франции они продаются по 20-летней, а в Англии по 30-летней капитализации.

V.

О различных помещениях капиталов.

Хотя все капиталы назначены только на содержание производительного труда, однако, количество этого труда, употребляемого в дело при равных размерах капитала, чрезвычайно изменяется, смотря по различному помещению последних, а вместе с этим изменяется и ценность, которая при этом прибавляется к ежегодному продукту земли и труда в стране.

Есть четыре различных способа помещения капитала: 1) доставление обществу сырых продуктов, необходимых ему для ежегодного пользования и потребления; 2) мануфактурное производство, т. е. обработка этих сырых продуктов для непосредственного пользования или потребления; 3) перевозка как сырых, так и обработанных произведений с одного места, где их много, в другое, где чувствуется в них недостаток; наконец, 4) распределение тех и других на малые части, соответственно каждодневным нуждам потребителей.

Первым из этих способов помещены капиталы всех, кто принимает обработку, улучшение и эксплуатацию земель, рудников и рыбных угодий; вторым способом — всех мануфактуристов и ремесленников; третьим — оптовых, а четвертым — мелочных торговцев. Трудно представить себе какое-нибудь помещение капитала, которое не подошло бы под один из этих четырех видов.

Каждый из этих четырех способов употребления капитала существенно необходим как для существования и развития трех остальных, так и для удобств всего общества.

Если бы не было капитала, который мог бы доставлять в достаточном количестве сырые продукты, то не могло бы существовать никакой промышленности и никакой торговли.

Если бы не было капитала, для переработки той части сырого продукта, которая требует значительной подготовки прежде чем поступить в пользование и потребление, то эта часть продукта совсем не производилась бы, потому что на нее не было бы спроса. Если бы даже она была произведена, так сказать, самопроизвольно, то все-таки не имела бы никакой меновой ценности и не прибавила ничего к богатству страны.

Если бы не было капитала для перевозки сырых продуктов или обработанных изделий из мест, где их слишком много, в места, где их недостает, то не стали бы производить ни тех, ни других больше того количества, какое нужно для местного потребления. Капитал купца, обменивая избыток произведений одной местности

на избыток произведений другой, поощряет промышленность и умножает средства потребления обеих стран.

Если бы не было капитала для того, чтобы делить и дробить сырые продукты и обработанные изделия на мелкие части соответственно случайностям спроса потребителей, то всякий был бы принужден покупать необходимые ему товары в гораздо большем количестве, чем сколько нужно ему в данное время. Например: если бы не было промысла мясника, то каждому приходилось бы покупать за-раз по целому быку или барану; такое положение представляло бы очень большие неудобства для богатых и ещё большие для бедняков. Если бы бедному мастерскому приходилось закупать съестные припасы разом на целый месяц или даже на шесть месяцев, то он был бы принужден большую часть средств, употребляемых им теперь, в виде капитала на инструменты или обстановку мастерской и приносящих ему доход, тратить на такие предметы, которые были бы пригодны только для его непосредственного потребления и не давали бы ему никакого дохода. Для людей этого класса нет ничего удобнее, как покупать себе жизненные припасы изо-дня в день даже с часа на час, по мере того, как чувствуется надобность в них. При таком положении они могут употреблять почти все свое имущество, как капитал, следовательно, могут поставлять наибольшую сумму изделий, а прибыль, которую они получают при этом, с избытком вознаграждает их за переплату на товарах, купленных по частям у мелочных торговцев,—переплату, которая составит прибыль последних. Предубеждение некоторых писателей против мелочных торговцев и лавочников ни на чем не основано. Нет никакой надобности стеснять их какими-либо поборами, или ограничивать их число, потому что если размножение их и может быть вредно, то никак не обществу, а только им самим. Количество, например, бакалейных товаров, продаваемых в каком-нибудь городе ограничивается спросом на них в этом городе и его окрестностях; поэтому капитал, который может быть помещен в торговлю бакалеей, не может быть больше того, что требуется на покупку нужного количества этого рода товаров. Если этот капитал распределяется между двумя бакалейщиками, то каждый из них, вследствие соперничества, будет продавать свой товар дешевле, чем если бы этот капитал находился в руках только одного из них; а если он распределится между двадцатью, то во столько-же раз усилится соперничество между ними, и во столько-же раз меньше вероятности, что они сговорятся между собою поднять цену на свои товары. Правда, сильное соперничество, может быть, разорит кого-нибудь из торговцев, но это уж дело заинтересованных сторон—держаться себя на-стороже; можно с полным спокойствием положиться здесь на их собственное благоразумие. Их соперничество не повредит ни

потребителю, ни производителю; напротив, оно заставит розничных торговцев продавать дешевле и покупать дороже, чем если бы вся торговля была монополизирована одним или двумя лицами. Конечно, может случиться, что кто-нибудь из них навяжет слабовольному покупателю такие товары, которые ему вовсе не нужны. Но это зло—слишком ничтожно, что бы из-за него стоило вмешиваться правительству. При том оно не было бы устранено сокращением числа мелочных торговцев. Не размножение кабаков порождает в простом народе склонность к пьянству, а, напротив, эта самая склонность, вызываемая совсем другими причинами, порождает возможность существования такого множества кабаков.

Люди, употребляющие свои капиталы тем или другим из этих четырех способов, принадлежат к классу производительных работников. Их труд, если только он правильно направлен, овеществляется в каком-нибудь предмете или вещи, которые могут быть проданы, и к цене предмета он прибавляет по крайней мере то, чего стоило их собственное продовольствие и потребление. Прибыли фермера, мануфактуриста, купца, розничного торговца извлекаются из цены товаров, производимых двумя первыми и продаваемых двумя последними. Но одинаковые капиталы, смотря потому, каким из этих четырех способов они употреблены в дело, дают занятие весьма различным количествам производительного труда, и следовательно, в весьма различной степени увеличивают ценность годового продукта земли и труда того общества, которому капитал принадлежит.

Капитал розничного торговца восстанавливает с прибылью капитал оптового, у которого он закупает свои товары и тем дает ему возможность продолжать свою торговлю. На этот капитал не содержится никаких производительных рабочих, кроме самого хозяина-мелочника. В прибыли этого последнего заключается вся ценность, которую капитал, таким способом помещенный, прибавляет к годовому продукту земли и труда в стране. Капитал оптового торговца с прибылью восстанавливает капиталы фермеров и мануфактуристов, у которых он покупает для своей торговли сырые продукты и обработанные изделия, и тем дает возможность фермерам и фабрикантам продолжать свое дело. Этою, главным образом, услугою он косвенно содействует поддержанию производительного труда в обществе и увеличению ценности годового продукта этого труда. Капитал оптового купца дает также, работу возчикам и судовщикам, которые перевозят его товары из одного места в другое, и увеличивают цену этих товаров на всю сумму ценности как заработной платы этих рабочих, так и собственной прибыли. В этом собственно заключается весь производительный труд, непосредственно употребляемый в дело этим капиталом, и вся ценность, которую он непосредственно прибавляет к годовому продукту страны. С обеих точек зрения,

обороты капитала оптовой торговли гораздо важнее оборотов розничного торговца.

Часть капитала мануфактуриста помещается, в виде постоянного капитала, в орудия производства и, таким образом, восстанавливает с прибылью капитал какого-нибудь мастера, у которого он покупает их. Часть его оборотного капитала употребляется на покупку материалов и восстанавливает, также с прибылью, капиталы фермеров и горнопромышленников, продающих ему эти материалы. Но большая часть этого капитала распределяется, в течение года или в более короткий срок, между разными рабочими, которых он нанимает. Этот капитал прибавляет к ценности материалов всю заработную плату, а также прибыль хозяина на общую сумму и заработной платы, и материалов и орудий производства, употребляемых в предприятии. Таким образом, он дает занятие гораздо большему количеству производительного труда и прибавляет гораздо большую ценность к годовому продукту земли и труда в стране, нежели капитал оптового купца.

Но ничей капитал, при одинаковом размере, не приводит в движение такого большого количества производительного труда, как капитал фермера: не только его рабочие, но и рабочий скот представляют собою производительную рабочую силу. Кроме того, в земледелии природа работает вместе с человеком, и хотя труд ее достается ему даром, однако то, что она производит, имеет такую же ценность, как и то, что производят самые дорогие рабочие. Самые важные земледельческие работы имеют целью не столько усилить плодородие земли (хотя они достигают и этой цели), сколько направить его на производство самых выгодных для человека растений. Поле, заросшее вереском и терновником, часто производит разделанный виноградник или пашня. Земледелец, засевая или засаживая свое поле, часто не столько возбуждает деятельное плодородие природы, сколько направляет его к известной цели и, окончив все свои работы, он предоставляет природе одной довершить наибольшую часть дела. Вот почему рабочие и рабочий скот, употребляемые в земледелии, не только содействуют, подобно фабричным рабочим, воспроизведению ценности, равной их потреблению или капиталу, на них потраченному, с прибавкою прибыли капиталиста, но производят еще гораздо большую ценность. Кроме капитала фермера и всех прибылей на этот капитал, они содействуют еще правильному воспроизведению ренты землевладельца, на которую можно смотреть как на продукт действия сил природы, отдаваемых землевладельцем в пользование фермера. Рента может быть больше или меньше, смотря по предполагаемым размерам этих сил природы, или другими словами—смотря по большему или мень-

шему естественному или искусственному плодородию земли. Она—продукт природы, который остается по вычете всего, что может считаться делом человеческих рук; она редко составляет менее четвертой, часто же более третьей части всего продукта. Никакое количество производительного труда, занятое на фабрике, не дает такого богатого результата. На фабрике природа не делает ничего, все делается там руками человека, а воспроизведение должно непременно находиться в соответствии с могуществом действующих сил в данном деле. Капитал, вложенный в земледелие, не только приводит в движение большее количество производительного труда, в сравнении с таким же капиталом на фабрике, но еще прибавляет, по сравнению с количеством занятого в нем производительного труда, гораздо большую ценность к годовому продукту земли и труда в стране, а следовательно, к действительному богатству и действительному доходу ее жителей. Из всех способов помещения капиталов это, без сомнения, самый выгодный для общества.

Капиталы, употребляемые на сельское хозяйство, или на розничную торговлю, всегда остаются внутри страны. Помещение их всегда связано с определенным пунктом—с фермой или лавкою торговца. К тому-же эти капиталы, за немногими исключениями, принадлежат постоянно-живущим членам данного общества.

Наоборот, капитал оптового торговца не связан, кажется, ни с каким определенным местом: он легко переходит с одного места на другое, смотря по тому, где можно дешевле купить или дороже продать.

Капитал фабриканта должен, бесспорно, находиться там, где устроена фабрика; но определить наперед место, где должна быть устроена фабрика, не всегда возможно. Часто она устраивается очень далеко как от места, где добываются сырые материалы, так и от места, где потребляются обработанные изделия. Лион, например, расположен очень далеко как от мест, доставляющих сырые материалы для его фабрик, так и от мест, где потребляются их фабрикаты. В Сицилии люди высшего класса одеваются в шелковые материи, приготовляемые за границей из сицилийских материалов. Часть испанской шерсти выделывается на английских фабриках, а часть выделанного здесь сукна возвращается в Испанию.

Будет ли купец, на капитал которого вывозится избыточный продукт страны, коренным жителем ее или иностранцем, это не имеет никакого значения. Если он иностранец, то число производительных работников страны будет только на одного человека меньше, чем если бы он был коренным ее жителем, и следовательно ценность годового продукта ее будет меньше только на сумму прибыли этого одного человека. Нанимаемые им судовщики и

возчики также точно могут быть или его соотечественниками, или туземцами, или принадлежать к какой-нибудь третьей стране, — это безразлично в такой же степени, как если бы он был сам уроженцем страны. Капитал иностранца сообщает ценность избыточному продукту страны совершенно так же, как и капитал соотечественника, путем обмена на товар, на который есть спрос в стране. Он также точно восстанавливает капитал человека, который произвел этот излишек, и также точно дает ему возможность продолжать свое производство; а в этом собственно и заключается главная услуга капитала оптового торговца: поддержанию производительного труда в обществе, коего он состоит членом, и увеличению ценности годового продукта этого общества.

Гораздо важнее, чтобы оседлым в стране был капитал фабриканта. В таком случае он доставляет работу гораздо большему количеству производительного труда и прибавляет гораздо большую ценность к годовому продукту земли и труда в стране. Впрочем, такого рода капитал может быть очень полезен стране даже и тогда, когда не является в ней оседлым. Капиталы английских фабрикантов, которые обрабатывают пеньку и лен, привозимые ежегодно с берегов Балтийского моря, без сомнения, очень полезны странам, откуда привозятся эти продукты. Последние составляют часть избыточного продукта этих стран, и если бы этот избыток ежегодно не менялся на товары, на которые есть спрос в стране, то не имел бы никакой ценности, и его производство скоро прекратилось бы. Купцы, которые вывозят эти продукты за границу, восстанавливают капитал тех, кто их производит, и тем самым поощряют их к продолжению производства, английские же фабриканты, в свою очередь, восстанавливают капиталы этих купцов.

Часто случается, что у целой страны, как и у частного человека, не достаёт капитала для улучшения и возделывания всех ее земель, для переработки всего ее сырого продукта для непосредственного пользования и потребления и, наконец, для перевозки избытка как сырых продуктов, так и обработанных изделий на отдаленные рынки, где можно было бы променять их на какие-нибудь предметы, на которые есть спрос в стране. В Великобритании, например, есть много таких областей, где недостаёт капиталов для улучшения и возделывания земель. Шерсть из южных областей Шотландии идет длинным сухим путем, по очень дурным дорогам, на фабрики Йоркского графства, где и перерабатывается, за недостатком капитала для выделки ее на месте. В Великобритании есть много мелких фабричных городков, жителям которых недостаёт капиталов для перевозки изделий собственной промышленности на отдаленные рынки, где есть спрос на них и потребление. Если в таких городках и есть торговцы, то они обыкновенно бывают

агентами более богатых купцов, живущих в каких-нибудь больших торговых центрах.

Если капитала страны не хватает для исполнения этих трех функций, то чем большая часть его будет употреблена на земледелие, и чем сравнительно больше вызовет она производительного труда в стране, тем, конечно, большую ценность прибавит такой капитал к годовому продукту земли и труда в обществе. За земледелием следует фабричное дело, потому что употребленный на него капитал занимает большее количество производительного труда и прибавляет большую ценность к годовому продукту страны. Капитал же, затраченный на вывозную торговлю, имеет наименьшее значение из всех трех видов капитала страны.

Если страна не обладает достаточным капиталом, чтобы исполнять все эти три функции вместе, то она, значит, не достигла еще той степени благосостояния, к которой естественно предназначена. Но попытка мерами преждевременными, при недостаточном капитале, выполнить все три функции не составит, без сомнения, ни для целого общества, ни для отдельного человека кратчайшего пути для приобретения достаточного капитала. Для капитала целого народа существуют такие же границы, как и для капитала каждого отдельного человека; пределы имеют и обороты этого капитала. Капитал всех лиц, образующих народ, умножается точно так же, как и капитал каждого отдельного лица, тем, что они непрерывно накапливают его и прибавляют к нему сбережения из получаемых ими доходов. Поэтому он будет умножаться быстрее всего, если будет давать наибольший доход всем жителям страны, ибо тогда он даст им возможность делать наибольшие сбережения; доход же всех жителей страны непременно зависит от ценности годового продукта земли и труда.

Всякая оптовая торговля, всякая покупка с целью перепродажи оптом же, может быть подведена под один из следующих трех видов: внутренняя торговля, внешняя торговля, вывозная и ввозная, и перевозочная торговля¹. Первая состоит в закупке продуктов страны в одной ее части с целью перепродажи в другой, включая в том числе и внутреннюю сухопутную, и каботажную морскую торговлю. Внешняя ввозная торговля состоит в закупке иностранных товаров для внутреннего потребления. Перевозочная торговля сводится к посредничеству в торговле между двумя иноземными стра-

¹ Слова «перевозочная торговля» — буквальный перевод употребляемого у Адама Смита термина *carrying trade*, — таким образом, приходится переводить, за недостатком другого, более подходящего русского термина, для обозначения такого рода торговли, когда торговцы известной нации выступают в роли посредников между производителями или потребителями двух посторонних наций или стран.

нами, т. е. в доставке избыточного продукта одной из них в другую. Капитал, занятый во внутренней торговле, обыкновенно восстанавливает, при каждом своем обороте, два различных капитала, занятых в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности страны, и таким образом дает тому и другому возможность продолжения производства. Высылая из местопребывания купца известное количество товаров определенной ценности, она, обычно, доставляет обратно в то-же место, по меньшей мере, на такую-же сумму других товаров. Если тот и другой товар—продукты отечественного производства, внутренняя торговля при всякой операции такого рода с необходимостью восстанавливает два различных капитала, которые оба давали занятие производительному труду, и таким образом дает им возможность продолжать поддерживать такой труд. Капитал, посылающий шотландские товары в Лондон и доставляющий обратно в Эдинбург английское зерно и мануфактуру, при каждом обороте восстанавливает два британских капитала, которые были заняты в сельском хозяйстве или в обрабатывающей промышленности Великобритании.

Если капитал употребляется на покупку иностранных товаров, предназначенных для внутреннего потребления страны, и если при этом они куплены на продукты ее местного производства, то он, правда, при каждом таком обороте также восстанавливает два отдельных капитала; однако, только один из них содействует развитию промышленности данной страны. Капитал, на который отправляются в Португалию английские товары и привозятся в Англию товары португальские, восстанавливает, при каждой такой операции, только один английский капитал, другой же принадлежит Португалии. Поэтому, если бы обороты торговли иностранными товарами, назначенными для внутреннего потребления страны, совершались даже с той же быстротою, как и обороты ее внутренней торговли, то все-таки капитал, употребленный на первую, принес бы вдвое меньше пользы промышленности или производительному труду страны.

Однако лишь очень редко случается, чтобы обороты заграничной торговли, назначенной для внутреннего потребления страны, совершались так же быстро, как обороты внутренней торговли. Обороты внутренней торговли заканчиваются, говоря вообще, скорее чем в год, иногда же они завершаются по три и по четыре раза в год. Обороты внешней торговли товарами, назначенными для внутреннего потребления страны, лишь в редких случаях заканчиваются в год, иногда же—лишь по истечении двух и даже трех лет. Таким образом капитал, помещенный во внутренней торговле, может иногда сделать двенадцать разных операций, т. е. может быть израсходован двенадцать раз и столько же раз вернуться в дело, тогда как капитал, затраченный на заграничную торговлю предметами потре-

бления, не сделает в тот же срок более одного оборота. Следовательно, из двух одинаковой величины капиталов один окажет в двадцать четыре раза больше поощрения и содействия промышленности страны, чем другой.

Иногда иностранные товары, назначенные для внутреннего потребления страны, могут быть куплены не на продукты местного производства, а на какие-нибудь другие, иностранные же, товары. Но эти последние все-таки были куплены или непосредственно на продукты внутреннего производства страны, или на какие-нибудь другие товары, приобретенные в обмен на эти продукты, потому что—если не считать случаев войны и завоевания—нет иного средства приобрести иностранные товары, как меняя их на какие-нибудь продукты внутреннего производства страны, все равно—будет ли при этом непосредственно совершен только один обмен или два и даже более. Следовательно, капитал, действующий в такой многостепенной или кружной торговле иностранными товарами, назначенными для внутреннего потребления, будет иметь во всех отношениях такое же влияние, как и капитал, действующий в этого рода торговле более прямым путем, за исключением лишь того, что конец оборота его отдалится, вероятно, еще значительно более, так как он будет зависеть от двух или трех различных оборотов иностранной торговли. Если пенька или лен покупаются в Рите на виргинский табак, который был куплен на какой-нибудь обработанный английский продукт, то купцу приходится ждать окончания двух различных оборотов внешней торговли, прежде чем употребить тот же капитал на покупку вновь такого-же количества английских продуктов. А если бы виргинский табак был куплен не на английские продукты, а на сахар и ямайский ром, купленные на эти продукты, то купцу пришлось бы ждать окончания трех заграничных оборотов. Если бы эти две или три заграничные операции были сделаны двумя или тремя разными купцами, из которых второй купил бы товары, ввезенные первым, а третий—ввезенные вторым, чтобы потом снова вывезти их; то в этом случае, конечно, каждый из купцов выручил бы свой капитал скорее. Но окончательное восстановление всего капитала, затраченного на эти операции, не совершилось бы скорее. Для целой страны нет ни малейшей разницы в том, принадлежит ли капитал, затраченный на такую кружную внешнюю торговлю, одному или трем купцам—это может иметь значение только по отношению к каждому купцу в отдельности. Для обмена известного количества английских изделий на известное количество льна и пеньки потребуются, в том и другом случае, капитал втрое больше того, какой понадобился бы, если бы фабричные изделия, с одной стороны, а пенька и лен, с другой, обменивались прямо друг на друга. Поэтому весь капитал, затраченный на такую

кружную внешнюю торговлю, окажет, говоря вообще, производительному труду страны меньше поощрения и поддержки, чем равный ему капитал, затраченный на того же рода торговлю, но производимую прямым путем.

Каковы бы ни были иностранные товары, на которые покупаются за границей предметы, необходимые для внутреннего потребления страны, это не может иметь никакого существенного значения ни в отношении характера торговли, ни в отношении размеров поддержки и поощрения производительному труду той страны, где производится торговля. Будут ли эти товары куплены, например, на бразильское золото или перуанское серебро, во всяком случае, это золото и серебро так же точно, как и виргинский табак, должны быть куплены на какие-нибудь продукты промышленности страны, или на что-нибудь другое, купленное прежде на такие продукты. Следовательно, в отношении к производительному труду страны, внешняя торговля предметами, предназначенная для внутреннего потребления, хотя бы и велась при посредстве золота и серебра, представляет те же выгоды и невыгоды, как и всякая другая торговля, имеющая в той же мере кружный или многостепенный характер: она делает такое же количество оборотов, и восстанавливает так же скоро, или так же медленно, капитал, непосредственно служащий поддержанию производительного труда. Кажется впрочем, что такая торговля имеет одну выгоду в сравнении со всякою другою не прямою внешнею торговлею. Перевозка драгоценных металлов с одного места на другое, в виду их большой ценности при малом объеме, требует меньших расходов, чем перевозка почти всех других иностранных товаров такой же ценности: фрахты гораздо меньше, а страхование не дороже. Поэтому, при посредстве золота и серебра, часто можно купить одинаковое количество иностранных товаров на меньшее количество продуктов внутренней промышленности, чем при посредстве всякого другого иностранного товара. При этом способе часто можно удовлетворить спросу страны гораздо полнее и с меньшими расходами, чем при всяком другом.

Та часть капитала страны, которая употребляется на перевозочную торговлю, совсем отвлекается от поддержания производительного труда этой страны и обращается на поддержание труда других стран. Хотя каждую из этого рода операций и восстанавливают два разных капитала, однако, ни тот, ни другой не составляют капитала данной страны. Капитал голландского купца, который перевозит в Португалию хлеб из Польши и привозит в Польшу фрукты и вина из Португалии, восстанавливает каждую из этих операций два капитала; но ни один из них ничем не служит производительному труду Голландии, ибо один из них поддерживает производительный труд Польши, а другой—Португалии. В пользу же

Голландии поступают только полученные кушом прибыли, которые и представляют собою все, что этого рода торговля прибавляет к годовому продукту земли и труда этой страны. Правда, когда перевозочная торговля страны производится на судах и экипажем, принадлежащими стране, то затраченная на эту торговлю часть капитала, оплачивающая расходы по перевозке, распределяется между известным количеством производительных рабочих этой страны, доставляя им работу. В действительности так вели дело почти все народы, принимавшие большое участие в перевозочной торговле. Отсюда, вероятно, эта торговля и получила свое название, потому что жители стран, занимающихся ею, в действительности служат перевозчиками других стран. Впрочем, это обстоятельство не имеет, кажется, существенного значения для этого рода торговли. Голландский купец может, например, употребить свой капитал на торговые операции между Польшей и Португалией, перевозя часть излишка продуктов одной страны в другую на английских, а не на голландских кораблях, как это, вероятно, и бывает в некоторых случаях. Смотри на дело именно с этой точки зрения, и предполагали, что перевозочная торговля особенно выгодна такой стране, как Великобритания, так как защита и безопасность ее зависит от числа моряков и обширности флота. Но ведь на капитал, помещенный во внешнюю торговлю для внутреннего потребления или во внутреннюю каботажную торговлю, можно содержать точно такое же число судов и экипажа, как и на такой-же капитал, употребленный на перевозочную торговлю. Число моряков и судов, которое может быть занято на счет капитала, зависит не от свойства торговли, в которую он затрачен, а частью от объема товаров сравнительно с их ценностью, частью от расстояния между портами, между которыми они перевозятся; главным же образом оно зависит от первого из этих двух условий. Торговля, например, каменным углем между Ньюкэстлом и Лондоном занимает больше судов и матросов, чем вся перевозочная торговля Англии, хотя расстояние между этими двумя портами совсем не так велико. Следовательно, привлекать капиталы искусственными средствами к участию в перевозочной торговле в большем количестве, чем сколько само собою помещается в такую торговлю, не будет надежным средством для увеличения торгового флота страны.

Таким образом, капитал, употребленный на внутреннюю торговлю страны, говоря вообще, оказывает поощрение и поддержку гораздо большему количеству ее производительного труда и больше увеличивает ценность ее годового продукта, чем такой-же капитал, затраченный во внешнюю торговлю предметами, предназначенными для внутреннего потребления. А капитал, употребленный на эту последнюю торговлю, и в том и в другом отношении, приносит не-

сравненно больше выгод, чем капитал, затраченный на перевозочную торговлю. Богатство страны и ее могущество, на сколько последнее может зависеть от богатства, должно всегда находиться в прямом отношении к ценности ее годового продукта, составляющего единственный источник, из которого, в конце-концов, почерпаются все налоги. А так как главная задача экономической политики всякой страны заключается в умножении богатства страны и в усилении ее могущества, то и не следует давать никакого предпочтения или поощрения ни внешней торговле предметами потребления перед внутреннею, ни перевозочной перед двумя первыми. Эта политика не должна ни поощрять, ни привлекать посредством льгот или стеснений, к которому-либо из этих двух каналов обращения больше капиталов, чем сколько влилось бы их туда при естественном ходе вещей.

Как бы то ни было, но каждая из этих отраслей торговли не только выгодна, но необходима и неизбежна, если только она возникает сама собою, в силу естественного хода вещей, без всякого внешнего стеснения и принуждения.

Если количество продуктов какой-нибудь отрасли промышленности превышает существующий в стране спрос, то избыток их непременно пойдет за границу в обмен на что-нибудь такое, что требуется внутри страны. Без такого вывоза часть производительного труда страны прекратится, и ценность ее годового продукта уменьшится. Почва и труд Великобритании производят в общем больше хлеба, шерстяных и металлических изделий, чем сколько требуется на внутреннем рынке, а потому излишек их должен быть вывезен за границу в обмен на что-нибудь такое, что требуется в стране. Только при помощи вывоза этот излишек может получить достаточную ценность, чтобы вознаградить за труд и издержки производства. Близость моря и судоходные реки только тем и выгодны для промышленности, что облегчают перевозку и обмен излишка ее произведений на какие-нибудь предметы, более необходимые для страны.

Если капитал какой-либо страны настолько возрос, что для него не находится достаточного помещения в снабжении внутреннего потребления и в поддержании внутреннего производства, избыточная часть его, естественно, отливает в перевозочную торговлю и используется для оказания такого-же рода услуг посторонним странам. Перевозочная торговля представляет собою естественное последствие и симптом большого национального богатства, но она, повидимому, не является естественною причиною этого последнего, — и потому те государственные люди, которые склонны были поощрять ее особыми льготами, кажется впадали в большую ошибку, принимая симптом и следствие за причину.

Размеры внутренней торговли и могущего найти в ней помещенные капитала имеют свою естественную границу в ценности избы-

точного продукта всех тех различных местностей внутри страны, которые имеют возможность взаимно обмениваться друг с другом своими продуктами. Размеры внешней ввозной торговли—в ценности избыточного продукта целой страны и того, что может быть приобретено в обмен на этот избыточный продукт. Размеры перевозочной торговли—в ценности избыточного продукта всех стран всего земного шара; возможные размеры этого последнего вида торговли представляются, поэтому, до некоторой степени беспредельными, по сравнению с остальными двумя видами, и перевозочная торговля способна поглощать наиболее крупные капиталы.

Единственный мотив, побуждающий владельца капитала затратить его в земледелие, или в фабричное дело, или в какую-нибудь отрасль оптовой или розничной торговли, это—личная выгода. Ему никогда и в голову не приходит рассчитывать, какое различное количество продуктивного труда может быть пущено в ход или какие различные ценности могут быть прибавлены к годовому продукту земли и труда страны, в зависимости от того или другого способа использования капитала. В стране, где земледелие представляет собой самое выгодное помещение капитала, и где самый верный путь достигнуть блестящего богатства заключается в разработке и улучшении земель, капиталы частных лиц естественно пойдут в такое дело, которое в то же время будет и самым выгодным для всего общества. Впрочем, ни в одной, кажется, стране Европы земледелие не дает больших прибылей, чем другие помещения капиталов. Правда, в последние года во всех уголках Европы стали появляться аферисты, которые заманивают публику соблазнительными рекламами о больших прибылях, какие будто бы можно получить от разработки и улучшения земель. Нечего, конечно, входить в серьезные опровержения таких вычислений—тут довольно самого простого наблюдения, чтобы убедиться в их очевидной ошибочности. Постоянно можно видеть, как в течение жизни одного человека торговлею и фабричною промышленностью наживаются самые блестящие богатства, при чем очень часто дело начинается с ничтожным капиталом, а иногда и совсем без капитала. Но чтобы подобное-же богатство было нажито земледелием в тот-же срок и с таким-же ничтожным капиталом,—для этого вряд ли найдется хоть один случай в истории Европы за все последнее столетие. А между тем во всех больших государствах Европы найдется еще много хороших земель, лежащих впусе, да и значительная часть обработанных земель еще далеко не достигла той степени улучшения, к которой они способны. Поэтому земледелие почти везде нуждается еще в гораздо большем капитале, чем сколько было вложено в него до настоящего времени.

КНИГИ III—V.

I.

О естественном развитии благосостояния ¹.

Основная торговля всякого цивилизованного общества состоит в обмене между жителями города и деревни. Она заключается в обмене сырых продуктов на обработанные изделия, который совершается или непосредственно, или при посредстве звонкой монеты и бумажных знаков, представляющих монету. Деревня снабжает город естественными припасами и материалами для переработки, а город вознаграждает за это деревню тем, что высылает ее жителям часть своих готовых изделий. Город, который сам не производит, да и не может производить никаких средств пропитания, получает свое продовольствие и все свое благосостояние, собственно говоря, из деревни. Но из этого не следует думать, чтобы выгода города была убытком деревни. Выгоды их обоюдны и взаимны, и в этом случае, как и во всяком другом, разделение труда доставляет выгоду всем отдельным лицам, избравшим себе любую специальность из тех, на которые он подразделяется. Жители деревни покупают у города гораздо большее количество обработанных изделий, и на продукт гораздо меньшего количества собственного труда, чем сколько им пришлось бы употребить его, если бы они захотели сами изготовлять эти изделия. Город открывает деревне рынок для продажи избытка ее продуктов, т. е. для продажи того, что остается у деревенских жителей сверх необходимого для их собственного продовольствия, и на этом-то рынке они меняют излишки своих продуктов на то, что им самим нужно. Чем больше число жителей в городе и чем выше их доход, тем обширнее рынок, открываемый им жителям деревни, а чем обширнее этот рынок, тем это выгоднее для большинства. Хлеб, выращенный за какую-нибудь милю от города, продается там

¹ Эта глава—общее введение к третьей книге, посвященной «развитию благосостояния у разных народов». Книга III, глава I «О естественном развитии благосостояния».

по той-же цене, как и хлеб, привезенный за двадцать миль. Но цена этого последнего должна не только оплатить расходы по его производству и доставке продукта на рынок, но и дать фермеру обычную прибыль. Поэтому землевладельцы и земледельцы, живущие в соседстве с городом, получают в цене продаваемых ими продуктов, сверх обычных прибылей от земледелия, еще всю стоимость провоза продуктов, доставляемых другими из более отдаленных мест, и, кроме того, сберегают стоимость провоза продуктов, которые покупают сами. Сравните обработку земель, расположенных в соседстве большого города, с обработкою земель вдали его, и вы легко увидите, какую выгоду извлекает деревня из своей торговли с городом. При всех нелепостях теории торгового баланса, никому, однако, не приходило в голову доказывать, чтобы деревня теряла что-нибудь от своей торговли с городом, или чтобы город терял что-нибудь от своей торговли с деревней, которая его кормит.

Так как предметы питания, естественно, составляют потребность, предшествующую потребности в удобствах жизни и в роскоши, то и промышленность, удовлетворяющая первой из этих потребностей, должна, конечно, предшествовать всякой другой промышленности, удовлетворяющей остальным. Поэтому обработка и улучшение земли, доставляющей средства существования, должны непременно предшествовать развитию города, доставляющего лишь предметы удобства и роскоши. Только избыток продуктов деревни, то-есть излишек, остающийся сверх нужного для продовольствия деревенских жителей, доставляет средства существования городу, население которого может, стало быть, умножаться только при возрастании избыточного продукта деревни. Город, однако, не всегда получает все свои средства существования из соседней деревни или даже из округи, к которой принадлежит,—эти средства часто доставляются ему из местностей очень отдаленных; и такой порядок вещей, не составляющий исключения из общего правила, не оставался у разных народов и в разное время без значительного влияния на общий ход народного благосостояния.

Описанный порядок вещей, в силу необходимости, опирается везде на естественные стремления человека. Если бы последние никогда не встречали себе противодействия со стороны человеческих установлений, то население городов ни в одной стране не размножилось бы больше того числа жителей, какое может существовать за счет обработки и улучшения земель на территории, на которой расположены города, по крайней мере до тех пор, пока вся эта территория не была бы вполне обработана и улучшена. При одинаковых прибылях, или при небольшой только разнице в их размере, большинство людей охотнее употребляли бы свои капиталы на обработку и улучшение земли, чем на фабричное дело или на внешнюю

торговлю. Человек,веряющий свой капитал земле, всегда имеет его перед глазами и в своем распоряжении, и его состояние гораздо менее подвержено случайностям, нежели состояние купца. Последний часто бывает вынужден верить свой капитал не только ветрам и волнам, но и еще более ненадежным силам—людской глупости и несправедливости, когда в отдельных странах открывает большие кредиты людям, положения и характера которых он даже не может как следует знать. Наоборот, капитал, употребленный владельцем на улучшение собственной земли, повидимому, обеспечен на столько, на сколько может быть обеспечено какое-нибудь дело рук человеческих. Помимо того, красоты природы, удовольствия деревенской жизни, душевный покой, который сулит природа и сознание независимости, которую действительно доставляет такая жизнь, если только не мешает этому несправедливость законов, не могут не оказывать своего чарующего влияния в большей или меньшей степени на каждого человека. И так как первоначальное назначение человека заключалось в возделывании земли, то он, кажется, и во все периоды своей жизни сохранил особое предрасположение к этому первоначальному занятию.

Однако, земледелие не могло бы избегнуть многих неудобств и постоянных перерывов, если бы не находило себе помощи в некоторых мастерствах. Кузнецы, плотники, тележники, каменщики, кожевники, сапожники, портные—все это такие мастеровые, к услугам которых земледельцу то-и-дело приходится обращаться. Но и эти мастеровые, время от времени, также нуждаются друг в друге, и так как им нет надобности, как земледельцу, жить в точно определенном пункте, то они и селятся обыкновенно один возле другого и таким образом образуют городок или местечко. Вскоре с ними поселяются мясники, цивовары, хлебники и много других мастеровых, а также мелочные торговцы, необходимые и полезные для удовлетворения их ежедневных нужд, и тем еще более содействуют росту города. Жители города и жители деревни оказывают друг другу взаимные услуги. Город представляет собою постоянную ярмарку или рынок, куда сходятся деревенские люди обменивать свои сырые продукты на обработанные изделия, горожанам же эта торговля доставляет и материалы для их работы, и средства существования. Количесвом изделий, продаваемых горожанами жителям деревни, необходимо определяется количество материалов и съестных припасов, которые они покупают у них. Ни спрос на их труд, ни их средства пропитания не могут увеличиться иначе, как в соответствии с требованием деревни на их изделия, а это требование, в свою очередь, может усилиться лишь соразмерно расширению и улучшению земледелия. Если бы человеческие установления не нарушали естественного течения жизни, то богатство и населенность

городов во всякой стране возрастали бы последовательно в строгом соответствии с развитием и улучшением земледелия в окружающей их области или стране.

В городах английских колоний Северной Америки, где еще можно выгодно приобретать некультурную землю для обработки, не существует производств для дальнего сбыта. Когда какой-нибудь ремесленник сколотит себе больше средств, чем ему нужно, чтобы снабжать своими изделиями окружающую местность, он не старается расширить производство ради сбыта в более отдаленные местности, а употребляет свой капитал на покупку некультурной земли и на ее обработку. Из мастерового он становится плантатором. Ни высокая заработная плата, ни спокойное и безбедное существование ремесленников в стране не могут побудить его работать скорее на других, чем на самого себя. Он чувствует, что мастеровой—всегда слуга своего заказчика, дающего ему средства жить, тогда как земледелец, работающий над своей землей и находящий средства к жизни в труде своей семьи, есть настоящий хозяин, ни от кого независимый.

Наоборот, в стране, где нет девственных земель, или где нельзя на льготных условиях приобрести их, всякий мастеровой, скопивши больше, чем сколько нужно ему для удовлетворения спроса в ближайшей округе, старается заготавливать изделия для сбыта на более отдаленном рынке. Кузнец изготавливает определенный род железных изделий, ткач—известный сорт шерстяных и льняных изделий; таким образом, с течением времени, различные мастеровые постепенно специализируются и совершенствуются на тысячу ладов, что понятно само собою и не требует дальнейших объяснений.

Когда ищут помещения капиталу, то при условии одинаковых или почти одинаковых прибылей, обыкновенно предпочитают обрабатывающую промышленность внешней торговле по тем же причинам, почему земледелие предпочитается обрабатывающей промышленности. Как капитал землевладельца или фермера более обеспечен, нежели капитал фабриканта, так и капитал фабриканта, находящийся у него на глазах и в его непосредственном распоряжении, более обеспечен, нежели капитал купца, ведущего внешнюю торговлю. Правда, во всяком периоде развития общества избыток сырых продуктов и фабричных изделий, вообще все, на что дома нет спроса, должен вывозиться за границу, в обмен на что-нибудь такое, что требуется внутри страны. Но при этом более или менее безразлично, будет ли этот избыток товаров отвозиться за границу за счет отечественного или иностранного капитала. Если общество еще не успело скопить достаточно капитала для возделывания всех своих земель и для полной переработки всех своих сырых материалов, то для него даже гораздо выгоднее, если вывоз сырья производится на

счет иностранного капитала, ибо в таком случае оно может использовать собственный капитал для наиболее выгодных предприятий. Благосостояние древнего Египта, Китая и Индостана достаточно доказывает, что народ может достигнуть очень высокой степени благосостояния, хотя бы большая часть его вывоза и производилась иностранцами. Если бы английские колонии Северной Америки или Вест-Индии вывозили избытки своих продуктов исключительно на собственный капитал, то эти области не могли бы сделать таких быстрых успехов.

Таким образом, при естественном ходе вещей, большая часть капиталов начинающего жить общества направляется прежде всего на земледелие, потом на обрабатывающую промышленность, и уже после всего на иностранную торговлю. Этот порядок вещей так естественен, что он, я думаю, повторялся, до некоторой степени в каждом обществе, владеющем какою-нибудь территорией. Земля непременно должна была начать обрабатываться раньше, чем возникали значительные города, а в городах должны были заводиться хотя бы простые отрасли обрабатывающей промышленности раньше, чем можно было серьезно приниматься за внешнюю торговлю.

Но хотя этот естественный порядок вещей повторялся, до некоторой степени, в каждом обществе, владеющем какою-нибудь территорией, однако, во многих отношениях он был совершенно извращен во всех современных государствах Европы. В некоторых городах как более утонченные производства, так и вообще такие производства, изделия которых предназначались для продажи на отдаленных рынках, были заведены только благодаря иностранной торговле этих городов, а важнейшие улучшения в обработке земли были вызваны обрабатывающею промышленностью и внешнею торговлей. Нравы и обычаи, введенные существовавшими раньше правительствами и сохранившиеся спустя много времени после того, как эти правительства испытали большие перемены, были главною причиною, почему эти народы вынуждены были следовать такому превратному и противному природе порядку развития.

Остальная часть третьей книги представляет собой исторический обзор хозяйственного развития Европы со времени падения Римской империи. Четвертая книга посвящена рассмотрению разных систем и мероприятий экономической политики.

Вот заключение автора по поводу этих систем ¹:

Всякая система, которая старается либо чрезвычайными поощрениями привлечь к какой-нибудь отрасли промышленности больше

¹ Книга IV, глава IX (конец). «О земледельческих системах или о системах политической экономии, утверждающих, что производительность земли является единственным или основным источником дохода и богатства всякой страны».

капиталов, чем сколько обратилось бы к ней в силу естественного хода вещей, либо чрезвычайными ограничениями искусственно отеснить от какой-нибудь отрасли промышленности часть капиталов, которые без этих мер стали бы искать в ней помещения, только вредит той высокой цели, которой стремится достичь. Такая система, вместо того, чтобы ускорить, только задерживает успехи общества на пути к действительному благосостоянию и величию, и вместо увеличения действительной ценности годового продукта земли и труда, только уменьшает эту ценность.

Если совсем отбросить все такие системы поощрений или стеснений промышленности, то само собою устанавливается простая и ясная система естественной свободы. Всякому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется полная свобода следовать тому пути, который указывает ему его собственный интерес, и употреблять свой труд и капитал, как ему заблагорассудится, свободно соперничая со всяким другим человеком или классом людей. Правительство же совершенно освобождается от тяжелой обязанности, при выполнении которой оно неизбежно подвергается всякого рода разочарованиям без числа, и для правильного исполнения которой не достанет никакой человеческой мудрости и знания,—от обязанности руководить трудом каждого человека и направлять его в сторону, наиболее соответствующую благу общества. При системе естественной свободы, на всяком правительстве лежало-бы только три обязанности—обязанности хотя и высокого значения, однако, по существу своему совершенно ясные и доступные для самого простого понимания. Первая обязанность—защищать общество от всякого насилия или нашествия со стороны других независимых обществ. Вторая обязанность—охранять по возможности каждого члена общества от всякой несправедливости или притеснения со стороны всякого другого члена общества, т. е. обязанность установить строгое правосудие. Наконец, третья обязанность—устраивать и содержать общественные предприятия и учреждения, устройство и содержание которых не под силу одному или нескольким лицам вместе, потому что прибыль, от них получаемая, не могла бы покрыть их расходов, хотя эта прибыль для целого общества была бы более, чем достаточным вознаграждением за сделанные на них расходы.

Эти различные обязанности, лежащие на правительстве, необходимо требуют для своего исполнения известных расходов, а значит—и известных доходов в пользу государства. Поэтому—говорит Смит—в пятой и последней книге сочинения я постараюсь изложить: во-первых, в чем состоят необходимые расходы государя и государства; которые из этих расходов должны быть покрываемы сборами со всего общества, и которые—сборами лишь с какой-нибудь части его и даже с отдельных членов общества.—Во-вторых, какими способами

можно привлечь целое общество к покрытию лежащих на нем расходов, и в чем состоят выгоды и неудобства каждого из этих способов.—В-третьих, по каким поводам и причинам почти все новые государства пришли к необходимости закладывать часть своих доходов и заключать долги, и в чем выразилось влияние этих долгов на действительное богатство общества, на годовое производство земли и труда.

Из пятой книги „Исследования“ заимствуем лишь следующие, установленные Адамом Смитом, четыре главные правила, которые должны быть соблюдаемы при взимании налогов¹.

Первое правило.—Все граждане государства должны содействовать поддержанию правительства, каждый в мере своих платежных сил, то-есть соответственно доходу, которым он пользуется, под покровительством государства.

Расходы правительства по отношению к гражданам великой нации подобны расходам по управлению каким-нибудь обширным поместьем, совладельцы которого обязаны участвовать в этих расходах, каждый соразмерно принадлежащей ему доле в этом поместье. Соблюдение или нарушение этого правила составляет то, что называется равенством или неравенством в распределении налога. И необходимо однажды навсегда установить, что всякий налог, падающий, в конце-концов, только на один из трех разрядов дохода—на труд, капитал или землю—всегда неравномерен, поскольку он не касается двух остальных.

Второе правило.—Налог, который обязано платить каждое лицо, должен быть точно определен, а не изменяться произвольно.

Срок платежа, способ платежа и сумма платежа—все это должно быть заранее точно определено и ясно как для плательщика налога, так и для всякого стороннего человека. Где это делается не так, там каждое лицо, подлежащее налогу, более или менее отдается на произвол сборщика податей, который может или увеличить размер налога по недоброжелательству к плательщику, или, под угрозой усиленного обложения, выманить у него в свою пользу какой-нибудь подарок или „благодарность“. Неопределенность размеров налога поощряет нахальство и содействует развращению сборщиков податей, которые и без того, по самому положению своему, ненавистны народу, даже если они ни нахальны, ни развращены. Определенность в платежах каждого гражданина имеет такую огромную важность,

¹ Книга V, глава II «О налогах».

что даже значительная неравномерность в обложении, как доказывалось это, я думаю, опытом всех народов, далеко не так вредна, как сравнительно ничтожная степень неопределенности размера налога.

Третье правило.—Всякий налог должен быть взимаем в такое время и таким способом, которые наименее стеснительны для плательщиков.

Если налог на земельную ренту или на доход от сдачи квартир взимается в те самые сроки, в какие он получается владельцем земли или дома, то можно быть уверенным, что плательщику в это время будет всего удобнее уплатить требуемый с него налог, т.-е. что ему именно в это время есть чем платить. Всякий налог на предметы роскоши, в конце концов, уплачивается потребителем и притом, обычно способом, наиболее для него удобным. Он выплачивает этот налог мало по малу, по мере того, как он покупает такие предметы. А затем, так как он волен купить или не купить их по своему усмотрению, то, без сомнения, он будет сам виноват, если испытает какое нибудь стеснение от такого налога.

Четвертое правило.—Всякий налог должен быть рассчитан так, чтобы из рук плательщиков выходило или до рук его не доходило как можно меньше денег сверх того, что должно поступить в государственную казну. При взимании налога может выходить из рук народа или не доходить до его рук больше денег, чем сколько требуется государственною казною, следующими четырьмя способами: 1. Взимание налога требует иногда слишком большого числа должностных лиц, содержание которых поглощает большую часть сумм, собранных путем налога, причем лихоимство сборщиков податей является как бы дополнительным обложением налога.—2. Налог может мешать развитию народного труда и отклонять народ от таких отраслей торговли и промышленности, где очень многие могли бы найти себе занятия и средства существования. Заставляя народ платить налог, в то же время ослабляют или иногда даже совсем закрывают источники, из которых он мог бы почерпнуть средства легче уплатить налог.—3. Штрафы и другие наказания, которым подвергаются несчастные, покушающиеся избежать платежа налога, часто разоряют их и тем лишают само общество выгод, которые оно могло бы получить от употребления в дело их капиталов. Налог, необдуманно установленный, создает сильные искушения к обману; но с увеличением этих искушений обычно усиливаются и наказания за обман. Таким образом, закон, нарушая первые начала справедливости, сам порождает искушения, а потом карает тех, кто не устоял против них; при этом наказания обыкновенно усиливаются соответственно тому, как увеличиваются поводы, которые в действительности, должны были бы смягчить их, то-есть

соответственно усиления соблазна совершить преступление.—4. Подвергая народ частым посещениям и ненавистным осмотрам со стороны сборщиков податей, налог может причинить плательщикам много бесполезных неприятностей, насилий и притеснений; и хотя все это, конечно, не представляет собою для плательщика прямого расхода, но это равносильно расходу, за который плательщик охотно откупился бы от них.

Справедливость и целесообразность приведенных выше четырех главных правил по взиманию налогов так очевидны, что все народы, более или менее, старались об исполнении их. Все народы, по мере своего разума, заботились о равномерном распределении налогов, о точном определении размеров платежей и о наибольшем удобстве взимания их для плательщиков, как в отношении времени и способа взимания, так и соразмерности с доходом, уплачиваемым государству, то-есть заботились о том, чтобы бремя налогов было как можно легче для народа. Но эти заботы у разных народов не всегда были одинаково успешны.

Систематический обзор содержания „Исследования“.

*Жермен Гарнье*¹. «Метод, облегчающий изучение труда А. Смита».

Простота „Исследования“ Адама Смита с первого взгляда не заметна: требуется большое изучение и долгое размышление, чтобы признать эту простоту. Не надо скрывать, что недостаток, в котором так часто упрекали английских писателей,—что они в своих научных исследованиях пренебрегают методом и теми дидактическими формами, которые, облегчая память читателя, служат ему надежным руководством для изучения,—сильно чувствуется в „Исследованиях о богатстве народов“, как будто автор взялся за перо в минуту наибольшего возбуждения важностью своего предмета и обширностью сделанных им открытий. Он начинает с того, что вдруг развертывает перед глазами читателя бесконечные чудеса, совершаемые разделением труда: эту величественную картину открывает он курс своих драгоценных лекций. Постепенно раз'ясняя условия, которыми вызывается и ограничивается это разделение, Смит, следуя потоку своих мыслей, переходит к определению ценности и изложению законов, ею управляющих, к разбору входящих в состав его разных элементов и об'яснению взаимных отношений между различными по своей природе и происхождению видами ценности. Все это—такие предварительные положения, которые следовало бы об'яснить читателю раньше, чем ставить перед его глазами сложную машину умножения богатства и открывать чудеса самого могущественного из его двигателей.

С другой стороны, руководящая нить его поучений часто как будто прерывается длинными отступлениями, а иногда словно совсем затеривается. Таковы отступления: о колебаниях ценности драгоценных металлов в течение четырех последних столетий, с критическим разбором мнения, по кото-

¹ Отрывок из предисловия Ж. Гарнье к французскому переводу А. Смита. «Recherches sur la nature et les causes de la Richessedes Nations par. Adam Smith traduction de Germain Garnier Nouvelle édition. Paris 1859--Preface de Germain Garnier p. p. LXI—LXXIV».

рому ценность этих металлов все уменьшается (кн. I, гл. 11);—о б эмиссионных банках и о бумажных деньгах (кн. II, гл. 2);—о депозитных банках и в особенности о банке амстердамском, уставы и операции которого излагаются автором слишком подробно (кн. IV, гл. 3);—о выгодах, доставляемых правом чеканки монеты, напечатанное в гл. о торговых договорах (кн. IV, гл. 6);—наконец, о хлебной торговле и торговом законодательстве, совершенно чуждое главному содержанию книги, в которой оно помещено. Все эти частные статьи, может быть, и лучшие, какие существуют по этому предмету, помещены у Смита так, что развлекают внимание читателя, способствуют тому, что он теряет из виду главный предмет, и таким образом очень вредят общему, цельному впечатлению. Автор не скрывает от себя неудобств таких отступлений и во многих местах своего сочинения извиняется, что отступил от своего главного предмета; он признается даже, что эти отступления лучше было-бы поместить в другом месте. Поневоле жалеешь, что эти отдельные статьи, которые автор хотел сохранить, не были отнесены в конец сочинения, в виде отрывков и прибавлений.

Чтобы облегчить, по мере моих сил, трудности, которые могут представиться для большинства читателей вследствие неправильности внешнего расположения „Исследований“, и облегчить начинающим изучение доктрины Смита, я считаю нужным установить порядок, в котором, по моему мнению, было бы всего удобнее следить за естественным течением идей Смита и который облегчил бы усвоение их.

Прежде всего я должен заметить, что все учение Смита об образовании, умножении и распределении богатств содержится в двух первых книгах его „Исследований“, и что остальные три книги могут быть изучаемы особо, как отдельные сочинения, которые подтверждают и развивают его учение, изложенное в первых двух книгах, но не дополняют.

Третья книга „Исследований“, это—политическое и историческое рассуждение о постепенном ходе развития богатства в стране, если бы труд и промышленность в ней были свободно предоставлены своему естественному движению, и об особых обстоятельствах, которые, в силу разных причин, привели во всех государствах Европы к движению, прямо противоположному.

Четвертая книга представляет собою полемический трактат, в котором автор задался целью опровергнуть различные бывшие в ходу системы политической экономии и в особенности так-называемую меркантильную систему, имевшую в свое время такое сильное влияние на законодательство и администрацию во всех странах Европы и в особенности в Англии. Во многих от-

дельных главах этой книги Смит рассматривает разные распоряжения, принимавшиеся тогдашними правительствами для осуществления этой системы. Таковы: запрещения и другие преграды ввозу иностранных товаров, возврат пошлин при обратном вывозе, меры поощрения разных отраслей торговли, монопольная торговля с колониями и, наконец, торговые договоры, благоприятствовавшие этой системе.

Наконец, в пятой книге говорится о доходах государства и расходах, которые обязательно должны лежать на нем, как-то: о расходах на общую охрану, на отправление правосудия, на образование юношества, а также на образование и нравственное совершенствование народа во всех его возрастах и во всех положениях. В особой главе Смит исследует, какие расходы должно делать правительство для покровительства торговле вообще и в частности обращению товаров, путем устройства хороших дорог и всяких наиболее удобных способов передвижения. Кажется, что в этой же книге должны были бы найти себе место расходы по чеканке монеты и заботы, которые должно принимать на себя правительство, чтобы содержать ее в полном порядке. В отделе о расходах для покровительства торговле вообще Смит нашел удобным рассмотреть, должно ли правительство делать расходы для покровительства некоторым отдельным отраслям торговли, а это приводит его к изложению истории разных привилегированных компаний для торговли с Азией, Африкой и Южным океаном и проч., — компаний, доставивших государству ничего кроме убытков. Отсюда он заключает, что правительство могло бы сберечь большие расходы и лучше послужило бы стране, если бы поддерживало свободу во всех родах торговли на общую пользу всех подданных. Думаю, что лучше было бы поместить это рассуждение об исключительных или привилегированных компаниях в четвертой книге, где изложены меры, принимавшиеся ради покровительства меркантильной системе.

Вторая половина пятой и последней книги посвящена рассмотрению более справедливых и менее тягостных для народа способов производства государственных расходов. По этому вопросу автор расходится с французскими экономистами, одобряя налоги косвенные и обложение предметов потребления. Книга оканчивается главою, в которой он говорит о государственных долгах и о влиянии их на общественное благосостояние.

Из всего сказанного можно видеть, что последние три книги могут быть изучены в том виде, как они составлены; читатель без особых затруднений поймет их, если только хорошенько усвоит себе основное учение, содержащееся в двух первых книгах.

Рассмотрим здесь содержание двух первых книг, как цельного сочинения, которые я делю на три части.

В первой говорится о ценностях, в частности; она выясняет определение их и законы, ими управляющие, разбор элементов, которые образуют ценность и которые входят в ее состав; наконец, взаимные отношения ценностей разных родов.

Во второй говорится об общей массе богатств. Богатства делятся на многие разряды, смотря по своему предназначению или отправлениям.

В третьей и последней излагаются способы умножения и распределения богатств.

Первая часть.

О ценностях в частности.

Существенное свойство, которое присуще богатству и без которого богатство не могло бы нести этого имени, это — меновая ценность.

Меновая ценность отличается от ценности в употреблении (или полезности — *utilité* — Кн. I, гл. 4, в конце).

Отношение, существующее между двумя меновыми ценностями и выраженное каким-нибудь условным мериллом, называется ценою.

Ценность, принятая всеми образованными народами за такое мерилло, это — ценность драгоценных металлов. Причины такого предпочтения монеты, происхождение ее (Кн. I, гл. 4); отношение между монетою и металлом, на нее употребляемым (Кн. I, гл. 5).

Цена в деньгах, или номинальная цена отличается от действительной цены предметов, устанавливаемой количеством труда, которого они стоят, и которое они представляют собою (Там же).

Законы, по которым естественно устанавливается цена богатств; случайные обстоятельства, отклоняющие рыночную цену от цены естественной, что вызывает различие между ценой естественной и рыночной (Кн. I, гл. 7).

Цена образуется обыкновенно из трех различных частей: заработной платы за труд, прибыли предпринимателя и ренты с земли, доставляющей первоначальный материал для работы. Есть такие товары, в цену которых не входит рента, другие, в меньшем числе, в цену которых не входит прибыль, но нет таких товаров, в цену которых не входила бы заработная плата (Кн. I, гл. 6).

Заработная плата. Законы, по которым естественно устанавливается величина заработной платы; случайные обстоятельства, по которым она на время выходит из этих естественных пределов (Кн. I, гл. 8).

Прибыль с капитала. Законы, по которым естественно устанавливается величина прибыли; случайные обстоятельства, по кото-

рым она на время то подымается выше, то падает ниже этого естественного предела (Кн. I, гл. 9).

Труд и капиталы естественно стремятся распределиться однообразно по всем занятиям; некоторые занятия, по самой своей природе, сопровождаются такими неприятностями и трудностями, которых не встречается в других; напротив, иным занятиям свойственны особые действительные или воображаемые выгоды: заработная плата и прибыли возвышаются или понижаются соответственно этим невыгодам и выгодам, так, что устанавливается справедливое равновесие между всеми различными занятиями. Произвольная и притеснительная политика во многих случаях противодействует тому, чтобы это равновесие установилось согласно с естественным порядком вещей (Кн. I, гл. 10).

Земельная рента. Что такое земельная рента? Как входит она в цену богатств, и почему она то входит, то не входит составною частью этой цены? (Кн. I, гл. 11).

Разделение продуктов земли на два разряда:

1) Продукты, которые при продаже всегда приносят ренту землевладельцу.

2) Продукты, которые, смотря по обстоятельствам, могут быть проданы, не принося никакой ренты, но могут быть проданы и с доставлением ренты.

Продукты первого разряда добываются из земли, чтобы доставить пищу человеку и животным, которыми он питается. Ценность продукта с земель, возделываемых ради пропитания человека, определяет ценность всех других земель, годных к культуре. Это общее правило допускает некоторые исключения; объяснение последних.

Продукты второго разряда—материалы для одежды, жилища, отопления, мебели, утвари и предметов украшения и обстановки. Ценность этих продуктов зависит от ценности продуктов первого разряда. Под влиянием каких обстоятельств продукты этого разряда могут продаваться так, что доставляют ренту владельцу земли, из которой они добыты? На каких основаниях и в каком размере входит рента в цену этих продуктов? (Там же).

Отношение между ценностями продуктов первого и второго разряда. Изменения в этих отношениях и причины изменений (Там же).

Отношение между ценностями сырых продуктов обоих разрядов и ценностями мануфактурных изделий. Изменения, происходящие иногда в этих отношениях (Там же).

Некоторые сырые продукты, добытые из весьма различных источников, предназначаются, однако, на одно и то же потребление или на удовлетворение одинаковой потребности, на доставление одинако-

вых удобств жизни; таковы, напр., дрова и уголь для отопления, воск и масло для освещения. Ценности этих продуктов поэтому взаимно определяют друг друга (Там же).

Взаимные отношения между разнородными ценностями изменяются, смотря по состоянию общества. Общество или движется вперед, или отступает назад, или остается неподвижно, т. е. или стремится к наибольшему благосостоянию, или идет к обеднению, или держится на одной и той же степени богатства, не идет вперед и не пятится назад.

Какое влияние имеют эти различные общественные условия на величину заработной платы (Кн. I, гл. 8), прибыли (Кн. I, гл. 9), на ценность сырых продуктов земли и мануфактурных изделий? (Кн. I, гл. 11). В этом отношении разница между сырыми продуктами, количество которых не может быть умножено промышленностью человека; — количество которых не может быть умножено, соответственно спросу; — на умножение которых человеческая промышленность оказывает лишь слабое или ограниченное влияние (Кн. I, гл. 11).

Вторая часть.

Богатства в их общем значении и их функции.

Богатства, накопленные в руках частного человека, бывают двух родов, смотря по назначению, которое он предполагает дать им.

1) Богатства, назначенные для потребления в настоящее или будущее время.

2) Богатства, употребляемые как капитал, для получения с него дохода (Кн. II, гл. 1).

Капитал, употребленный в дело, бывает двух родов: 1) капитал постоянный, — дает доход, не перемещая владельца. 2) Капитал оборотный — дает доход своему владельцу при условии, если он меняет его (Кн. II, гл. 1).

Все накопленные богатства общества могут быть разделены на следующие три части:

1) Запасы, назначенные для настоящего или будущего потребления тех, кто владеет ими.

2) Постоянный капитал общества.

3) Оборотный капитал общества.

Постоянный капитал общества составляют: 1) все машины и орудия производства. 2) Все здания и сооружения, предназначенные для какого-нибудь производства. 3) Все работы и улучшения, сделанные для увеличения производительности земли. 4) Таланты и искусство, которые были приобретены некоторыми членами обще-

ства, благодаря времени и расходам, и которые таким образом как бы реализовали в себе самих накопленный труд, необходимый для таких издержек.

Оборотный капитал общества составляют: 1) Находящиеся в обращении деньги. 2) Запасы с'естных припасов в руках самих производителей и торговцев, сохраняемые как теми, так и другими для перепродажи с барышом. 3) Материалы для жилища, одежды, обстановки и украшения, более или менее обработанные и находящиеся в руках рабочих, занятых окончательною отделкою их и приготовлением для непосредственного потребления. 4) Товары, совсем оконченные и годные для потребления, пока они сохраняются в магазинах и торговых лавках для продажи их с барышом, или на судах, или на подводях, которые перевозят их за счет кушцов или потребителей (Кн. II, гл. 1).

Взаимные отношения этих двух родов капиталов (Там же).

Путь, которому следует оборотный капитал, прежде чем он поступает либо в состав постоянного капитала, либо в запас, предназначенный прямо для потребления (Там же).

Источниками, из которых без перерыва возобновляется оборотный капитал по мере того, как он умалется, поступаая или в капитал постоянный или в запас, для потребления, служат: земля, рудники, каменоломни и рыболовство (Там же).

Роль, которую играют в обращении деньги (Кн. II, гл. 2); чем может быть достигнуто то же назначение с меньшими расходами, и неудобства, отсюда приистекающие (Там же).

Запасы, отдаваемые займы за проценты, и обстоятельства, устанавливающие отношение этих запасов к совокупной массе запасов, существующих в обществе. Количество запасов, назначенных к отдаче займы, нисколько не зависит от звонкой монеты, находящейся в обращении (Кн. II, гл. 4).

Основания, по которым устанавливается общий уровень ссудного процента (Там же).

Существует необходимое отношение между этим уровнем и рыночной ценою земли (Там же).

Третья часть.

Как совершается умножение и распределение богатств.

Богатства умножаются по мере того, как увеличивается сила, их производящая, как в отношении ее энергии, так и об'ема (Кн. I, введение).

Труд, составляющий эту силу, увеличивается в энергии: 1) вследствие разделения одной работы на многие отдельные части, испол-

няемые разными руками; 2) вследствие изобретения машин, сокращающих и облегчающих труд (Кн. I, гл. 1).

Разделение усиливает энергию труда: 1) искусством и ловкостью, которые приобретает рабочий; 2) сбережением времени, которое тратится на переход от одной работы к другой (Там же).

Изобретение машин есть результат разделения труда (Там же).

Особая, врожденная людям, склонность меняться между собою продуктами своего труда и взаимных талантов есть начало, породившее разделение труда (Кн. I, гл. 2).

Разделение труда ограничивается, естественно, количеством возможных обменов, т. е. обширностью рынка; отсюда все, что содействует расширению рынка страны, облегчает ей достижение благоденствия (Кн. I, гл. 3).

Труд увеличивается в объеме в прямом отношении: 1) к накоплению капиталов; 2) к способу, каким употребляются в дело эти капиталы (Кн. II, введение).

Капиталы умножаются тем скорее, чем больше в обществе производительных потребителей, сравнительно с непроизводительными (Кн. II, гл. 3).

Взаимное отношение этих двух разрядов потребителей определяется пропорцией между частью годового продукта, предназначенной к возмещению капитала, и тою частью его, которая должна служить доходом (Там же).

Отношение между тою частью годового продукта, которая поступает в капитал, и тою, которая становится доходом, очень велико в богатой стране и слабо в стране бедной (Кн. II, гл. 3).

В богатой стране прибыли с капиталов вообще представляют ценность весьма большую; но относительно капитала они несравненно меньше, то-есть уровень прибыли бывает гораздо выше в стране бедной (Там же).

Промышленность создает продукт; но одна только бережливость из этого продукта направляет на усиление капитала то, что без нее оставалось бы в доходах (Там же).

Бережливость частных людей родится из принципа повсюду распространенного и постоянно действующего—из внутреннего желания каждого улучшить свое положение. Этот принцип поддерживает жизнь и поощряет умножение народного богатства, несмотря на мотовство некоторых отдельных лиц; он берет верх даже над расточительностью и ошибками правительств (Там же).

В зависимости от того или другого способа помещения капитала приводится в движение большее или меньшее количество народного труда, а следовательно, в большей или меньшей степени достигается расширение народного труда.

Капитал может быть использован только четырьмя способами:

- 1) На обработку земли и на ее улучшение, то-есть на умножение сырых продуктов.
- 2) На содержание промышленных рабочих, т.-е. на переработку продуктов.
- 3) На оптовые закупки с целью продать их также оптом.
- 4) На закупку оптом для перепродажи в розницу.

Эти четыре способа помещения капитала одинаково необходимы друг для друга и взаимно поддерживают один другой.

Первый из этих способов содержит, без всякого сравнения с другими, наибольшее количество производительного труда; второй один—более, чем остальные два вместе взятые, а четвертый—меньше всех.

Третьим способом капитал может быть употребляем тройко, в очень различных степенях поддерживая и поощряя народную промышленность.

Если капитал употребляется на обмен произведений внутренней промышленности, одних на другие, то служит такую же поддержкою этой промышленности, какою только может служить капитал, затраченный на торговлю.

Если капитал употребляется на обмен произведений внутренней промышленности на предметы иностранного производства, то он наполовину служит поддержанию последнего и оказывает содействие внутренней промышленности вдвое меньше, чем сколько он мог бы оказать ей, действуя иным способом, т.-е. содействуя взаимному обмену произведений только внутренней промышленности.

Если, наконец, капитал употребляется на обмен произведений иностранной промышленности, одних на другие, что называется торговлею перевозочною, то он сполна служит поощрением промышленности двух иностранных государств и не прибавляет к годовому продукту своей страны ничего кроме прибыли, полученной торговцем (Кн. II, гл. 4).

Частный интерес, предоставленный самому себе, непременно побуждает владельца предпочесть, при прочих равных условиях, такое его употребление, которое более всего благоприятствует народной промышленности, потому что оно наиболее выгодно и для него самого (Там же).

Если часто говорилось, что капиталы принимали иное направление, чем то, какое естественно указывалось им верным инстинктом личной выгоды, то это происходило вследствие особых условий, в каких находились европейские правительства, и вследствие того, что над системами их управления брали верх меркантильные расчеты и широко распространенные предрассудки. Объяснение этих условий и изложение ошибок такой системы управления составляет, как замечено было выше, содержание третьей и четвертой книг „Исследований“ Смита.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Адам Смит. Статья проф. П. Лященко	3
Введение и план сочинения.	29

КНИГА ПЕРВАЯ.

Глава	1. О разделении труда	32
»	2. О принципе, вызывающем разделение труда.	39
»	3. Разделение труда ограничивается размерами рынка	42
»	4. О происхождении и употреблении денег.	46
»	5. О действительной и нарицательной цене товаров, или о цене их, определяемой трудом и деньгами.	52
»	6. О составных частях цены товаров.	59
»	7. О естественной и рыночной цене товаров	66
»	8. О заработной плате	74
»	9. О прибыли на капитал	91
»	10. О заработной плате и прибылях при различных применениях труда и капитала.	98
	Отдел I. Различия, проистекающие из самого свойства занятий	—
	» II. Неравенства, происходящие от правительственного вмешательства	112
»	11. О земельной ренте	121
	Отдел I. О продукте земли, который всегда дает ренту	123
	» II. О продукте земли, который иногда дает ренту, а иногда не дает ее	128
	Заключение.	134

КНИГА ВТОРАЯ.

Введение		139
Глава	1. О разделении накопленного запаса.	141
»	2. О деньгах, как особой части общего запаса страны	149
Глава	3. О накоплении капитала, или о труде производительном и непроизводительном	174
»	4. О запасах, отдаваемых в рост	181
»	5. О различных помещениях капиталов	187

КНИГИ III—V.

Глава	1. О естественном развитии благосостояния	200
»	2. Четыре основных правила налогов	206

Систематический обзор содержания «Исследования» по Жермену Гарнье	209
---	-----

Вышли из печати

- К. Маркс. Теории прибавочной ценности, т. I и II. _____
Г. Плеханов. Очерки по истории русск. общественной мысли XIX в. _____
Н. Каутский. Возникновение семьи и брака. _____
Н. Ленин. Аграрный вопрос в России в конце XIX века. 3-е изд. _____
Н. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм. 3-е изд. _____
Н. Бухарин. Пролетарская Революция и культура. _____
Г. Зиновьев. IV Конгресс Коминтерна. _____
Н. Батурич. Очерки по истории с.-д. в России. _____
К. Шелавин. 1 Мая в России. _____
К. Шелавин. Рабочий класс и его Партия (история Р. К. П.). _____
К. Шелавин. Очерки истории Русской Революции 1917 г. Февраль-июльские дни. _____
Г. Сафаров. Долой буржуазное мракобесие. _____
Г. Сафаров. Тактика большевизма. 2-ое изд. _____
А. Бубнов. Буржуазное реставраторство на 2-ом году Нэп'а. _____
М. Покровский. Классовая борьба и русская историческая литература. _____
М. Покровский. Франция до и после войны. _____
Адам Смит. Исследование о богатстве народов. _____
К. Витфогель. Наука в буржуазном обществе. _____
Н. Андреев. История первобытной культуры. _____
С. Канатчиков. Рабочая партия и крестьянство. _____
П. Лященко. Очерки аграрной революции в России. _____
Н. Павлов-Сильванский. Феодализм в Древней Руси. _____
А. Слепков. Классовые противоречия в 1-й Государственной Думе. _____
А. Тюменев. История труда. 5-ое издание. _____
А. Тюменев. Теория исторического материализма. _____
А. Тюменев. Капитализм в древней Греции. _____
Э. Толлер. Эуген несчастный. Драма. _____
Ултон Синклер. Деньги (роман). _____
А. Герасимович. У истоков религии. _____
Флотский день в клубе К. С. М. _____
Джон Рид. Штурм отжившего мира. _____
А. Дросев. На перекрестке (драма). _____
Хрестоматия Классовой борьбы, ч. I-я. «Крестьянство и пролетариат». 3-е изд. _____
Хрестоматия Классовой борьбы, ч. II-я. 2-ое изд. «Революция на Западе». _____
Хрестоматия Классовой борьбы ч. III-я. 2-ое изд. «Революция в России». _____
Хрестоматия материализма, ч. I-я. «Французск. материал. в XVIII в.» _____
Красная хрестоматия. Книга для чтения в партшколах и политкружках. _____
И. Книжнич. Что читать по общественным вопросам. _____
Путь к Коммунистическому Интернационалу. — Сбор. статей и докум. _____
Р. Арский. Рур — могила капитализма. _____
Татьяна Григоровичи. Теория ценности Маркса и Лассалья. _____

- С. Ковалев. Курс всеобщей истории. Том I. _____
 В. Нязев. Ржаные апостолы. _____
 В. Бушдетт, А. Покоцкий и А. Харнас. Древний Восток. _____
 С. Дубровский. Столыпинская реформа. _____
 В. Сорокин. Юные пионеры (популярное руководство). _____
 С. Вознесенский. Экономическое развитие и классовая борьба
 в истории России XIX века. _____
 Проф. А. Пиневич. Основные проблемы современной школы.
 «Н. Маркс». Сборник. _____
 С. Минин. Отец Игнатий. Трагедия в 3-х действиях. _____
 С. Гарин. Отасу. Социальная пьеса в 4-х действиях. _____
 «Спутник рабочего» — календарь на 1923 г. _____
 Материалы XII Съезда Р. К. П. _____
 Методическое пособие для пропагандистов и лекторов.
 На подеме — Сборник рассказов для молодежи. _____
 Я. Иннулихин. — Как и почему мы победили. _____
 «Р.К.П. — Вождь пролетариата». Сборник материалов, посвященных
 25-летию Р. К. П. _____
 «Звенья». — Альманах. _____
 С. Драницын. Конституция С. С. С. Р. и Р. С. Ф. С. Р. в ответах на
 вопросы. _____

В печати

- И. Маркс. Теории прибавочной ценности, 3 тома (в 4-х вып.) _____
 В. Невский. Очерки по истории Р. К. П. часть 1-я. _____
 Протоколы II-го съезда РСДРП (стеногр. отчет). _____
 М. Сльминский. Из эпохи «Звезды» и «Правды». _____
 Г. Зиновьев. Полоса великих битв. _____
 А. Тюменов. Очерки экономической и социальной истории
 древней Греции. том I «Революция». _____
 том II «Расцвет и кризис демократии». _____
 том III «Упадок». _____
 Грант Аллен. Эволюция понятия о боге. _____
 Хрестоматия Материализма. «Француз. материализм XVIII в.», 2-й в.
 Спутник Рабочего. Календарь на 1924 год. _____
 К. Бюхер. Работа и ритм. _____
 Гернер. Рабочий вопрос. _____
 Проф. К. Вейле. Начатки завоевания природы. «Первобытная
 механика». _____
 Проф. К. Вейле. От бирки до алфавита. _____
 Проф. К. Вейле. Первобытное общество и его хозяйство. _____
 П. Заволокин. Современные рабоче-крестьянские поэты в авто-
 биографиях и образцах. _____
 Хозе Инженерос. Принципы биологической психологии. _____
 Львов-Рогачевский. Книга для чтения по истории новейшей Рус-
 ской литературы. _____
 Керженцев. Как вести собрания. 5-ое издание. _____
 Пионтиковский. 9-ое января. _____
 Его же. Февральская революция. _____
 И. Книжкин. Что читать по общественным вопросам. _____
 Андрей Струг. История одной бомбы. _____
 Англия и Франция на исходе XVIII века — сборник материалов
 (2-ое изд.). _____
 А. Гильбо. Ленин. (Его жизнь и деятельность). _____
 Даниэль де-Леон. Две страницы из Римской истории. _____